

Признаки перемен

Уильям Моррис

Signs of Change

William Morris

Электронная книга проекта "Гутенберг" о признаках перемен

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Признаки перемен

Автор: Уильям Моррис

Дата выхода: 1 февраля 2002 г. [Электронная книга №3053]

Последнее обновление: 27 сентября 2014 г.

Язык: Английский

Титры: Переписано с издания Лонгманса, Грина и компании 1896 года Дэвидом Прайсом

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ПРИЗНАКИ ПЕРЕМЕН" ***

Переписано из издания Лонгманса, Грина и компании 1896 года Дэвидом Прайсом по электронной почте ssx074@pglaf.org

ПРИЗНАКИ ПЕРЕМЕН

Семь лекций

ВЫСТУПАЛ ПО РАЗЛИЧНЫМ ПОВОДАМ

УИЛЬЯМ МОРРИС,
АВТОР КНИГИ "ЗЕМНОЙ РАЙ"

ЛОНГМАНС, ГРИН И КО.
ЛОНДОН, НЬЮ-ЙОРК И БОМБЕЙ
1896

Все права защищены

Содержание.

	СТРАНИЦА
Как мы живем и как могли бы жить	1
Виги, демократы и социалисты	37

Феодальная Англия	55
Надежды цивилизации	84
Цели искусства	117
Полезной работы <i>против</i> бесполезного труда	141
На заре новой эпохи	174

КАК МЫ ЖИВЕМ И КАК МОГЛИ БЫ ЖИТЬ.

Слово "Революция", которое мы, социалисты, так часто вынуждены использовать, звучит ужасно в ушах большинства людей, даже когда мы объясняем им, что оно не обязательно означает перемены, сопровождающиеся бунтами и всеми видами насилия, и не может означать перемены, произведенные механически и вопреки мнению группы людей, которым каким-то образом удалось на данный момент захватить исполнительную власть. Даже когда мы объясняем, что используем слово "революция" в его этимологическом смысле и подразумеваем под ним изменение в основах общества, люди пугаются мысли о таких масштабных переменах и умоляют вас говорить о реформе, а не о революции. Поскольку, однако, мы, социалисты, под словом "революция" совсем не подразумеваем того, что эти достойные люди подразумевают под словом "реформа", я не могу отделаться от мысли, что было бы ошибкой использовать это слово, какие бы проекты мы ни скрывали под его безобидной оболочкой. Поэтому мы будем придерживаться своего слова, которое означает изменение основ общества; это может напугать людей, но, по крайней мере, предупредит их о том, что есть чего бояться, что будет не менее опасно из-за игнорирования; а также это может ободрить некоторых людей и будет означать для них, по крайней мере, не страх, а надежду.

Страх и Надежда — вот названия двух великих страстей, которые правят человечеством и с которыми приходится иметь дело революционерам; давать надежду множеству угнетенных и бояться немногих угнетателей, это наше дело; если мы делаем первое и даем надежду многим, немногие *должны* испугаться своей надежды; в противном случае мы не хотим пугать их; мы хотим не мести для бедных людей, а счастья; в самом деле, какая месть может быть предпринята за все тысячелетия страданий бедных?

Однако многие из угнетателей бедных, большинство из них, скажем так, не осознают себя угнетателями (сейчас мы увидим почему); сами они живут упорядоченно, тихо, насколько это возможно, вдали от чувств римского рабовладельца или легри; они знают, что бедные существуют, но их страдания не представляются им в резкой и драматичной форме; им самим приходится переносить трудности, и они, несомненно, думают, что переносить неприятности - удел человечества, и у них нет никаких средств сравнить беды других людей. их жизнь совпадает с жизнью людей, стоящих ниже по социальной лестнице; и если когда-нибудь мысль об этих более тяжелых неприятностях навязывается им, они утешают себя максимой о том, что люди привыкают к неприятностям, которые им приходится переносить, какими бы они ни были.

Действительно, по крайней мере, в отношении отдельных людей, это слишком верно, так что у нас есть сторонники нынешнего положения вещей, каким бы плохим оно ни было, во-первых, те удобные бессознательные угнетатели, которые думают, что им есть чего бояться от любых изменений, которые повлекут за собой нечто большее, чем самые мягкие и постепенные реформы, и, во-вторых, те бедные люди, которые, живя тяжело и тревожно, едва ли могут представить, что с ними произойдут какие-либо изменения к лучшему, и не осмеливаются рисковать ни крошкой своего скудного имущества, предпринимая какие-либо действия для возможного улучшения своего положения; так что хотя мы мало что можем сделать с богатыми, кроме как внушить им страх, бедным действительно трудно дать какую-либо надежду. Поэтому не менее разумно, чтобы те, кого мы пытаемся вовлечь в великую борьбу за лучшую форму жизни, чем та, которую мы сейчас ведем, призывали нас дать им хотя бы некоторое представление о том, на что может быть похожа эта жизнь.

Разумная просьба, но труднодостижимая, поскольку мы живем в системе, которая делает сознательные усилия по реконструкции практически невозможными: с нашей стороны вполне разумно ответить: “Существуют определенные препятствия на пути реального прогресса человека; мы можем сказать вам, что это такое; уберите их, и тогда вы увидите”.

Однако сейчас я намереваюсь предложить себя в качестве жертвы для удовлетворения тех, кто считает, что при нынешнем положении дел у нас по крайней мере что-то есть, и приходит в ужас от мысли потерять это, чтобы не обнаружить, что им хуже, чем раньше, и у них ничего нет. Тем не менее, в ходе моих попыток показать, как мы могли бы жить, я должен более или менее иметь дело с негативом. Я хочу сказать, что я должен указать, где, по моему мнению, мы терпим неудачу в наших нынешних попытках вести достойную жизнь. Я должен спросить богатых и состоятельных людей, что это за положение, которое они так стремятся сохранить любой ценой? а если, в конце концов, для них будет такой ужасной потерей отказаться от этого? и я должен указать бедным, что они, способные вести достойную и щедрую жизнь, находятся в положении, которое они не могут вынести без дальнейшей деградации.

Как же тогда мы живем при нашей нынешней системе? Давайте немного посмотрим на это.

И прежде всего, пожалуйста, поймите, что наша нынешняя система общества основана на состоянии постоянной войны. Кто-нибудь из вас думает, что так и должно быть? Я знаю, вам часто говорили, что конкуренция, которая в настоящее время является правилом всего производства, - это хорошо и стимулирует прогресс расы; но люди, которые говорят вам это, должны называть конкуренцию более коротким именем - *война*, если они хотят быть честными, и тогда вы были бы вольны решать, стимулирует ли война прогресс, иначе как бешеный бык, гонящийся за вами по вашему собственному саду. Война или соперничество, как вам угодно это называть, означает в лучшем случае стремление к собственной выгоде ценой чьих-то потерь, и в процессе этого вы не должны щадить разрушения даже своего собственного имущества, иначе вам, безусловно, станет хуже в борьбе. Вы прекрасно понимаете, что это за война, в которой люди идут убивать и быть убитыми; та война, в которой кораблям приказывают, например, “топить, жечь и разрушать”; но, похоже, вы не так остро ощущаете эту напрасную трату товаров, когда ведете всего лишь другую войну, называемую *торговлей*; заметьте, однако, что напрасная трата все равно есть.

Теперь давайте посмотрим на этот вид войны немного ближе, пробежимся по некоторым ее формам, чтобы мы могли увидеть, как в ней осуществляется “сжигание, топление и разрушение”.

Во-первых, у вас есть такая форма, как национальное соперничество, которая, по правде говоря, в наши дни является причиной всех пороховых и штыковых войн, которые ведут цивилизованные нации. В последние годы мы, англичане, довольно стеснялись их, за исключением тех счастливых случаев, когда мы могли продолжать их без какого-либо риска для себя, когда все убийства были на одной стороне, или, по крайней мере, когда мы надеялись, что так и будет. Мы долгое время стеснялись пороховой войны с уважаемым врагом, и я скажу вам почему: это потому, что у нас была львиная доля мирового рынка; мы не хотели сражаться за это как нация, потому что мы это получили; но теперь ситуация меняется самым значительным и, с точки зрения социалиста, самым обнадеживающим образом; мы теряем или уже потеряли эту львиную долю; сейчас это отчаянное “соревнование” между великими нациями цивилизации за мировой рынок, а завтра это может быть отчаянная война за мировой рынок. Этот конец. В результате, разжигание войны (если оно не будет слишком масштабным) больше не ограничивается стремлением к чести и славе старых тори, которые, если они вообще что-то под этим подразумевали, имели в виду, что война тори была бы хорошим поводом для ослабления демократии; мы все это изменили, и теперь это совсем другой тип политиков, которые обычно призывают нас к “патриотизму”, как это называется. Лидеры прогрессивных либералов, как они бы назвали себя, длинноголовые личности, которые достаточно хорошо знают, что происходят социальные движения, которые не закрывают глаза на тот факт, что мир сдвинется с места с их помощью или без нее; они были джингоистами последних дней. Я не хочу сказать, что они знают, что делают: политики, как вам хорошо известно, тщательно закрывают глаза на все, что может произойти на шесть месяцев вперед; но делается вот что: нынешняя система, которая всегда должна включать национальное соперничество, толкает нас в отчаянную борьбу за рынки на более или менее равных условиях с другими странами, потому что мы снова утратили то господство над ними, которое у нас когда-то было. Отчаявшийся - не слишком сильное слово. Мы позволим этому импульсу захватить рынки увлечь нас туда, куда он захочет, туда, куда он должен. Сегодня это успешная кража со взломом и позор, завтра это может быть просто поражение и позор.

Это не отступление, хотя, говоря это, я ближе к тому, что обычно называется политикой, чем когда-либо буду. Я только хочу показать вам, к чему приводит коммерческая война, когда она имеет дело с иностранными государствами, и что даже самый тупой может понять, к каким пустым тратам она приводит. Вот как мы живем сейчас с иностранными нациями, готовые разорить их без войны, если возможно, с помощью нее, если необходимо, не говоря уже о постыдной эксплуатации диких племен и варварских народов, которым мы одновременно навязываем наши дрянные товары и наше лицемерие под дулом пушки.

Что ж, несомненно, социализм может предложить вам что-то взамен всего этого. Он может; он может предложить вам мир и дружбу вместо войны. Мы могли бы жить совершенно без национального соперничества, признавая, что, хотя для тех, кто чувствует, что они естественным образом образуют сообщество под одним названием, лучше всего управлять самим собой, но ни одно сообщество в цивилизации не должно чувствовать, что его интересы противостоят каким-либо другим, их экономическое положение, во всяком случае, схоже; так что любой гражданин одного сообщества мог бы работать и жить, не нарушая своей жизни,

находясь в чужой стране, и вполне естественно вписался бы на свое место; так что все цивилизованные нации образовали бы одно большое сообщество, соглашаясь друг с другом относительно вида и объема необходимого производства и распределения; работая на таком-то производстве, где это необходимо. может быть произведено наилучшим образом; во что бы то ни стало избегая отходов. Пожалуйста, подумайте о количестве отходов, которых они избежали бы, о том, насколько такая революция увеличила бы богатство мира! Какому существу на земле такая революция причинила бы вред? Нет, разве от этого не стало бы лучше для всех? И что этому мешает? Я расскажу вам позже.

Тем временем давайте перейдем от этой “конкуренции” между нациями к конкуренции между “организаторами труда”, крупными фирмами, акционерными обществами; короче говоря, капиталистами, и посмотрим, как конкуренция “стимулирует производство” между ними: действительно, она это делает; но какого рода производство? Ну, производство чего-либо для продажи с прибылью, или, скажем, получение прибыли: и обратите внимание, как военная торговля стимулирует это: определенный рынок требует товаров; есть, скажем, сотня производителей, производящих такого рода товары, и каждый из них сделал бы это, если бы мог удержать этот рынок при себе; и отчаянно борется за то, чтобы получить как можно больше этого, с очевидным результатом, что в настоящее время с этим перестарались, рынок перенасыщен, и вся эта ярость производства должна превратиться в холодный пепел. Разве вам это не кажется чем-то вроде войны? Неужели вы не видите, какая это пустая трата времени — напрасная трата труда, навыков, хитрости, короче говоря, напрасная трата жизни? Что ж, вы можете сказать, но это удешевляет товар. В некотором смысле это так; и все же только по видимости, поскольку заработная плата обычного рабочего имеет тенденцию снижаться пропорционально снижению цен; и какой ценой мы добиваемся этой видимости дешевизны! Проще говоря, ценой обмана потребителя и морения голодом реального производителя в интересах игрока, который использует и потребителя, и производителя как своих дойных коров. Мне не нужно идти в длину на предмет фальсификации, ибо каждый знает, что за роль, которую она играет в такого рода торговли; но помните, что это абсолютно необходимый случай на производстве прибыли из изделия, что бизнес так называемых производителя; и в этом вы должны понимать, что, взяв его в комок, потребителю совершенно беспомощна против игрока; товар заставили его их дешевизна, а вместе с ними определенный образ жизни, который энергичный, агрессивный, что определяет дешевизну для него настолько далеко идущими это проклятие торговой войны, что ни одна страна не застрахована от разрушительного; традиции тысячи лет упасть перед ним в месяц; это происходит переполнение слабой или полу-варварская страна, и любой роман или удовольствие или искусство существовало там, попираем в трясине мерзости и уродства, Индийский и яванский мастер может больше заниматься своим ремеслом не спеша, работая несколько часов в день, в производстве лабиринт странную красоту на ткань: паровой двигатель устанавливается собирается в Манчестер, и что победа над природой и тысячи упрямый трудности используется для базовой работы производить своего рода штукатурки из керамики-глины и дрянной, и азиатского работника, если он не умерли с голоду сразу, как обычно бывает, загоняют себя в фабрику, чтобы понизить заработную плату своих Манчестер брат рабочий, и ничего о нем не осталось, кроме него, больше всего нравится, накопление страх и ненависть, что ему необъяснимым злом, его английский учитель. Житель островов Южных морей должен оставить свое ремесло резьбы по дереву, сладостный отдых и грациозные танцы и стать рабом рабов: брюки, дешевую одежду, ром, миссионерство и смертельную болезнь — он должен проглотить всю эту

цивилизацию целиком, и ни он сам, ни мы не сможем ему помочь, пока общественный порядок не заменит отвратительную тиранию азартных игр, которая его погубила.

Пусть это будут типы потребителей: но теперь что касается производителя; я имею в виду настоящего производителя, рабочего; как эта борьба за разграбление рынка влияет на него? Фабриканту в пылу своей войны пришлось собрать в одном районе огромную армию рабочих, он муштровал их до тех пор, пока они не стали настолько пригодны для его особой отрасли производства, то есть для извлечения из нее прибыли, и в результате они ни на что другое не пригодны: что ж, когда на рынке, который он поставляет, наступает перенасыщение, что происходит с этой армией, каждый рядовой в которой зависел от постоянного спроса на этом рынке и действовал так, как он не мог не действовать, как если бы это продолжалось вечно? Вы хорошо знаете, что происходит с этими людьми: двери фабрик закрываются перед ними; часто перед очень большой частью из них и в лучшем случае перед резервной армией труда, так усердно занятой во время инфляции. Что с ними происходит? Нет, мы уже достаточно хорошо это знаем. Но чего мы не знаем или не хотим знать, так это того, что эта резервная армия труда является абсолютной необходимостью для коммерческой войны; если бы *у наших* производителей не было этих бедолаг, которых они могли бы подключить к своим машинам, когда спрос вырос, другие производители во Франции, или Германии, или Америке вмешались бы и отняли у них рынок.

Итак, вы видите, что в условиях, в которых мы живем сейчас, необходимо, чтобы огромная часть промышленного населения подвергалась опасности периодического полуголодного существования, и это не для пользы людей в другой части мира, а для их деградации и порабощения.

Просто позвольте себе на мгновение задуматься о том, какое расточительство это означает, это открытие новых рынков среди диких и варварских стран, которое является крайним проявлением влияния прибыльного рынка на мир, и вы, несомненно, увидите, каким отвратительным кошмаром является этот прибыльный рынок: он заставляет нас потеть и бояться за свои средства к существованию, не имея возможности прочитать книгу или посмотреть картину, или прогуляться по приятным полям, или полежать на солнышке, или поделиться знаниями нашего времени, короче говоря, получить животное или интеллектуальное удовольствие, и в течение многих лет мы что? чтобы мы могли продолжать вести ту же рабскую жизнь до самой смерти, чтобы обеспечить богатому человеку то, что называется жизнью в легкости и роскоши; то есть жизнь настолько пустую, нездоровую и деградировавшую, что, возможно, в целом он находится в худшем положении, чем мы, рабочие; а что касается результата всех этих страданий, то лучше всего, когда вообще ничего нет, когда можно сказать, что товары никому не принесли пользы; ибо чаще всего они причиняли многим людям вред, и мы трудились, стонали и умирали в создавая яд и разрушение для наших собратьев.

Что ж, я говорю, что все это война, и результаты войны, на этот раз войны не конкурирующих наций, а конкурирующих фирм или капиталистических единиц: и именно эта война фирм препятствует миру между нациями, который, как вы, несомненно, согласились со мной, является столь необходимым; ибо вы должны знать, что война - это само дыхание этих воюющих фирм, и сейчас, в наше время, они получили в свои руки почти всю политическую власть, и они объединяются в каждой стране, чтобы заставить свои соответствующие правительства

выполнять только две функции: первая - одновременно домой, чтобы действовать как сильная полиция, держать кольцо, на котором сильные избивают слабых; второй - действовать как пиратский телохранитель за границей, петарда, взрывающая двери, ведущие на рынки мира: рынки по любой цене за границей, без ограничений, с привилегиями, ложно называемыми *laissez-faire*, [13] обеспечить их у себя дома любой ценой - единственная задача правительства, такого, какое смогли себе представить наши промышленные капитаны. Теперь я должен попытаться показать вам причину всего этого и на чем она зиждется, попытавшись ответить на вопрос, почему спекулянты получили всю эту власть или, по крайней мере, почему они могут ее сохранить?

Это подводит нас к третьей форме военной рекламы: последней и той, на которой основано все остальное. Сначала мы говорили о войне соперничающих наций; затем о войне конкурирующих фирм; теперь мы должны поговорить о конкурирующих людях. Как нации при нынешней системе вынуждены конкурировать друг с другом за мировые рынки, и как фирмы или капитаны промышленности вынуждены бороться за свою долю прибыли на рынках, так и рабочие вынуждены конкурировать друг с другом — за средства к существованию; и именно эта постоянная конкуренция или война между ними позволяет спекулянтам получать свою прибыль и с помощью приобретенного таким образом богатства брать всю исполнительную власть в стране в свои руки. Но вот в чем разница между положением рабочих и лиц, получающих прибыль: для последних, добытчиков прибыли, война необходима; вы не можете получать прибыль без конкуренции, индивидуальной, корпоративной и национальной; но вы можете зарабатывать на жизнь, не конкурируя; вы можете объединяться, вместо того чтобы конкурировать.

Я сказал, что война была жизненным дыханием тех, кто извлекает выгоду; точно так же объединение - это жизнь рабочих. Рабочий класс или пролетариат даже не может существовать как класс без какой-либо комбинации. Необходимость, которая заставляла спекулянтов собирать своих людей сначала в мастерские, работающие за счет разделения труда, а затем на большие фабрики, работающие с помощью машин, и таким образом постепенно втягивать их в большие города и центры цивилизации, породила особый рабочий класс, или пролетариат: и это было то, что обеспечило им, так сказать, их *механическое* существование. Но учтите, что они действительно объединяются в социальные группы для производства изделий, но только пока механически; они не знают, что они работают, ни с кем они работают, потому что они объединяют, чтобы выпускать изделия, которые прибыли мастера составляет существенную часть, а не товаров для собственных нужд: как долго, как они это делают и конкурируют друг с другом о разрешении, чтобы сделать это, они будут, и будут чувствовать себя, просто часть из этих конкурирующих фирм я уже говорил, они будут в действительности просто часть оборудования для производства прибыли; и до тех пор, пока длится цель будет состоять мастеров или компании-производители для снижения рыночной стоимости этого человека частью механизма; это, так сказать, поскольку они уже держат в своих руках труда убитых мужчин в форме капитала и машинами, это их интересы, или мы будем говорить, их необходимость, оплатить так же мало, как они могут помочь трудовой жизни мужчин, которые они должны приобрести изо дня в день: и с рабочими, которых они нанимают ничего не имею, но их труд, они вынуждены перебить друг друга на занятость и заработная плата, и так, чтобы капиталист, чтобы играть в свою игру.

Я уже говорил, что при существующем положении дел рабочие становятся частью конкурирующих фирм, дополнением к капиталу. Тем не менее, они являются таковыми только по принуждению; и, даже не осознавая этого, они борются против этого принуждения и его непосредственных результатов, снижения своей заработной платы, своего уровня жизни; и это они делают и должны делать как класс, так и индивидуально: точно так же, как раб великого римского господина, хотя он отчетливо ощущал себя частью семьи, все же коллективно был резервной силой для ее уничтожения, и индивидуально крал у своего господина всякий раз, когда мог это безопасно делать. Итак, вот, как вы видите, еще одна форма войны, необходимая для того, как мы живем сейчас, война класса против класса, которая, когда она достигнет своего апогея, а она, кажется, растет в настоящее время, уничтожит те другие формы войны, о которых мы говорили; сделает несостоятельной позицию тех, кто извлекает выгоду из вечной коммерческой войны; разрушит нынешнюю систему конкурентных привилегий, или коммерческую войну.

Теперь обратите внимание, я сказал, что для существования рабочих необходимо было объединение, а не конкуренция, в то время как для существования лиц, получающих прибыль, объединение было невозможно, а война необходимой. Нынешнее положение рабочих - это положение торгового механизма, или, проще говоря, их рабов; когда они изменят это положение и станут свободными, класс лиц, получающих прибыль, должен прекратить свое существование; и каково тогда будет положение рабочих? Даже в таком виде они являются единственной необходимой частью общества, дающей жизнь частью; остальные классы - всего лишь прихлебатели, которые живут за их счет. Но какими они должны быть, кем они станут, когда раз и навсегда познают свою реальную силу и перестанут конкурировать друг с другом за средства к существованию? Я скажу вам: они будут обществом, они будут общиной. И поскольку они являются обществом, то есть вне их нет класса, с которым можно было бы бороться, они могут регулировать свой труд в соответствии со своими собственными реальными потребностями.

Много говорят о спросе и предложении, но обычно подразумеваются спрос и предложение искусственные; они находятся под влиянием азартного рынка; спрос навязывается, как я намекал выше, до того, как он будет удовлетворен; и поскольку каждый производитель работает против всех остальных, производители не могут держать себя в руках до тех пор, пока рынок не будет перенасыщен и рабочие, выброшенные на улицы, не услышат, что произошел перепроизводство, при котором из-за избытка товаров, не подлежащих продаже, они остаются без достаточного снабжения даже предметами первой необходимости, потому что богатство, которое они сами создали, "неправильно распределено"., "как мы это называем - то есть несправедливо отнятое у них.

Когда рабочие станут обществом, они будут регулировать свой труд так, чтобы спрос и предложение были настоящими, а не азартными играми; тогда они будут соизмеримы, потому что это то же самое общество, которое требует и поставляет; тогда больше не будет искусственного голода, больше не будет бедности среди перепроизводства, среди слишком большого запаса тех самых вещей, которые должны восполнять бедность и превращать ее в благосостояние. Короче говоря, не будет расточительства и, следовательно, тирании.

Ну, а теперь, что социализм предлагает вам на месте этих искусственных голодоморов, с так называемого перепроизводства, это, еще раз, регулирования рынков, спроса и предложения,

соизмеримые; не играть в азартные игры, и поэтому (еще раз) не отходы; не переутомления и усталости работника за один месяц, а в следующем нет работы и ужас голода, но стабильно работать и много мест каждый месяц; не дешевые на рынке изделия, то есть, фальсифицированные товары, с едва каких-либо хорошее в них, лишь эшафот-палки для наращивания прибыли; без труда были бы израсходованы на такие вещи, как эти, что люди перестают хотеть, когда они перестали быть рабами. Труд был бы направлен на производство не этих, а таких товаров, которые наилучшим образом отвечали бы реальным потребностям потребителей; поскольку прибыль была отменена, люди могли бы иметь то, что они хотели, вместо того, что их заставляли брать погонщики прибыли дома и за границей.

Ибо я хочу, чтобы вы поняли вот что: в каждой цивилизованной стране, по крайней мере, всего хватает на всех — есть или, во всяком случае, могло бы быть. Даже при таком неправильном направлении труда, как в настоящее время, справедливое распределение имеющегося у нас богатства сделало бы всех людей сравнительно комфортными; но это ничто по сравнению с тем богатством, которое мы могли бы иметь, если бы труд не был направлен неправильно.

Заметьте, на заре истории человека он был рабом своих самых насущных потребностей; Природа была могущественна, а он слаб, и ему приходилось вести с ней постоянную войну за ежедневную пищу и кров, который он мог получить. Его жизнь была связана и ограничена этой постоянной борьбой; вся его мораль, законы, религия на самом деле являются результатом и отражением этого непрерывного труда по зарабатыванию средств к существованию. Время шло, и мало-помалу, шаг за шагом, он становился сильнее, пока теперь, по прошествии всех этих веков, он почти полностью не покорил Природу, и, казалось бы, теперь у него должно быть свободное время, чтобы обратить свои мысли к более высоким вещам, чем заготовка завтрашнего обеда. Но, увы! его прогресс был прерван и остановился; и хотя он действительно победил Природу и держит ее силы под своим контролем, чтобы делать с ними все, что ему заблагорассудится, ему все еще нужно побеждать самого себя, он все еще должен думать, как наилучшим образом использовать те силы, которыми он овладел. В настоящее время он использует их слепо, безрассудно, как человек, ведомый простой судьбой. Может показаться, что какой-то призрак непрерывной погони за пищей, которая когда-то была господином дикаря, все еще охотится на цивилизованного человека, который, так сказать, трудится во сне, преследуемый лишь смутными нереальными надеждами, порожденными смутными воспоминаниями о минувших днях. Он должен очнуться от этого сна и взглянуть на вещи такими, какие они есть на самом деле. Покорение природы завершено, разве мы не можем сказать? и теперь наше дело - это организация человека, который управляет силами Природы, и так было уже долгое время. По крайней мере, до тех пор, пока мы не попытаемся это сделать, мы никогда не освободимся от того ужасного призрака страха голодной смерти, который вместе со своим братом-дьяволом, желанием господства, толкает нас на несправедливость, жестокость и подлость всех видов: перестать бояться своих собратьев и научиться зависеть от них, покончить с конкуренцией и наладить сотрудничество - вот наша единственная необходимость.

Теперь ближе к деталям; вы, вероятно, знаете, что каждый человек в цивилизации стоит, так сказать, дороже своей кожи; работая, как он должен работать, в обществе, он может производить больше, чем позволит ему выжить и поддерживать нормальное состояние; и так было на протяжении многих веков, фактически с того времени, когда враждующие племена начали превращать своих побежденных врагов в рабов, вместо того чтобы убивать их; и,

конечно, его способность производить эти дополнительные услуги росла все быстрее и быстрее, пока сегодня один человек, например, не соткет за неделю столько ткани, сколько оденет целый народ. деревня на протяжении многих лет: и реальным вопросом цивилизации всегда было, что нам делать с этим дополнительным продуктом труда - вопросом, на который фантомный страх голодной смерти и сопутствующее ему желание господства всегда заставляли людей отвечать довольно плохо, и хуже всего, возможно, в наши дни, когда дополнительный продукт растет с такой невероятной скоростью. Практический ответ всегда заключался в том, что человек боролся со своим ближним за частное владение неоправданными долями этих дополнительных средств, и те, кто обнаружил, что обладает властью отбирать их у других, использовали всевозможные уловки, чтобы держать тех, кого они ограбили, в вечном подчинении; и у этих последних, как я уже намекал, не было шансов противостоять этому обиранию, пока они были немногочисленны и разрозненны, и, следовательно, они могли мало осознавать свое общее угнетение. Но теперь, когда из-за самой погони за этими чрезмерными долями прибыли или дополнительными заработками люди стали более зависимыми друг от друга в производстве и были вынуждены, как я уже говорил ранее, объединяться для достижения этой цели более полно, власть рабочих — то есть ограбленного или ободранного класса — чрезвычайно возросла, и им остается только понять, что они обладают этой властью. Когда они это сделают, они смогут дать правильный ответ на вопрос, что делать с дополнительными продуктами труда сверх того, что позволит рабочему продолжать трудиться: этот ответ заключается в том, что рабочий будет иметь все, что он производит, и его вообще не будут обирать: и помните, что он производит коллективно, и поэтому он будет эффективно выполнять ту работу, которая от него требуется, в соответствии с его способностями, и из продуктов этого труда он получит то, что ему нужно; потому что, видите ли, он не может *использовать* больше, чем ему нужно — он может только *тратить* это.

Если это устройство кажется вам абсурдно идеальным, что вполне может быть, учитывая наше нынешнее состояние, я должен подтвердить это, сказав, что когда люди будут организованы так, чтобы их труд не пропадал даром, они будут избавлены от страха голодной смерти и желания господства, и у них будут свобода и досуг, чтобы осмотреться и понять, в чем они действительно нуждаются.

Теперь кое-что из этого я могу постичь сам, и я изложу вам свои идеи, чтобы вы могли сравнить их со своими собственными, прося вас всегда помнить, что сами различия в способностях и желаниях людей после того, как общая потребность в пище и крове будет удовлетворена, облегчат выполнение их желаний в условиях общественного положения вещей.

Итак, в чем я нуждаюсь, что могут дать мне окружающие меня обстоятельства — мои отношения с моими ближними, - исключая неизбежные случайности, которые сотрудничество и предусмотрительность не могут контролировать, если таковые имеются?

Ну, прежде всего, я утверждаю, что у меня хорошее здоровье; и я говорю, что огромная часть людей в цивилизованном мире едва ли даже знает, что это значит. Ощущать саму жизнь как удовольствие; наслаждаться движением своих конечностей и упражнением своих телесных сил; играть, так сказать, с солнцем, ветром и дождем; радоваться удовлетворению должных телесных потребностей человека-животного, не боясь деградации или чувства несправедливости: да, и при этом быть хорошо сложенным, с прямыми конечностями, крепко сбитым, выразительным лицом - быть, одним словом, красивым — на это я тоже претендую.

Если мы не можем удовлетворить это требование, то, в конце концов, мы всего лишь бедные создания; и я заявляю об этом вопреки тем ужасным доктринам аскетизма, которые, порожденные отчаянием угнетенных и деградировавших, на протяжении стольких веков использовались как инструменты для продолжения этого угнетения и деградации.

И я полагаю, что это требование здорового тела для всех нас влечет за собой все другие надлежащие требования: ибо кто знает, где впервые были посеяны семена болезней, от которых страдают даже богатые люди: возможно, из-за роскоши предка; но часто, я подозреваю, из-за его бедности. И для бедных: выдающийся физик сказал, что бедные всегда страдают от одной болезни—голод; и, по крайней мере, я знаю, что, если человек перетрутился в какой-то степени он не может наслаждаться сортировать здоровья, о которых я говорю; не может он, если он постоянно прикован к одному скучно тура механическую работу, без надежды на другом конце его; и если он живет в постоянной убогой тревога за его жизнь, или, если он плохо расположен, ни если он лишен всякого наслаждения природной красотой мира, ни, Если у него нет развлечений, чтобы оживить поток его духов время от времени: все эти вещи, которые трогают, более или менее прямо на его физическое состояние, рождаются претензии мне сделать, чтобы жить в добром здравии; в самом деле, я подозреваю, что эти хорошие условия, наверное, были в силе на протяжении нескольких поколений, прежде чем население в целом, будет действительно здоров, как я уже намекнул выше; но также я не сомневаюсь, что со временем они бы присоединились к другим условиям, о чем подробнее далее, постепенно порода такая населения, проживающего в пользование животного мира, по крайней мере, счастлив, поэтому и прекрасный по красоте своей расы. По этому поводу я могу отметить, что сами различия в человеческих расах вызваны условиями, в которых они живут, и хотя в этих более суровых частях света нам не хватает некоторых преимуществ климата и окружающей среды, все же, если бы мы работали ради средств к существованию, а не ради прибыли, мы могли бы легко нейтрализовать многие недостатки нашего климата, по крайней мере, дать должный простор для полноценного развития нашей расы.

Теперь следующее, на что я претендую, - это образование. И вы не должны говорить, что сейчас каждый английский ребенок образован; такого рода образование не отвечает моим требованиям, хотя я охотно признаю, что это что-то: что-то, и все же, в конце концов, всего лишь классовое образование. То, на что я претендую, - это гуманитарное образование; то есть возможность получить свою долю любых знаний, которые есть в мире, в соответствии с моими способностями или склонностями ума, исторических или научных; а также получить свою долю ручного мастерства, которое есть в мире, либо в промышленном ремесле, либо в изобразительном искусстве; живописи, скульптуре, музыке, актерском мастерстве или подобном: я утверждаю, что меня научили, если меня можно научить, более чем одному ремеслу, которым я могу заниматься на благо общества. Вы можете счесть это большим требованием, но я уверен, что это не слишком большое требование, если сообщество хочет извлечь какую-то выгоду из моих особых способностей, если мы все не хотим быть низведенными до унылого уровня посредственности, какими мы являемся сейчас, все, кроме самых сильных и выносливых из нас.

Но также я знаю, что это требование образования подразумевает требование общественных преимуществ в форме публичных библиотек, школ и тому подобного, которыми не может обладать ни одно частное лицо, даже самое богатое: но я заявляю об этом очень уверенно,

будучи уверенным, что ни одно разумное сообщество не сможет жить без такой помощи для достойной жизни.

Опять же, требование образования влечет за собой требование изобилия досуга, что я еще раз заявляю с уверенностью; потому что, когда мы избавимся от рабства наживы, труд будет организован настолько без потерь, что на отдельных граждан не ляжет тяжелое бремя; каждый из которых, как само собой разумеющееся, должен будет платить свою дань за какую-то явно полезную работу. В настоящее время вы должны отметить, что все удивительные механизмы, которые мы изобрели, служили только для увеличения количества приносящих прибыль товаров; другими словами, для увеличения суммы прибыли, получаемой отдельными лицами в своих собственных интересах, часть которой они используют как капитал для получения большей прибыли, с теми же сопутствующими ей растратами; а часть как личное богатство или средства для роскошной жизни, что опять же является чистой тратой, - на самом деле их следует рассматривать как своего рода костер, на котором богатые люди сжигают продукт труда, который они обобрали у рабочих сверх того, что они сами могут себе позволить. использовать. Поэтому я говорю, что, несмотря на наши изобретения, ни один рабочий не работает при нынешней системе ни на час меньше из-за так называемых трудосберегающих машин. Но при более счастливом положении вещей они использовались бы просто для экономии рабочей силы, и к этому добавилось бы огромное количество свободного времени, получаемого обществом в дополнение к тому, что достигается за счет отказа от бесполезной роскоши и отмены службы в торговой войне.

И я могу сказать, что относительно этого досуга, поскольку я ни в коем случае не должен причинять никому вреда с его помощью, я часто приношу с его помощью какую-то прямую пользу обществу, занимаясь искусствами или занятиями для своих рук или мозга, которые доставили бы удовольствие многим гражданам; другими словами, большая часть лучшей выполняемой работы была бы сделана в свободное время людьми, избавленными от каких-либо забот о своем пропитании и стремящимися использовать свои особые таланты, как и все люди, нет, все животные.

Теперь, опять же, этот досуг позволил бы мне радовать себя и расширять кругозор путешествиями, если бы у меня было к этому желание: потому что, скажем, если бы я был сапожником; если бы был установлен надлежащий общественный порядок, из этого ни в коем случае не следовало бы, что я всегда был бы вынужден шить обувь в одном месте; должное количество легко мыслимых договоренностей позволило бы мне шить обувь в Риме, скажем, в течение трех месяцев и вернуться с новыми идеями строительства, почерпнутыми из созерцания произведений прошлых веков, среди прочего, которые, возможно,годились бы в Лондоне.

Но теперь, чтобы мой досуг не выродился в праздность и бесцельность, я должен заявить о необходимости выполнять надлежащую работу. На мой взгляд, нет ничего важнее этого требования, и я должен попросить вашего разрешения сказать что-нибудь по этому поводу. Я упоминал, что мне, вероятно, следовало бы использовать свой досуг для выполнения большей части того, что сейчас называется работой; но ясно, что если я являюсь членом социалистического сообщества, я должен выполнять свою долю более грубой работы, чем эта, — свою долю того, что позволяют мне делать мои способности, то есть; я не подхожу для прокрустова ложа; но даже та доля работы, необходимая для существования простейшей

социальной жизни, должна, в первую очередь, какой бы она ни была, быть разумной работой; то есть это должна быть такая работа, необходимость в которой видит добропорядочный гражданин.; как член сообщества, я, должно быть, согласился сделать это.

Приведу два убедительных примера обратного: я не позволю, чтобы меня нарядили в красное и повели стрелять в моего французского, немецкого или арабского друга в ссоре, которую я не понимаю; я скорее взбунтуюсь, чем сделаю это.

Я также не соглашусь тратить свое время и силы на изготовление какой-нибудь пустяковой игрушки, о которой, как я знаю, может мечтать только дурак; я скорее взбунтуюсь, чем сделаю это.

Однако вы можете быть уверены, что при существующем общественном порядке у меня не будет необходимости бунтовать против подобных проявлений неразумия; просто я вынужден исходить из того, как мы живем, и из того, как мы могли бы жить.

Опять же, если необходимая разумная работа механического характера, мне должна помогать выполнять ее машина, не для того, чтобы удешевить мой труд, а для того, чтобы на нее тратилось как можно меньше времени и чтобы я мог думать о других вещах, ухаживая за машиной. И если работа будет особенно тяжелой или изматывающей, вы, я уверен, согласитесь со мной, сказав, что я должен выполнять ее по очереди с другими людьми; я имею в виду, что, например, нельзя ожидать, что я всегда буду проводить свое рабочее время на дне угольной ямы. Я думаю, что такая работа должна быть в основном добровольной и выполняться, как я уже сказал, заклинаниями. И то, что я говорю об очень грубой работе, я говорю также и о неприятной работе. С другой стороны, я был бы очень невысокого мнения о мужественности крепкого и здорового мужчины, который не испытывал бы удовольствия от выполнения грубой работы; всегда предполагая, что он работал в условиях, о которых я говорил, а именно, чувствуя, что это полезно (и, следовательно, почетно), и что это не было непрерывным или безнадежным, и что он действительно делал это по своей собственной воле.

Последнее требование, которое я предъявляю к своей работе, заключается в том, что места, на которых я работал, фабрики или мастерские, должны быть приятными, точно так же, как приятны поля, где выполняется наша самая необходимая работа. Поверьте мне, ничто в мире не может помешать этому, кроме необходимости получать прибыль от всех товаров; другими словами, товары удешевляются за счет людей, вынужденных работать в переполненных, нездоровых, убогих, шумных притонах: иными словами, они удешевляются за счет жизни рабочего.

Ну, вот и все мои претензии к моей *необходимой* работе, моей дани уважения сообществу. Я верю, что по мере того, как люди будут продвигаться в своей способности поддерживать общественный порядок, они обнаружат, что прожитая таким образом жизнь была гораздо дешевле, чем мы сейчас можем себе представить; и что через некоторое время люди скорее будут стремиться искать работу, чем избегать ее; что наше рабочее время скорее превратится в веселые вечеринки мужчин и служанок, молодых людей и стариков, наслаждающихся своей работой, чем в угрюмую усталость, которой оно в основном является сейчас. Тогда наступило бы время нового рождения искусства, о котором так много говорили, но которое так долго откладывали; люди не могли бы не показывать свое веселье и удовольствие от своей работы и

всегда хотели бы выразить это в осязаемой и более или менее устойчивой форме, и мастерская снова стала бы школой искусства, от влияния которой никто не мог бы избежать.

И, опять же, это слово "искусство" подводит меня к моему последнему утверждению, которое заключается в том, что материальное окружение моей жизни должно быть приятным, щедрым и красивым; я знаю, что это большое требование, но вот что я скажу по этому поводу: если оно не может быть удовлетворено, если каждое цивилизованное сообщество не может обеспечить такое окружение для всех своих членов, я не хочу, чтобы мир существовал; это просто несчастье, что человек когда-либо существовал. Я не считаю возможным при нынешних обстоятельствах высказываться слишком решительно по этому вопросу. Я уверен, что придет время, когда людям будет трудно поверить, что такое богатое сообщество, как наше, обладающее такой властью над внешней природой, могло смириться с такой подлой, убогой, грязной жизнью, какую ведем мы.

И раз навсегда: в наших обстоятельствах нет ничего, кроме погони за прибылью, которая толкает нас на это. Например, именно прибыль привлекает людей в огромные неуправляемые скопления, называемые городами; прибыль, которая загоняет их, когда они находятся там, в кварталы без садов или открытых пространств; прибыль, которая не принимает самых обычных мер предосторожности против того, чтобы окутать весь район облаком сернистого дыма; которая превращает прекрасные реки в грязные сточные канавы; которая обрекает всех, кроме богатых, жить в лучшем случае в идиотски тесных домах, а в худшем - в домах, убожеству которых нет названия.

Я говорю, что почти невероятно, чтобы мы терпели такую вопиющую глупость, как эта; и мы не стали бы этого делать, если бы могли ничего с этим поделать. Мы не потерпим, если рабочие выбьют из головы, что они всего лишь придаток к погоне за прибылью, что чем больше полученная прибыль, тем больше у них будет работы за высокую заработную плату, и что поэтому вся невероятная грязь, беспорядок и деградация современной цивилизации являются признаками их процветания. Более того, они являются признаками их рабства. Когда они перестанут быть рабами, они будут утверждать как нечто само собой разумеющееся, что каждый мужчина и каждая семья должны быть щедро обеспечены; что каждый ребенок должен иметь возможность играть в саду рядом с местом, где живут его родители; что дома в силу их очевидной благопристойности и порядка должны быть украшением Природы, а не уродовать ее; ибо вышеупомянутые благопристойность и порядок, доведенные до должного уровня, несомненно, приведут к красоте в строительстве. Все это, конечно, означало бы, что люди, то есть все общество, должным образом организованное, имеющее в своих руках средства производства, не должно принадлежать ни одному отдельному лицу, а использоваться всеми по мере необходимости, и это может быть сделано только на этих условиях; на любых других условиях люди будут вынуждены накапливать частное богатство для себя и, таким образом, как мы видели, растрачивать блага общества и увековечивать разделение на классы, что означает непрерывную войну и расточительство.

Относительно того, в какой степени людям при общественном порядке может быть необходимо или желательно жить сообща, мы можем в значительной степени отличаться в зависимости от наших склонностей к социальной жизни. Со своей стороны, я не понимаю, почему мы должны считать трудным обедать с людьми, с которыми работаем; я уверен, что в отношении многих вещей, таких как ценные книги, картины и великолепие обстановки, нам будет лучше

объединить наши средства; и я должен сказать, что часто, когда меня тошнит от глупости жалких идиотских кроличьих нор, которые богатые люди строят для себя в Бейсуотере и других местах, я утешаю себя видениями благородного общественного зала будущего, не щадящего материалов, щедрого на достойный декор, живущего самыми благородными мыслями о будущем. наше время и прошлое воплотились в лучшем искусстве, которое мог создать свободный и мужественный народ; такая обитель человека, к которой никакое частное предприятие не могло приблизиться в плане красоты и приспособленности, потому что только коллективная мысль и коллективная жизнь могли лелеять стремления, которые породили бы ее красоту, или иметь навыки и досуг для их осуществления. Я, со своей стороны, счел бы гораздо большим испытанием, если бы мне пришлось читать свои книги и встречаться со своими друзьями в таком месте; и я не думаю, что мне лучше жить в вульгарном оштукатуренном доме, заставленном обивкой, которую я презираю, во всех отношениях унижающей разум и ослабляющей тело, просто потому, что я называю это своим домом.

Это не оригинальное замечание, но я подчеркиваю здесь, что мой дом - это место, где я встречаюсь с людьми, которым я сочувствую, которых я люблю.

Что ж, это мое мнение как представителя среднего класса. Сочтет ли представитель рабочего класса, что его семейная собственность на эту убогую комнатку лучше, чем его доля во дворце, о котором я говорил, я должен предоставить его мнению и воображению представителей среднего класса, которые, возможно, иногда могут представить себе тот факт, что упомянутый рабочий стеснен в пространстве и комфорте - скажем, в день стирки.

Прежде чем я оставлю этот вопрос об окружении жизни, я хотел бы встретиться с возможным возражением. Я говорил о том, что машины свободно используются для освобождения людей от более механической и отталкивающей части необходимого труда; и я знаю, что некоторым культурным людям, людям артистического склада ума машины особенно неприятны, и они будут склонны сказать, что вам никогда не понравится ваше окружение, пока вы окружены машинами. Я не совсем согласен с этим; именно то, что мы позволяем машинам быть нашими хозяевами, а не слугами, так вредит красоте жизни в наши дни. Другими словами, это свидетельство ужасного преступления, в которое мы впали, используя наш контроль над силами Природы с целью порабощения людей, при этом мы не заботимся о том, сколько счастья мы лишаем их жизни.

И все же в утешение художникам я скажу, что я действительно верю, что состояние общественного порядка, вероятно, сначала привело бы к значительному развитию машин для действительно полезных целей, потому что люди все еще будут беспокоиться о выполнении работы, необходимой для сплочения общества; но что через некоторое время они обнаружат, что работы предстоит не так много, как они ожидали, и что тогда у них будет время пересмотреть весь предмет; и если им покажется, что определенная отрасль производства могла бы осуществляться более приятно с точки зрения работника и более эффективно с точки зрения товаров, используя ручной труд. вместо машин они, безусловно, избавятся от своих машин, потому что у них будет такая возможность. Сейчас это невозможно; мы не вольны делать это; мы рабы созданных нами монстров. И у меня есть своего рода надежда, что само развитие техники в обществе, целью которого является не умножение труда, как сейчас, а ведение приятной жизни, как это было бы при общественном строе, — что развитие техники, я говорю, приведет к упрощению жизни и, таким образом, еще раз к ограничению техники.

Что ж, теперь я оставляю свои претензии на достойную жизнь в силе в том виде, в каком я их высказал. Если суммировать их вкратце, то это: во-первых, здоровое тело; во-вторых, активный ум, сочувствующий прошлому, настоящему и будущему; в-третьих, занятие, подходящее для здорового тела и активного ума; и в-четвертых, прекрасный мир для жизни.

Таковы условия жизни, которые утонченный человек всех возрастов ставил перед собой как превыше всего остального, чего следует достичь. Слишком часто они приводили его в такое замешательство, что он с тоской оглядывался назад, на дни, предшествовавшие цивилизации, когда единственным занятием человека было изо дня в день добывать себе пищу, а надежда дремала в нем или, по крайней мере, не могла быть выражена им.

В самом деле, если цивилизация (как многие думают) запрещает реализацию надежды на достижение таких условий жизни, то цивилизация запрещает человечеству быть счастливым; и если это так, то давайте задушим все стремления к прогрессу — нет, все чувства взаимной доброй воли и привязанности между людьми — и урвем каждый из нас, что сможем, из кучи богатства, которую дураки создают для того, чтобы жулики жирели на ней; или, что еще лучше, давайте как можно быстрее найдем какой-нибудь способ умереть как люди, поскольку нам запрещено жить как люди.

Однако, скорее, наберитесь мужества и поверьте, что мы, живущие в этот век, несмотря на все его муки и беспорядок, были рождены с чудесным наследием, созданным на основе работы тех, кто был до нас; и что наступает день организации человека. Не мы можем построить новый социальный порядок; прошлые века проделали большую часть этой работы за нас; но мы можем прояснить наши глаза к знамениям времени, и тогда мы увидим, что достижение хороших условий жизни становится возможным для нас, и что теперь наше дело протянуть руки, чтобы принять это.

И каким образом? Главным образом, я думаю, путем воспитания у людей чувства своих реальных способностей как людей, чтобы они могли использовать для своего блага политическую власть, которая быстро переходит к ним; заставить их увидеть, что старая система организации труда *для личной выгоды* становится неуправляемой, и что всему народу теперь приходится выбирать между неразберихой, возникшей в результате распада этой системы, и решимостью взять в свои руки труд, организованный теперь для получения прибыли, и использовать его организацию для жизнеобеспечения общества: заставить людей увидеть, что отдельные лица, получающие прибыль, являются не необходимостью в труде, а препятствие ему, и это не только или главным образом потому, что они являются вечными пенсионерами труда, как они есть, но скорее из-за расточительства, которого требует их существование как класса. Все этому мы должны научить людей, когда научимся сами; и я признаю, что работа долгая и обременительная; как я начал с того, что сказал, ужас перед голодной смертью сделал людей настолько робкими перед переменами, что даже самые невезучие из них становятся флегматичными и непреклонными. Однако, какой бы тяжелой ни была работа, награда за нее несомненна. Сам факт того, что группа людей, какой бы маленькой она ни была, объединилась в качестве социалистических миссионеров, показывает, что перемены продолжаются. По мере того, как рабочие классы, реальная органическая часть общества, воспримут эти идеи, в них зародится надежда, и они будут требовать изменений в обществе, многие из которых, несомненно, не будут напрямую вести к их освобождению, потому что они будут востребованы без должного знания единственной вещи, на которую необходимо претендовать, — *равенства*

условий; но которые косвенно помогут разрушить наше прогнившее фиктивное общество, в то время как это требование равенства условий будет выдвигаться постоянно и со все возрастающей громкостью, пока к нему не *придется* прислушаться, и тогда, наконец, это будет всего лишь шагом над пропастью. граница и цивилизованный мир будут социализированы; и, оглядываясь назад на то, что было, мы будем поражены, подумав о том, как долго мы смирялись с тем, что живем сейчас.

ВИГИ, ДЕМОКРАТЫ И СОЦИАЛИСТЫ. [37a]

Каково положение партий в Англии сегодня? Как нам их перечислить? Виги, которые стоят первыми в списке, вынесенном в мое заглавие, обычно считаются остатками старой исторической партии, которая когда-то считалась имеющей демократические тенденции, но теперь является надеждой всех, кто трезво стоит на древних путях. Помимо них, есть еще тори, потомки стойких защитников Церкви, государства и божественного права королей.

Я не хочу сказать, что за этим древним именем тори скрывается огромная масса подлинных консервативных чувств, которыми обладают люди, которые, будь их воля, выкинули бы, как мне кажется, несколько фантастических трюков; более того, даже могли бы со временем быть несколько грубоватыми с такими людьми, которые сейчас находятся в этом зале. [37b] Но это чувство, в конце концов, сейчас всего лишь сентиментальность; все практические надежды угасли, и эти достойные люди *не могут* поступать по-своему. Это правда, что они избирают членов парламента, которые много говорят, чтобы угодить им, и иногда даже им удается привести к власти правительство, которое номинально отражает их настроения, но когда это происходит, указанное правительство вынуждено, даже когда его партия имеет большинство в Палате общин, занимать гораздо более низкую точку зрения, чем высокий идеал Тори; максимум, что может сделать настоящая партия тори, даже при поддержке Лиги Первоцветов и ее фиктивной иерархии, - это ввести в заблуждение избирателей, чтобы вернуть тори в парламент и принять меры, более близкие к радикализму, чем идеалы консервативной партии. Виги предприняли смелую попытку, так что, хотя и есть тори, в Англии нет партии тори.

С другой стороны, есть партия, которую я пока не могу назвать иначе, как вигами, которая многочисленна и очень могущественна, и которая, по сути, управляет Англией и, на мой взгляд, всегда будет управлять ею, пока существует нынешний конституционный парламент. Конечно, как и во всех партиях, в нее входят люди различных оттенков мнений, от сторонников консервативных взглядов лорда Солсбери до сторонников радикальных взглядов нынешнего окружения мистера Чемберлена. Я также не хочу сказать, что они осознают себя единой партией; напротив, группы иногда будут яростно противостоять друг другу на выборах, и, возможно, наиболее простодушные из них действительно думают, что для нации важно, какая часть из них может оказаться у власти; но всегда можно рассчитывать на то, что они будут на своих местах и проголосуют против любой меры, которая несет в себе реальную атаку на нашу конституционную систему; конечно, это очень естественно, поскольку у них нет другой цели, кроме как сделать это. Они являются и всегда должны быть сознательными защитниками существующей системы, политической и экономической, до тех пор, пока у них есть хоть какая-то сплоченность как у тори, вигов, либералов или даже радикалов. Ни один из них, вероятно, не проделал бы такого короткого пути к революции, как упразднение Палаты лордов. Однопалатный парламент показался бы им нечестивым ужасом, а отмену монархии они сочли бы серьезным неудобством для лондонского торговца.

Теперь это настоящая парламентская партия, в настоящее время разделенная на враждующие части под влиянием продолжающейся партийной войны последних нескольких поколений, но которая уже демонстрирует признаки ослабления своих разногласий, чтобы предложить прочный фронт сопротивления растущему инстинкту, который с ее стороны вскоре приведет к тому, что партия заявит о полной экономической, а также политической свободе для всего народа.

Но неужели в парламенте или в стремящихся попасть в него нет ничего, кроме этого разнообразно окрашенного вигизма, этого Арлекина Реакции? Что ж, внутри парламента, если не считать ирландской партии, которая, как мы теперь вполне можем надеяться, существует там лишь временно, их немного. Элементы революции вы найдете не среди людей с "богатством и местным влиянием", которые, как я вижу, должны быть единственными доступными кандидатами в парламент от признанной партии. Мы допустим, что там есть несколько подлинных демократов, и позволим им пройти. Но снаружи, несомненно, есть много подлинных демократов, и у кого в голове есть мысль, что возможно и желательно захватить конституционный парламент и превратить его в настоящее народное собрание, которое, опираясь на людей, стоящих за ним, могло бы мирно и конституционно привести нас к великой Революции, которую желают осуществить всевдумчивые люди; все вдумчивые люди, то есть те, кто не принадлежит к сознательно циничным тори, *т.е.*, люди, решившие, справедливо это или несправедливо, хорошо для человечества или плохо для него, сдерживать народ как можно дольше. насколько они могут, и они очень естественно надеются, что так будет до тех пор, пока они живы.

Захватить парламент и превратить его в народное, но конституционное собрание - это, я должен заключить, стремление подлинных демократов, где бы они ни находились; таково их представление о первом шаге демократической политики. По поводу этой, как и по поводу всех других стратегий, следует задать следующие вопросы: во-первых, какова предлагаемая ею цель? и, во-вторых, велика ли вероятность их успеха? Что касается предложенного конца, я думаю, что есть большая разница во мнениях. Некоторые демократы ответили бы с чисто политической точки зрения и сказали бы: всеобщее избирательное право, оплата членства, ежегодные Парламенты, упразднение Палаты лордов, отмена монархии и так далее. Я бы ответил на это, сказав: в конце концов, это не цель, а средство достижения цели; и, проходя мимо того факта, что последние две меры не являются конституционными и поэтому не могут быть реализованы без фактического восстания, я бы сказал, что если бы вы добились всего этого и более того, все, что вы сделали бы, это установили бы господство Демократической партии; установив это таким образом, вам затем пришлось бы выяснить обычными партийными средствами, что имела в виду эта Демократическая партия, и вы обнаружили бы, что ваш триумф в простой политике вернул бы вас обратно точно к тому месту, с которого вы начали. Вы были бы вигами под другим именем. Монархия, Палата лордов, пенсии, постоянная армия и все остальное являются лишь опорой нынешней социальной системы — *привилегий*, основанных на системе заработной платы и капитала в производстве, — и ничего не стоят, кроме как как опора для нее. Поэтому, если вы полны решимости поддерживать эту систему, вам лучше оставить эти вещи в покое. Настоящие хозяева общества, настоящие тираны народа - это землевладельцы и капиталисты, которым ваш политический триумф не помешал бы.

Тогда, как и сейчас, существовали бы пролетариат и денежный класс. Тогда, как и сейчас, иногда было бы возможно для прилежного, энергичного человека, всецело нацеленного на

такой успех, подняться из пролетариата в денежный класс, чтобы там потеть так, как потел он когда-то; что, друзья мои, является, если вы извините за это слово, вашей нелепой идеей свободы контракта.

Единственным и наивысшим успехом вашей политики было бы то, что она могла бы вызвать сильную оппозицию тому положению вещей, поддерживать которое входило бы в ваши обязанности; но, скорее всего, такая оппозиция все равно была бы вне парламента, а не в нем; вы бы совершили революцию, возможно, не без кровопролития, только для того, чтобы показать людям необходимость еще одной революции на следующий день.

Не покажется ли вам пример Америки слишком банальным? В любом случае, подумайте об этом! Страна со всеобщим избирательным правом, без короля, без Палаты лордов, без привилегий, как вы наивно думаете; только небольшая постоянная армия, используемая в основном для убийства краснокожих; демократия по вашему образцу; и при всем этом общество коррумпировано до мозга костей и в данный момент занято подавлением свободы с такой же безрассудной жестокостью и слепым невежеством, какими пользуется царь всея Руси.^[43]

Но будет сказано, и, конечно, с большой долей правды, что не все демократы выступают просто за политическую реформу. Я говорю, что верю, что это правда, и это тоже очень важная истина. Я пойду дальше и скажу, что все те демократы, которых можно отличить от вигов, действительно намерены провести социальные реформы, которые, как они надеются, несколько изменят отношения классов друг к другу; и, вообще говоря, среди демократов существует склонность к своего рода ограниченному государственному социализму, и именно благодаря этому они надеются осуществить мирную революцию, которая, если и не введет условия равенства, то, по крайней мере, сделает рабочих более обеспеченными и довольными своей участью.

Они надеются добиться избрания в парламент группы представителей и принятия ими меры за мерой, которые будут способствовать достижению этой цели; и некоторые из них, возможно, большинство из них, не были бы недовольны, если бы таким образом мы могли скатиться к полному государственному социализму. Я думаю, что нынешние демократы широко разделяют эту идею, и для меня это вопрос надежды, что это так; какие бы ошибки в этом ни были, это означает выход за рамки полной бесплодности простой политической программы.

И все же я должен указать этим полусоциалистическим демократам, что в первую очередь они станут игрушкой в руках некоторых более хитрых вигов. Есть несколько из этих мер, которые выглядят в какой-то мере социалистическими, как, например, схема наделения земель и другие схемы, направленные к крестьянской собственности, кооперации и тому подобному, но которые, в конце концов, несмотря на их благожелательный внешний вид, на самом деле являются оружием в руках реакционеров, имея своей реальной целью создание нового среднего класса из числа рабочего класса и за его счет; короче говоря, создание новой армии против нападения обездоленных.

Такого рода уловкам нет конца и, по-видимому, не будет до тех пор, пока не исчезнет класс, который их пробует; и очень многих демократов это время от времени будет забавлять и увлекать. Они называют подобную бессмыслицу “практичной”; это *кажется* чем-то вроде действия, в то время как неуклонная пропаганда принципа, который в конце концов должен

восторжествовать, по их мнению, означает бездействие и непрактична. В остальном, это вряд ли станет опасным, если не считать того, что это несколько забивает колеса реального движения, потому что иногда это просто реакция, как, например, когда это принимает форму крестьянской собственности, бросая вызов современному коммерческому развитию, которое все больше и больше стремится к накоплению капитала, тем самым расчищая путь для организованного владения средствами производства рабочими, когда произойдет настоящая революция; в то время как, с другой стороны, когда эта попытка создать новый средний класс принимает форму кооперации и экономического роста. мол, это не опасно, потому что это означает не что иное, как слегка измененную форму акционерного общества, и почти все начинают это видеть. Жадность людей, возбуждаемая зрелищем получения прибыли повсюду вокруг них, а также бременем процентов на деньги, которые они были вынуждены брать взаймы, не позволит им даже приблизиться к подлинной системе сотрудничества. Те, кто выигрывает от сделки, в настоящее время становятся нетерпеливыми акционерами коммерческой спекуляции, и если они рабочие, как это часто бывает, они также являются капиталистами. Огромный коммерческий успех крупных кооперативных обществ и абсолютное отсутствие влияния этого успеха на социальные условия рабочих являются достаточными признаками того, к чему должно привести это неполитическое сотрудничество: “Ни к чему — оно не должно быть меньшим”.

Но опять же, можно сказать, что некоторые демократы идут дальше этого; они принимают реальные элементы социализма и более чем склонны их поддерживать. Национализация земли или железных дорог, или совокупное налогообложение доходов, или ограничение права наследования, или новые фабричные законы, или законодательное ограничение поденного труда — одно из них, а иногда и не одно, демократы поддержат и увидят абсолютное спасение в этих одной или двух досках платформы. Все это я признаю и еще раз говорю, что это обнадеживающий знак, и все же еще раз я говорю, что в этом есть ловушка — змея притаилась в траве.

Те, кто думает, что они могут справиться с нашей нынешней системой таким поэтапным способом, очень недооценивают силу огромной организации, в рамках которой мы живем, и которая назначает каждому из нас его место, и если у нас нет шанса соответствовать ему, перемалывает нас до тех пор, пока мы этого не сделаем. Ничто, кроме огромной силы, не может справиться с этой силой; она не допустит, чтобы ее расчленили, и не потеряет ничего, что действительно составляет ее сущность, не применив всю свою силу в сопротивлении; вместо того, чтобы потерять что-либо, что она считает важным, она обрушит крышумира себе на голову. Ибо, действительно, я допускаю, что у этих полусоциалистических демократов есть одна надежда на их постепенное вмешательство в наше Общество; если случайно они смогут побудить людей всерьез, пусть и слепо, требовать того или иного из рассматриваемых вопросов и смогут добиться успеха в проведении этого в парламенте, они, несомненно, вызовут большую гражданскую войну, и такая война, однажды начавшись, закончится либо полным триумфом социализма, либо его исчезновением на данный момент; было бы невозможно ограничить цель борьбы; и мы не можем даже предположить, какой ход она примет, поскольку такая война может закончиться либо полным триумфом социализма, либо его исчезновением на данный момент. за исключением того, что это не могло быть вопросом компромисса. Но предположим, что Демократическая партия добьется мирного успеха на этой новой основе полугосударственного социализма, что бы все это значило? Попытки уравновесить два класса, интересы которых противоположны друг другу, простое игнорирование этого антагонизма,

который на протяжении стольких веков приводил нас туда, где мы находимся сейчас, а затем, после периода разочарований и катастроф, снова неприкрытый конфликт; революция совершена, и на следующий день необходима еще одна!

Однако, на самом деле, до этого не дойдет; ибо, каковы бы ни были цели демократов, им не удастся занять такое положение, исходя из которого они могли бы предпринять попытку их реализовать. Я сказал, что есть тори, но нет настоящей партии тори; мне также кажется, что есть демократы, но нет Демократической партии; в настоящее время ими пользуются лидеры парламентских фракций, а также они держатся на расстоянии от любой реальной власти. Если бы им всеми правдами и неправдами удалось провести ряд членов в парламент, они бы очень быстро выяснили свои разногласия под влиянием партийного правления; фактически, демократы не являются партией; потому что у них нет других принципов, кроме старых принципов вигов - радикальных, расширенных в некоторых случаях настолько, что они принимают небольшой полусоциализм, который навязал им ход событий, - то есть, они тяготеют, с одной стороны, к вигам, а с другой - к социалистам. Всякий раз, когда, если вообще когда-либо, они начнут оказывать влияние на выборах и получают членов в Палате представителей, искушение стать членами настоящей живой партии, которая может держать в своих руках правительство страны, искушение к тому, что (я полагаю, в шутку) называется практической политикой, будет слишком велико для многих, даже для тех, кто тяготеет к социализму; квазидемократическая парламентская партия, следовательно, вероятно, была бы просто вербовочной площадкой, рассадником для левого крыла вигов; хотя это действительно оставило бы после себя какое-то небольшое ядро оппозиции, принципы которой, однако, были бы нарушены. быть расплывчатым и плавающим, чтобы в конце концов это была всего лишь бессильная группа.

Будущие конституционные парламента, поэтому, как мне кажется, это вечный вигов крупу, которая будет поддаваться на давление, когда лишь политические реформы пытались вышел из нее, но будет совершенно спокойна в отношении каких-либо реальных изменений в социальном и экономическом отношении; это, так сказать, так далеко, как он может быть сознательным нападения; ибо я допускаю, что он может быть *предан*, проходящих в полу-государства-социалистические меры, которые будут делать это количество добра, что они помогут спутать коммерции в трудности, так и добавить к недовольству, создавая страдания; страдания, которые люди не понимают причины наверняка, но их инстинкт подскажет им действительно достигается с помощью *власти*, и это тоже, единственный вид власти, который они могут так долго, как Конституционный парламента продолжается.

Теперь, если вы думаете, что я преувеличил силу вигов, то есть мощное, мертвое, неподвижное сопротивление прогрессу, я должен привлечь ваше внимание к событиям последних нескольких недель. Здесь была предложена мера умиротворения; по меньшей мере, наихудшая попытка приступить к умиротворению утомительной и жалкой ссоры многовековой давности. Британский народ, несмотря на свое наследственное предубеждение против ирландцев, не был против этой меры; тори, как обычно, были бессильны против нее; однако *инертность* вигов была настолько сильна, что они одержали заметную победу над здравым смыслом и чувствами вместе взятыми и привлекли к себе часть тех, кого до сих пор называли радикалами, и, вероятно, привлекли бы на свою сторону всех радикалов, если бы не личное влияние мистера Гладстона. Виги, видя, пусть и смутно, что эта Независимость Ирландии означала посягательство на собственность, добились успеха в том, что вырвали обещанный

мир из рук народа и долгое время готовили нам всевозможные затруднения и неразбериху в своем упорном сопротивлении даже зачаткам революции.

Таким образом, именно таким мне видится парламент: сплоченной центральной партией с весьма расплывчатой оппозицией справа и слева. Народ управлял; то есть вел честную игру между собой за то, чтобы привилегированные классы максимально использовали свои привилегии и при этом упорно боролись друг с другом; но правительство скрывало как можно больше, а также как можно дольше; то есть правительство опиралось на предполагаемую необходимую вечность привилегий монополизировать средства производства труда.

До тех пор, пока невежество народа принимает это предположение, Великая задница виггов будет оставаться невыразимой, но как только глаза людей откроются, хотя бы частично, и они начнут понимать значение слов "Освобождение труда", у нас появится уверенная надежда сбросить самую низкую и отвратительную тиранию, которую когда-либо видел мир, тиранию так называемого конституционализма.

Как же тогда открыть глаза людям? Силой, развившейся из окончательного триумфа и последующего разложения Коммерческого вигизма, сила которого будет включать в себя признание его созидательной деятельности разумными людьми, с одной стороны, и, с другой стороны, полуслепую инстинктивную борьбу за использование его разрушительной деятельности со стороны тех, кто страдает и кому не позволено думать; и, в придачу, многое, что находится между этими двумя крайностями.

В эту суматоху будут вовлечены все те, кого действительно можно назвать социалистами. Современное развитие великой классовой борьбы заставило нас думать, наши мысли заставляют нас говорить, а наши надежды заставляют нас пытаться добиться того, чтобы нас услышали люди. Никто также не может сказать, как далеко зайдут, так сказать, наши слова. Самое умеренное изложение наших принципов несет в себе семена разрушения; мы также не можем сказать, какую форму примет это разрушение.

Таким образом, мы все до единого несем ответственность за провозглашение социалистических принципов и за последствия, которые могут проистекать из их всеобщего принятия, какими бы они ни были. Эту ответственность ни один социалист не может снять с себя заявлениями против физической силы и в пользу конституционных методов агитации; мы нападаем на Конституцию с самых зачатков, с простыми налетами социализма.

Следовательно, виггерство в его различных формах является представителем конституционализма — это внешнее выражение монополии и вытекающих из нее искусственных ограничений труда и жизни; и есть только одно выражение силы, которая уничтожит виггерство, и это социализм; и справа, и слева торизм и радикализм растворятся в виггерстве — делают это сейчас — и социализм должен поглотить все, что не является виггским в радикализме.

Тогда возникает вопрос, в чем заключается политика социализма? Если торизм и демократия — это всего лишь расплывчатые массы оппозиции прочному центру виггерства, то что мы можем назвать социализмом?

Что ж, в настоящее время, по крайней мере в Англии, социализм — это не партия, а секта. Иногда это выдвигается против нее как насмешка; но меня это не пугает; ибо я могу представить

себе секту — нет, я слышал о такой — ставшую очень грозной силой, и ставшую таковой благодаря тому, что она долгое время оставалась сектой. Поэтому я думаю, что вполне возможно, что социализм останется сектой до самого кануна последнего удара, завершающего революцию, после чего он растворится в новом Обществе. И разве не секты, организации, придерживающиеся определенных, бескомпромиссных принципов, приводят нас к революциям? Разве не так было во времена Кромвеля? Нет, разве секта фениев даже в наши дни не сделала возможным самоуправление? Они могут порождать партии, хотя и не сами партии. И что должна делать такая секта, как мы, в парламентской борьбе — мы, у кого есть идеал, который нужно всегда держать перед собой и другими, и кто не может пойти на компромисс; кто не видит ничего, что могло бы дать нам ни минуты покоя, кроме освобождения труда, которое будет достигнуто благодаря тому, что рабочие завладеют всеми средствами для достижения плодов труда; и кто, даже когда это будет достигнуто, будет иметь впереди чистый коммунизм, к которому нужно стремиться?

Что же нам тогда делать? Стоять в стороне и наблюдать? Не совсем. И все же мы можем наблюдать, как другие люди делают свою работу, пока мы делаем свою. Они уже начинают, как я сказал, спотыкаться о попытки государственного социализма. Пусть они проводят свои эксперименты и допускают грубые ошибки и тем самым прокладывают нам путь. А наше собственное дело? Что ж, мы — секта или партия, или группа эгоистов, безумцев и поэтов, кого угодно, — по крайней мере, единственная группа людей, которые смогли увидеть, что происходит великая классовая борьба. Далее, мы видим, что эта классовая борьба не может прекратиться, пока этого не сделают сами классы: один класс должен поглотить другой. Что же тогда? Несомненно, тот, который полезен, тот, по которому живет мир. Задача людей в настоящее время состоит в том, чтобы сделать невозможным существование бесполезного, непроизводящего класса; в то время как задача конституционализма, напротив, состоит в том, чтобы дать им возможность жить. И наше дело состоит в том, чтобы помочь людям *осознать* этот великий антагонизм между народом и конституционализмом; а пока позволить конституционализму продолжаться со своим правительством, по крайней мере, без нашей помощи, до тех пор, пока он, наконец, не *осознает* свое бремя народной ненависти, осознания народом того, что он лишен наследства, для чего мы сделаем все возможное, чтобы способствовать любыми доступными нам средствами.

Что касается социалистов в парламенте, то по этому поводу есть два слова. Если они едут туда, чтобы принять участие в продолжении конституционализма, смягчая пороки системы и таким образом помогая нашим правителям нести их бремя правления, я, например, и в том, что касается их действий в этом направлении, вообще не могу назвать их социалистами. Но если они идут туда с намерением сделать все возможное для срыва работы парламента, то на данный момент это вопрос тактики; но даже здесь я не могу не видеть опасности того, что их отвлекут от их истинной цели, и я боюсь, что на вышеупомянутых условиях они могут стать просто сторонниками того самого, что они намеревались отменить.

Я говорю, что наша работа лежит совершенно вне рамок парламента, и она заключается в том, чтобы помогать просвещать людей всеми возможными эффективными средствами; и знания, которыми мы должны им помочь, тройственны — знать свои собственные, знать, как брать свои собственные, и знать, как использовать свои собственные.

ФЕОДАЛЬНАЯ АНГЛИЯ.

Верно, что нормандское завоевание обнаружило существование определенного вида феодализма в Англии — феодализма, который развился из обычаев тевтонских племен без примеси римского права; а также то, что еще до Завоевания эта страна постепенно начинала вмешиваться в дела Европейского континента, и не только с родственными народами Скандинавии, но и с романизированными странами. Но завоевание герцога Вильгельма действительно ввело в стране полную феодальную систему; и это также связало ее прочными узами с романизированными странами, и все же тем самым заложило первые основы национального чувства в Англии. Англичане чувствовали свое родство со скандинавами или датчанами и не страдали от их завоеваний, когда они стали полными и, следовательно, у них исчезло простое непосредственное насилие; их чувства были племенными, а не национальными; но у них не могло быть чувства племенного единства с разнообразным населением провинций, которые простые династические события объединили во владычество, можно сказать, поместье иностранных принцев Нормандии и Анжу; и, по мере того как правившие ими короли постепенно вытеснялись из своих французских владений, Англия начала бороться против господства нормандских и анжуйских королей. одна из женщин чувствовала себя иностранцами и поэтому постепенно осознала свою особую национальность, хотя все еще лишь отчасти, как поместье *английского* лорда.

Давать что-либо похожее на связную историю, даже самую незначительную, о ходе событий между завоеванием герцога Вильгельма и полностью развитым средневековым периодом четырнадцатого века, которым является Англия, которую я вижу перед своими глазами как средневековую или феодальную, выходит за рамки этой статьи. Этот период четырнадцатого века объединил развитие элементов, бушевавших в Европе со времени окончательного падения Римской империи, и Англия разделяла общее чувство и дух эпохи, хотя с ее точки зрения ход ее истории и, в определенной степени, жизнь ее народа были иными. Поэтому именно к этому периоду я хотел бы в конечном итоге привлечь ваше внимание, и я скажу о более раннем периоде лишь столько, сколько может потребоваться, чтобы объяснить, как народ Англии оказался в том положении, в котором его застал Статут о рабочих, принятый Эдуардом III, и крестьянское восстание во времена его внука и преемника Ричарда II.

Таким образом, несомненно, нормандское завоевание полностью нарушило непрерывность истории Англии. Когда лондонцы после битвы при Гастингсе признали герцога Вильгельма своим королем, без сомнения, они думали о нем как о человеке, занимающем примерно то же положение, что и только что убитый Гарольд; или, во всяком случае, они смотрели на него как на такого короля Англии, как датчанин Кнут, который также завоевал страну; и, вероятно, сам Вильгельм думал не иначе; но событие было совершенно иным; ибо, с одной стороны, он был не только человеком с сильным характером, способным, властным и великим солдатом в современном смысле этого слова, но и имел за спиной своих богатых друзей. герцогство Нормандия, которое он сам привел к повиновению и организовал; и, с другой стороны, перед ним лежала Англия, неорганизованная, но упрямо сопротивляющаяся ему; сама ее дезорганизация и отсутствие центра затрудняли борьбу с ней простым наводнением армией, набранной для этой цели, и при поддержке отряда домовых или гвардии, что было бы методом скандинавского или местного короля в обращении со своими мятежными подданными. Потребности и инстинкты герцога Уильяма в сочетании привели его к совершенно иному образу действий, который определил будущую судьбу страны. То, что он сделал, заключалось в том,

чтобы расквартировать в Англии армию феодальных вассалов, набранных из его послушного герцогства, и передать им господство над землей Англии в обмен на их военную службу ему, сюзерену их всех. С тех пор именно под властью этих иностранных землевладельцев должен был развиваться народ Англии.

Это событие остановило и повернуло в сторону развитие страны как тевтонского народа. Герцог Вильгельм фактически привез свою Нормандию в Англию, которая тем самым превратилась из тевтонского народа (древнескандинавский теод), среди которого все еще использовалось племенное обычное право, в провинцию романизированной феодальной Европы, короче говоря, в кусочек Франции; и хотя со временем она снова превратилась в другую Англию, она навсегда упустила в своих законах, а еще больше в своем языке и литературе, шанс превратиться в великий однородный тевтонский народ, в который с пользой примешалась кельтская кровь.

Однако этот шаг, на который был вынужден пойти герцог Вильгельм, еще больше повлиял на будущее страны, создав великий орден баронства, и история раннего периода Англии в значительной степени представляет собой борьбу короля с баронством и Церковью. Ибо Уильям определил тип успешного английского средневекового короля, наиболее заметными примерами которого впоследствии были Генрих II и Эдуард I. Фактически, именно с него началась борьба за монархическую бюрократию, которая была остановлена баронами, требовавшими у короля Иоанна Великую хартию вольностей, а затем восстанием, возглавляемым Симоном де Монфором в правление Генриха III.; энергично продолжалась Эдуардом I и, наконец, успешно завершена Генрихом VII. после долгой борьбы фракций Войны Алой и Белой Розы феодалы ослабли настолько, что они больше не могли выступать против монархии.

Что касается другой политической борьбы Средневековья, соперничества между короной и Церковью, следует отметить две вещи; во-первых, по крайней мере, в более ранний период Церковь была на стороне народа. Томас Беккет был канонизирован, это правда, формально и обычным указом; но его память была так дорога народу, что он, вероятно, был бы канонизирован ими неофициально, если бы святая резиденция в Риме отказалась это сделать. Второе, что следует отметить в этом споре, - это то, что это не было принципиальным спором. Согласно средневековой теории жизни и религии, Церковь и государство были единым целым по сути и всего лишь отдельными проявлениями Царства Божьего на земле, которое было частью Царства Божьего на небесах. Король был должностным лицом этого королевства и вассалом Бога. Доктор права и доктор медицины имели определенную степень священнического звания. С другой стороны, Церковь не была изъята из повседневной жизни людей; разделение на мирскую и духовную жизнь, ни одна из которых не имела особого отношения к другой, было порождением протестантизма Реформации и не имело места в практике, по крайней мере, средневековой Церкви, которая, как мы не можем слишком точно вспомнить, немногим больше представлена современным католицизмом, чем современным протестантизмом. Таким образом, соперничество между Коронай и Церковью было простой перебранкой между двумя организациями без какого-либо существенного антагонизма между ними относительно того, насколько далеко зашло управление одной из них; ни одна из них не мечтала о подчинении одной другой, а тем более о том, чтобы уничтожить одну другой.

Кстати, история крестовых походов очень убедительно иллюстрирует эту позицию Церкви в средние века. Основание того странного феодального Иерусалимского королевства, сам герб которого был символом геральдики, король которого имел преимущество в силу своего положения владыки центра христианства над всеми другими королями и принцами; ордена воинов, давших обет бедности и целомудрия, подобно тамплиерам и рыцарям Ордена Святого Иоанна; и прежде всего непрекращаемое чувство долга, которое побуждало людей всех классов и разновидностей вступать в священную войну, показывают, насколько сильно идея Царства Божьего на земле овладела умами всех людей в то время. раннее Средневековье. Что касается результатов крестовых походов, то они, безусловно, оказали свое влияние на укрепление Европы и великой феодальной системы, во главе которой, по крайней мере теоретически, стояли папа римский и кайзер. В остальном общение с Востоком дало Европе возможность приобщиться к механической цивилизации народов, первоначально находившихся под властью арабов, и проникнуться искусством Византии и Персии, не без некоторой примеси культуры позднего классического периода.

Волнение и движение крестовых походов, а также нужды, в которые они вовлекали принцев и их баронов, способствовали возвышению классов, стоящих ниже феодальных вассалов, больших и малых; однако главную возможность для такого движения в Англии предоставила непрерывная борьба между короной, Церковью и баронством.

Первые нормандские короли даже сразу после смерти Завоевателя оказались вовлеченными в эту борьбу и были вынуждены прибегнуть к помощи того, что теперь стало низшим племенем, а именно коренных англичан. Генрих I, способный и честлюбивый человек, понимал это настолько ясно, что сделал явную заявку на благосклонность низшего племени, женившись на английской принцессе; и именно с помощью своих английских подданных он покорил своих нормандских подданных, а поле при Теншебрее, положившее начало его успеху, было воспринято английским народом как победа Англии над племенем-угнетателем, которым герцог Вильгельм сокрушил английский народ. Именно во время правления этого короля и под этим влиянием торговый и промышленный классы начали несколько подниматься. Гильдии торговцев находились в то время в периоде своего наибольшего могущества и только начали, по крайней мере в Англии, превращаться в корпорации городов; но сами города начинали обретать свободу и становиться важным элементом общества того времени, по мере того как мало-помалу они выступали против произвола феодалов, мирян или духовенства: ибо что касается последнего, следует помнить, что Церковь включала в себя ордена или классы, на которые было разделено мирское общество, и в то время как низшее духовенство приходов и монахи затрагивали ее интересы. народ, его высшее духовенство были просто феодалами; и по мере того, как религиозный пыл высшего духовенства, который был достаточно заметен в ранний период Средневековья (например, при Ансельме), угасал, они все больше и больше становились простыми землевладельцами, хотя в условиях своего землевладения, живя на своей земле и среди своих арендаторов, они были менее деспотичными, чем землевладельцы-миряне.

За порядком и прогрессом правления Генриха I. За переходом от простого военного лагеря Завоевателя к средневековой Англии, на котором я должен остановиться подробнее, последовал период простой неразберихи и нищеты, сопровождавший восшествие на английский престол принцев Анжуйских. В этот период бароны часто становились просто жестокими и незаконными грабителями; а замки, которыми была усеяна земля и которые были

построены под покровительством Завоевателя в качестве военных постов, превратились просто в логова разбойников.

Без сомнения, это облегчило задачу следующему способному королю, Генриху II. Он был убежденным деловым человеком и всей душой посвятил себя установлению порядка и консолидации монархии, которая, соответственно, сделала под его руководством большой шаг своей конечной цели - бюрократии. Вероятно, он продвинул бы дело еще дальше, поскольку в своем противостоянии с Церковью, несмотря на канонизацию Беккета и формальную епитимью короля у его могилы, он фактически одержал победу для короны, которую она больше никогда не теряла; но в его дни Англия была лишь частью обширных владений его Дома, которые включали более половины Франции, и его борьба со своими феодалами и французским королем, которая посеяла семена потери этого владычества английской короной, заняла большую часть его жизни и в конце концов победила его.

Два его непосредственных преемника, Ричард I и Джон, были хорошими образцами вождей своего рода, почти все из которых были очень способными людьми, даже с примесью гениальности, но при этом были такими распутными мерзавцами и негодьями, что к ним почти поневоле применишь теологическое слово "нечестие". Такие персонажи особенно характерны для своего времени, плодородного как выдающимися качествами, так и негодяйством, в котором полностью отсутствовал наш особый порок лицемерия. Джон, второй из этих двух вредителей, положил конец злодейству своей семьи и в результате потерял свои французские владения.

При таких негодях, как эти, настал черед баронства; и они, возглавляемые Стивеном Лэнгтоном, архиепископом, которого папа навязал королю, не желавшему этого, объединились и добились от него согласия на Великую хартию вольностей, великое, тщательно продуманное деяние, которое принято называть основанием английской свободы, но которое может претендовать на звание такового только на том основании, что оно было подтверждением и печатью всей феодальной системы в Англии и поставило отношения между вассалами, крупными феодалами и королем на стабильный уровень. основа; поскольку он установил или, по крайней мере, утвердил порядок среди этих привилегированных классов, среди которых, действительно, он признал города в определенной степени частью великой феодальной иерархии: так что даже к этому времени они начали приобретать статус в этой иерархии.

Итак, Джон скончался и вскоре после этого стал почти мифическим персонажем, прообразом плохого короля. До сих пор существуют баллады и прозаические рассказы, основанные на этих балладах, которые повествуют об этом странном чудовище таким, каким его представлял английский народ.

Поскольку они относятся к литературе четырнадцатого века, периода, о котором я взялся рассказать вам особо, я приведу вам одну из последних, касающуюся смерти короля Иоанна, для которого люди придумали более драматичную причину смерти, чем простое несварение желудка, от которого, по всей вероятности, он действительно умер; и вы можете считать ее образцом популярной литературы четырнадцатого века.

Здесь я могу взять на себя смелость процитировать по памяти, не слишком отходя от старого текста, поскольку необычная формулировка оригинала и дух смелого и откровенного героизма, которым он дышит, навсегда запечатлелись в моем сознании.

Вы должны помнить, что король, отступая от враждебных баронов и их французских союзников, остановился в аббатстве Суинстед в Линкольншире и потерял весь свой багаж из-за внезапного наступления прилива на Уош, так что он вполне мог быть в несколько кислом настроении.

История гласит: "Итак, король пошел есть в зал, и перед ним был каравай; и он мрачно посмотрел на него и спросил: "За сколько такой каравай продается в этом королевстве?"

"Сэр, за один пенни", - сказали они.

Тогда король ударил кулаком по доске и сказал: "Клянусь Богом, если я проживу еще год, такая буханка будет продаваться за двенадцать пенсов!"

Это услышал один из монахов, стоявших там, и он подумал, что настал его час умереть, и что было бы добрым делом убить такого жестокого короля и такого злого лорда.

И он пошел в сад, и сорвал сливы, и вынул из них стебли, и сделал яд в каждый из них; и он предстал перед царем, и сел к нему на колено, и сказал:

- Сэр, клянусь святым Остином, это плоды нашего сада.

Тогда король злобно посмотрел на него и сказал: "Попробуй их, монах!"

И монах взял и съел это, ничуть не изменившись в лице; и после этого ел царь.

Но вскоре после этого монах распух и посинел, упал и умер на глазах у короля; тогда у короля заболело сердце, и он тоже распух и умер, и так окончил свои дни.

Некоторое время после смерти Иоанна и восшествия на престол Генриха III. баронство, укрепленное великой Хартией и со слабым и своенравным королем на троне, сделало свой шаг вперед в могуществе и популярности, и слабости Генриха III была положена первая серьезная проверка тенденции к монархической бюрократии, своего рода элементарной аристократической конституции. Под влиянием этого движения баронов, которым, в свою очередь, пришлось искать поддержки у народа, города сделали новый шаг вперед, и Симон де Монфор, лидер того, что за неимением лучшего слова следовало бы назвать народной партией, был вынужден в силу обстоятельств созвать в свой парламент граждан из городских округов. Граф Саймон был одним из тех людей, которые выходят на фронт в жестокие времена, и к силе воли и упорству он добавил настоящее благородство характера. Он стал героем народа, который был близок к тому, чтобы канонизировать его после его смерти. Но монархия была слишком сильна для него и его действительно передовых проектов, которые ни в коей мере не соответствовали надеждам баронства в целом: и когда принц Эдуард, впоследствии Эдуард I, достигший полного умственного развития, пришел на помощь короне благодаря своим беспринципным деловым способностям, борьба вскоре закончилась; и с Ившем филд монархия начала делать новый шаг, и самый долгий из когда-либо предпринятых, в сторону бюрократии.

Эдуард I запомнился нам главным образом борьбой, которую он вел с шотландским баронством за феодальный сюзеренитет этого королевства, и многовековой враждой между двумя странами, вызванной этой борьбой. Но у него есть и другие претензии к нашему вниманию, помимо этого.

Поначалу, вспоминая безжалостность многих его поступков, особенно во время войны в Шотландии, на него склонны смотреть как на несколько педантичного тирана и хорошего солдата с добавлением чего-то вроде налета лицемерия, неподвластного его времени. Но, как и анжуйские короли, о которых я только что говорил, он был совершенно характерным продуктом своего времени. Вероятно, в конце концов, он не был лицемером, несмотря на свои слезы, пролитые после того, как он безвозвратно проиграл игру или после того, как выиграл ее с помощью суровой жестокости. В нем была нотка настоящего романтика, которая странным образом сочеталась с его качествами юриста. Возможно, он был человеком из всех людей, который наиболее полно представлял законченную феодальную систему и принимал ее наиболее близко к сердцу. Его закон, его романтика и его религия, его самообладание и его ужасная ярость были частью этого врожденного феодализма и проявлялись в его пределах; и мы должны предположить, что он полностью осознавал свою ответственность как глава своих феодалов, в то время как в то же время он понятия не имел о своей ответственности перед низшей частью своих подданных. Такой человек был особенно приспособлен для продолжения тенденции к бюрократической централизации, кульминацией которой стала тюдоровская монархия. У него была своя борьба с баронством, но какой бы тяжелой она ни была, он был уверен, что не выйдет за рамки феодализма; этому он всегда был верен. Он убил графа Саймона еще до того, как тот стал королем, когда тот был всего лишь генералом своего отца; но дело эрла Саймона не умерло вместе с ним, и с тех пор, пока длились средние века и их феодальная иерархия, ни король, ни бароны не могли сделать ничего, что могло бы серьезно повредить положению друг друга; борьба закончилась в его правление при равновесии сил в Англии, которое, с одной стороны, предотвратило превращение любого крупного феодала в соперника короля, как это произошло в нескольких случаях во Франции, а с другой стороны, предотвратило превращение короля в простого феодала. деспотический монарх.

Я уже говорил, что бюрократия достигла больших успехов в правление Эдуарда, но при феодализме она достигла своих пределов в том, что касалось знати. Мир и порядок установились между различными силами правящих классов; отныне борьба ведется между ними и управляемыми; теперь эта борьба должна была стать очевидной; значение низшего племени возрастало; оно становилось богаче за счет обирания, но также начинало приобретать некоторую власть; это побудило сначала короля, а затем и баронов решительно напасть на него; оно было достаточно богато, чтобы заплатить за неприятности, связанные с ограблением, и еще недостаточно сильно, чтобы защищаться с открытым успехом, хотя более медленный и менее показательный успех роста не подвел его. Орудием нападения в руках баронов была обычная феодальная привилегия, логическое продолжение крепостного права; но это нападение произошло двумя царствованиями позже. Мы вернемся к этому позже. Нападение на низшее племя, которое теперь приобретало все большее значение, было совершено в это царствование королем; и его инструментом был парламент.

Я уже говорил вам, что Симон де Монфор предпринял некоторую попытку заставить горожан заседать в его парламенте, но Эдуарду I было поручено прочно заложить основы парламентского представительства, которые он использовал для усиления власти короны и подавления растущей свободы городов, хотя, конечно, его прямой целью были просто деньги.

Великий совет Королевства был чисто феодальным; он состоял из приближенных короля, теоретически из них всех, практически только из великих. Фактически это был совет племени-завоевателя с их вождем во главе; вопросы о причитающейся феодальной дани, пособиях,

льготах, штрафах, поборах и тому подобном — короче говоря, о доходах короля, причитающихся с его людей, — решались на этом совете сразу и в полном объеме. Но низшее племя, хотя и не было представлено там, существовало и, как уже говорилось, богатело, и королю приходилось доставать деньги непосредственно из их кошельков; что, поскольку они не были представлены в совете, ему приходилось делать с помощью своих офицеров (шерифов), разбиравшихся с ними по очереди, что было хлопотной работой; ибо мужчины были упрямы и совершенно не склонны расставаться со своими деньгами; и грабеж, который должен был совершаться, так сказать, на месте, наталкивался на всевозможное противодействие; и, фактически, это был единственный способ покончить с ними. деньги нужны и барону, и епископу, и королю, которые были главным инструментом в продвижении прогресса городов. На города будут давить их лорды, король, барон или епископ, как бы то ни было, и они увидят свое преимущество и заключат сделку. Ибо вы не должны воображать, что из-за того, что в те времена происходило много насилия, не было уважения к закону; напротив, к нему проявлялось довольно преувеличенное уважение, если оно касалось четырех углов феодального чувства, и результатом этого чувства уважения была постоянная борьба *застатус* со стороны городов и других объединений на протяжении всего средневековья.

Ну, бюргеры сказали бы: “Трудно платить эти деньги, но мы готовы заплатить их, если вы сделаете что-нибудь для нас взамен; пусть, например, наших людей судят в нашем собственном суде, и вердикт будет вынесен по соглашению, а не по пари в битве”, и так далее, и тому подобное.

Все такого рода детальные переговоры были, по сути, гарантией местных свобод, насколько это было возможно, городов и графств, и совершенно не соответствовали взглядам короля на закон и порядок; и так возник обычай, когда шериф (королевский чиновник, занявший место графа англосаксонского периода) созывал горожан в совет, который, как вы должны понимать, избирался не на народных собраниях города или сотни, а как бы по частям несколькими из них. самые крупные мужчины в этом заведении. Король практически сказал следующее: “Мне нужны ваши деньги, и я не могу вечно препираться с вами, упрямыми мужланами, у себя дома и выслушивать все ваши истории о том, как вы бедны и чего вы хотите; нет, я хочу, чтобы вы были *представлены*. Пришлите мне от каждой из ваших коммун человека или двух, которых я могу запугать, уговорить или подкупить, чтобы они отписали вам ваше имущество”.

При таких обстоятельствах неудивительно, что города не очень стремились к *представительству*. Нелегко было уговорить их приехать в Лондон только для того, чтобы посоветоваться, под каким соусом их следует есть. Тем не менее, они действительно пришли в некотором количестве, и к 1295 году появилось нечто вроде тени нашего нынешнего парламента. Не нужно больше ничего говорить об этом институте; с течением времени его функции постепенно расширялись благодаря петиции об удовлетворении жалоб, сопровождавшей выделение денег, но в целом его следовало рассматривать как подчиняющегося воле короля, который вплоть до позднего тюдоровского периода играл на этом конституционном инструменте несколько очень странных мелодий.

Эдуард I уступил место своему сыну, который снова принадлежал к тому типу королей, которые до сих пор предоставляли баронам возможность продвинуться в конституционной борьбе; и в прежние времена, без сомнения, они бы в полной мере воспользовались обстоятельствами; сейчас они мало что могли получить. Король делал все возможное, чтобы сбросить

ограничения феодальной конституции и править просто как абсолютный монарх. После некоторого времени кажущегося успеха он, конечно, потерпел неудачу и преуспел только в подтверждении законных прав феодализма, добившись своего собственного официального низложения от рук баронства как вождя, который, нарушив договор со своими феодалами, неизбежно утратил свое право. Если мы сравним его дело с делом Карла I. мы обнаружим в нем это различие, помимо очевидного, что Эдуард нес ответственность перед своими феодалами, а Карл - перед высшими средними классами, помещичьей аристократией, представленной парламентом; что Карл был осужден законом, созданным, так сказать, для этой цели и развившимся из принципа представительства имущих классов, в то время как низложение Эдуарда было реальным логическим результатом утвердившейся феодальной системы и было практически законным и регулярным.

Преемник свергнутого короля, третий Эдуард, открывает завершенный и центральный период средневековья в Англии. Феодальная система завершена: жизнь и дух страны превратились в состояние, если и не вполне независимое, то все же совершенно забывшее, с одной стороны, идеи и обычаи кельтских и тевтонских племен, а с другой - авторитет Римской империи. Средневековье возмужало; у этого возмужания есть свое собственное искусство, которое, хотя и развивалось шаг за шагом от искусства Старого Рима и Нового Рима и вобрало в себя странный мистицизм и мечтательную красоту Востока, забыло и отца, и мать и стоит в одиночестве, торжествуя, самое прекрасное, яркое и веселое из всех творений человеческого ума и рук.

У него тоже есть своя литература, в чем-то похожая на его искусство, но уступающая ему и лишенная его единства, поскольку в нем присутствует двойное течение. С одной стороны, придворный поэт, джентльмен, Чосер, с его итальянизирующими метрами и формальным признанием классических историй; на которых, действительно, он возводит надстройку из самого причудливого и неподдельного средневековья, такого же веселого и яркого, как архитектура, которую видели его глаза и нарисовало для нас его перо, настолько она ясна, очерчена и элегантна; солнечный мир даже среди его насилия и мимолетных невзгод, как у счастливого ребенка, худшие из которых скорее забавляют, чем огорчают зрителей; мир, наполненный светом. мир, который едва ли нуждался в надежде в своей полной приключений и любви жизни среди залитых солнцем цветущих лугов, зеленых лесов и белоснежных особняков. Добрая и человечная муза Чосера, тем не менее, интересуется всей жизнью и забавляется ею, но по самой своей природе лишена сильных устремлений в будущее; и это тем более, что, хотя сильная набожность и неистовое благочестие более грубого Средневековья к этому времени сошли на нет, а над Церковью чаще слегка насмехались, чем боялись или любили, все же *привычка* смотреть на эту жизнь как на часть другой, все же осталась: мир прекрасен и полон приключений; добрые люди, правдивые и благородные есть в нем, чтобы сделать человека счастливым; глупцы также над ними можно посмеяться, и негодяям нужно оказывать сопротивление, но не осуждать их полностью; и когда этому миру придет конец, мы все равно продолжим жить в другом мире, который является частью этого. Смотрите на всю картину, отмечайте все и живите во всем, и будьте так веселы, как только можете, никогда не забывая, что вы живы и что жить хорошо.

Таков дух поэзии Чосера; но наряду с ней существовала еще народная балладная поэзия, совершенно не тронутая придворной элегантностью и классическим педантизмом; грубая в искусстве, но никогда не грубая, верная до мозга костей; проникнутая негодованием против зла

и выражающая тем самым заключенную в нем надежду; протест бедных против богатых, особенно в тех песнях лесных жителей, которые были названы средневековым эпосом восстания; не более мрачная, чем поэзия джентльмена, но веселая от мужества, а не довольная. Полдюжины строф из нее стоят целого воза современной плаксивой интроспективной лирики; и тот, кто, освоив небольшие отличия языка от нашей повседневной речи, не тронут этим, не понимает, что такое настоящая поэзия и какова ее цель.

В литературе того времени есть третий элемент, который вы можете назвать поэзией Лолларда, прекрасным примером которого является "Пирс Пахарь" Уильяма Ленгланда. Это неплохое дополнение к Чосеру и, по крайней мере, по форме полностью принадлежит популярной стороне; но мне кажется, что оно демонстрирует симптомы духа поднимающегося среднего класса и отбрасывает на него тень нового хозяина, выступившего против угнетения рабочих. Но я должен оставить то, что еще хочу сказать по этому вопросу об искусстве и литературе четырнадцатого века, для другого случая. В том, что я только что сказал, я только хотел указать вам, что средние века к этому времени достигли наивысшего расцвета; и что они могли выражать в форме, которая была полностью их собственной, идеи и жизнь того времени.

То время было в некотором смысле блестящим и прогрессивным, и жизнь рабочего в нем была лучше, чем когда-либо, и могла бы сравниться с тем, чем она стала в последующие периоды, и с тем, чем она является сейчас; и действительно, оглядываясь назад, есть некоторые умы и настроения, которые не могут не сожалеть об этом, и их не особенно пугает мысль о его жестокости и отсутствии точного знания научных деталей.

Однако теперь нам ясно одно, то, что никогда не бывает ясно большинству людей, живущих в такие периоды, а именно: что бы это ни было, это не могло продолжаться вечно, а должно было превратиться во что-то другое.

Полный феодализм четырнадцатого века пал, как всегда падают системы, из-за собственного разложения и развития врожденных семян перемен, некоторые из которых действительно спали веками, чтобы пробудиться к активности спустя долгое время после того, как события, которые их породили, были забыты.

Феодальная система, естественно, была системой открытой войны; и союзы, браки и другие сделки семьи с семьей, заключаемые королем и властителями, всегда вели их к войне, предоставляя им законные притязания или, по крайней мере, притязания, которые могли быть обоснованы юридически, на владения других лордов, которые пользовались преимуществом своего пребывания на месте, своей силой в людях или деньгах или своей популярностью у баронства, чтобы немедленно привести в исполнение свои притязания. Такой войной была та, с помощью которой Эдуард I. навлек на Англию вражду шотландцев; и такой же снова была великая война, в которую Эдуард III вступил с Францией. Вы не должны предполагать, что в этой войне было что-то национального, а тем более расового характера. Последней серией войн до этого времени, о которой я сейчас говорю, в которой расовые чувства имели большое значение, были Крестовые походы. Эта война во Франции, говорю я, не была ни национальной, ни расовой, ни племенной; это было частное дело владельца поместья, заявляющего о том, что он считал своими законными правами другого лорда, который, как он думал, узурпировал их; и это требование его верные феодалы были обязаны отстаивать за него; верность феодальному начальству, а не патриотизм по отношению к стране, была добродетелью, которую солдаты

Эдуарда III должны были предложить, если у них был какой-либо призыв быть добродетельными в этом отношении.

Эту войну, однажды начатую, было трудно прекратить, отчасти из-за успеха, которого добился в ней Эдуард, обрушившись на Францию силами страны, гораздо более однородной, чем она; и, без сомнения, это была война, очень губительная для обеих стран, и поэтому ее можно отнести к числу причин, разрушивших феодальную систему.

Но истинные причины этого разрыва лежали гораздо глубже. Система не была способна к расширению производства; фактически, пока ее целостность оставалась нетронутой, это была армия, которую кормили рабы, которых нельзя было должным образом и пристально эксплуатировать; сами свободные люди могли заниматься чем-то другим на досуге, и таким образом создавать произведения искусства и литературу, но их истинным делом как членов племени-завоевателя, их согласованным делом было сражаться. Действительно, между крепостным и свободным дворянином существовала группа людей, производивших ремесленные изделия, необходимые для последнего, но сознательно и, как мы теперь должны думать, расточительно; и по мере того, как эти ремесленники и торговцы начинали приобретать значение и продвигаться, чего они не могли не делать, в феодальную иерархию, по мере того, как они приобретали *статус*, болезнь феодальной системы усиливалась, и на нее падала тень грядущей коммерциализации.

То, что любая группа людей, которые могли бы претендовать на что-то иное, чем собственность свободных людей, не должна иметь определенных прав, резко отличающихся от прав других групп, было идеей, которая не приходила в голову средневековью; следовательно, как только появились люди, которые не были крепостными и не были дворянами, им пришлось бороться за статус, организуясь в ассоциации, которые должны были стать признанными членами великой феодальной иерархии; ибо в те дни никому не была предоставлена неопределенная и негативная свобода; если у тебя не было статуса, ты не существовал, кроме как вне закона.

Такова, вкратце, движущая сила необходимости, стоявшая за борьбой городских корпораций и гильдий ремесленников за свободу, борьбой, которая, хотя и должна была привести к разрушению средневековой иерархии, началась с видимости ее укрепления за счет увеличения числа ее членов, увеличения ее производственной мощи и, таким образом, повышения ее стабильности на некоторое время.

Об этой борьбе и о том образе жизни, который ей сопутствовал, мне, возможно, придется написать в другой раз, и поэтому не буду больше говорить об этом здесь. За исключением того, что этому во многом способствовали перемены, которые постепенно происходили между землевладельцами и классом, на котором зиждилось все общество, - крепостными. Сначала это были люди, у которых было не больше прав, чем у рабов движимого имущества, за исключением того, что в основном, как часть имущества поместья, они не могли быть проданы; они должны были выполнять всю работу в поместье и зарабатывать себе на жизнь, насколько могли. Но по мере того, как производительная сила возрастала благодаря более совершенным методам труда и по мере того, как страна становилась более заселенной, их работа становилась более легкой в исполнении, а их собственная земля - более продуктивной для них; и эта тенденция к определению и дифференциации прав, более того, работала в их интересах, и обычаи поместья определяли, в чем заключались их услуги, и они начали приобретать права. С этого времени они перестали быть чистыми крепостными и начали склоняться к тому, чтобы

стать арендаторами, сначала оплачивая чистослужбу за свои владения, но постепенно заменяя эту службу штрафами и денежной выплатой — короче говоря, арендной платой.

К концу четырнадцатого века, после того, как страна была обезлюдела от Черной смерти и обнищала в результате затяжной войны, феодалы этих правообладателей и арендаторов начали сожалеть о небрежности, с которой их предшественники эксплуатировали их *собственность*, крепостных, и подумали, что в новом коммерческом свете, который начал пробиваться к ним, *они* могли бы делать это гораздо лучше, если бы только немного больше контролировали свою собственность; но было слишком поздно, поскольку их собственность приобрела права, и, следовательно, в их головах возникли странные видения того, что такое торговля. время, гораздо лучшее, чем то, в которое они жили, когда даже эти права должны быть вытеснены положением вещей, при котором в утверждении прав какой-либо одной группы людей больше не будет необходимости, поскольку все люди должны быть свободны пользоваться плодами своего собственного труда.

Из этого произошел великий эпизод крестьянской войны, возглавляемой такими людьми, как Уот Тайлер, Джек Стро и Джон Болл, которые действительно вместе с теми, кого они возглавляли, пострадали за то, что посмели опередить свое время, ибо восстание было подавлено с жестокостью, достойной ирландского землевладельца или потеющего капиталиста наших дней; но, тем не менее, крепостному праву в Англии пришел конец, если не из-за восстания, то из-за событий, которые его вызвали, и тем самым феодальной системе была нанесена смертельная рана.

С этого времени страна, переживавшая различные неприятности новой французской войны времен Генриха V. и Войны Алой и Белой Розы, не обращала особого внимания на эти междоусобицы.

Процветание рабочих росло, но также они начали подниматься в новый класс, и под ними начал формироваться класс простых рабочих, которые не были крепостными, и закладывать основы капиталистического производства.

Англию увлекло растущее течение коммерциализма, и богачи и землевладельцы обратили свое внимание на получение прибыли, а не на добывание средств к существованию; постепенно появились беспризорные подмастерья и безземельные рабочие; землевладелец избавился от своих арендаторов, сколько мог, превратил пашню в пастбище и до смерти заполнил пастбища в своем стремлении к шерсти, которая для него означала деньги и их размножение; пока, наконец, место крепостного, которое как бы пустовало в течение определенного переходного периода, не превратилось в поле для гольфа. , в течение которого некапиталистическое производство расширилось до своего предельного предела, было заполнено пролетарием, работающим на службе у хозяина по-новому, способом, который эксплуатировал и (горе того стоит!) эксплуатирует его гораздо полнее, чем обычаи поместья феодального периода.

Жизнь рабочего и производство товаров в этот переходный период, когда феодальное общество испытывало отвращение к своему концу, является сложной и обширной темой, требующей отдельного рассмотрения; сейчас я оставлю средневекового рабочего в полном развитии того периода, который застал его крепостным, привязанным к поместью, и который

сделал его, как правило, йоменом или ремесленником, разделяющим коллективный *статус* своей гильдии.

Современный рабочий, если бы он мог осознать положение своего предшественника, имел бы некоторые основания завидовать ему: феодальный крепостной много работал, жил бедно и добывал своему хозяину грубые средства к существованию; тогда как современный рабочий, работая еще усерднее и живя немногим лучше, если вообще живя, чем крепостной, создает для своего хозяина такую роскошь, о которой старый владелец поместья и не мечтал. Производственные способности рабочего умножаются тысячекратно; его собственные средства к существованию остаются в значительной степени там же, где и были. Баланс переходит к его хозяину и толпе бесполезных, распущенных лжецов и дураков, которые потворствуют его идиотским притворным желаниям и которые, прикрываясь претенциозным названием интеллектуальной части среднего класса, в свою очередь заняли место средневекового шута.

Действительно, если позитивистский девиз “Живи для других” понимать абсолютно буквально, современный рабочий должен быть хорошим и мудрым человеком, поскольку у него нет шансов жить для себя!

И все же я хотел бы, чтобы он был еще мудрее; достаточно мудрым, чтобы положить конец проповеди “Живи за счет других”, которая является девизом, изложенным меркантилизмом ее любимым детям.

Однако в одном современный пролетарий имеет преимущество перед средневековым крепостным, и это преимущество само по себе является миром. Между рабством и успешным восстанием прошло много столетий, и хотя он много раз пытался это сделать и никогда не падал духом, все же грядущие перемены, которым способствовала его мученическая смерть, должны были произойти пока не для него, а для новых хозяев его преемников. С нами все по-другому. Несколько лет изнурительной борьбы с апатией и невежеством; год или два растущей надежды — и кто знает? Возможно, несколько месяцев или, возможно, несколько дней открытой борьбы с грубой силой, с маской на лице и мечом в руке, и тогда мы перейдем черту.

Кто знает, говорю я? И все же мы знаем, что впереди нас, между нами нет ничего, кроме таких инцидентов, которые необходимы для ее развития, лежит неизбежная социальная революция, которая приведет к концу господства и торжеству товарищества.

НАДЕЖДЫ ЦИВИЛИЗАЦИИ.

Каждая эпоха имела свои надежды, надежды, которые выглядят чем-то за пределами жизни самого века, надеется, что попытаться проникнуть в будущее; и, как ни странно, я считаю, что эти надежды были сильнее не в период расцвета эпохи, которая дала им жизнь, а скорее в ее упадка и коррупции: в трезвом правда, вполне может быть, что эти надежды-лишь отражение тех, что живут счастливо и безбедно суетных устремлений тех и других, которые страдают мало энергии, чтобы выразить свои страдания в слышимый голос: когда все идет хорошо, счастливый мир забывает этих людей и их желаний, уверены в том, что их беды не опасны для них богатые: а когда беды и горя бедного начнет вставать на точку за пределы выносливости мужчины, страх, сознательный или бессознательный ложится на богатых, и они начинают искать о них, чтобы посмотреть, что там может быть между элементами общества, которые могут

быть использованы в качестве полумеры для страданий, которые, длительно существующее и когда-либо все более известным среди рабов, что общество, сейчас, наконец, заставляя себя внимание мастера. Времена перемен, разрушений и революций, естественно, также являются временами надежды, и нередко надежды на грядущее что-то лучшее являются первыми знаками, которые говорят людям о том, что революция близка, хотя обычно в такие знаки верят не больше, чем в пророчества Кассандры, или даже воспринимаются в противоположном смысле теми, кому есть что терять; поскольку они рассматривают их как признаки процветания времени и длительного сохранения того положения вещей, которое так благосклонно к ним. Давайте тогда посмотрим, на что похожи надежды цивилизации в наши дни: на самом деле я намереваюсь говорить главным образом о нашем времени и оставляю пока все упоминания о той более древней цивилизации, которая была разрушена здоровым варварством, из которого выросло наше нынешнее общество.

Все же, возможно, необходимо сказать несколько слов о зарождении нашей нынешней эпохи и надеждах, которые она породила, и о том, что с ними стало: это не уведет нас слишком далеко назад в историю; на мой взгляд, наша современная цивилизация начинается с волнующего периода Реформации в Англии, времени, которое в то время более важных странах Континента известно как период Возрождения, так называемое новое рождение искусства и науки.

И прежде всего помните, что этот период включает в себя предсмертную агонию феодализма со всем добром и злом, которые несла с собой эта система. На протяжении многих столетий ее конца готовится путем постепенного ослабления связей Великой иерархией, которая проводится мужчинами: характеристики те облигации, по крайней мере теоретически, личных прав и личной ответственности между высшими и низшими все шкалы; каждый человек был рожден, так сказать, в соответствии со следующими условиями, и лишь несчастные случаи в его жизни не может освободить его от них: коммерция, в нашем понимании этого слова, нет его, капиталистического производства, капиталистический обмен был неизвестен: чтобы приобрести товар дешево, что вы можете продать их дорогой был правонарушение (упреждение): покупать товары на рынке по утрам и продавать их в полдень на том же месте был не считал полезным делом и запрещалось под названием *regrating*; ростовщичество, вместо того чтобы вести как непосредственно на высшие должности государства, ошибся, а прибыль это в основном пришелся на избранный народ Божий: ограбление трудящихся, считал необходимым тогда, как и сейчас для самого существования государства, был выполнен довольно грубо без какого-либо сокрытия или оправдания произвольной налогообложения или открытым насилием: напротив, жизнь была хороша, и повседневные нужды изобилия; праздники Церкви праздников в современном смысле этого слова, прямо-таки *плей-дней*, и там было девяносто шесть обязательным: ни люди смиренные и овечье, но как грубыми руками и смелый набор молодцы, как всегда протирают сквозь жизнь под солнцем.

Я вспоминаю три отрывка из современной истории или сплетен о жизни тех времен, когда удача покинула нас, и которые любопытно иллюстрируют перемену, произошедшую в привычках англичан. Дама, писавшая из Норфолка 400 лет назад своему мужу в Лондон, среди различных заказов на гобелены, продукты и платья, просит его также не забыть привезти с собой хороший запас арбалетов и стрел, поскольку окна в их зале были слишком низкими, чтобы их можно было использовать для стрельбы из длинного лука. Немецкий путешественник, писавший в конце средневекового периода, говорит об англичанах как о самых ленивых и гордых людях и

лучших поварах в Европе. Испанский посол примерно того же периода говорит: “Эти англичане живут в домах, построенных из палок и глины”,^[87] но в этом они живут не хуже лордов”.

Действительно, я признаюсь, что со странным волнением вспоминаю те времена и пытаюсь осознать жизнь наших предков, людей, которые носили такие же имена, как и мы, говорили почти на том же языке, жили в тех же уголках земли и при этом так отличались от нас манерами, привычками, образом жизни и мышления, как если бы они жили на другой планете. Само лицо страны изменилось; я имею в виду не только Лондон и крупные промышленные центры, но и всю страну в целом; нет ни клочка английской земли, за исключением таких мест, как Солсберийская равнина, который не свидетельствовал бы об удивительных переменах, произошедших с нами за 400 лет.

Нередко я тешу себя тем, что пытаюсь представить себе облик средневековой Англии; многочисленные прогалины и огромные леса, совершенно неогороженные участки общей пашни и общих пастбищ; грубое земледелие на обработанных участках, неуловимые породы крупного рогатого скота, овец и свиней; особенно последние, такие тощие, длинные и ломкие, кажущиеся нам такими странными; вереницы вьючных лошадей вдоль проселочных дорог, скудость колесных путей, которых почти нет, за исключением тех, что были оставлены римлянами и проложены от монастыря к монастырю. монастырь: скудость мостов и люди, пользующиеся вместо них паромы или броды там, где могли; маленькие городки с благоустроенными церквями, часто обнесенные стенами; деревни точно такие же, как сейчас (за исключением тех, в которых не осталось ничего, что могло бы рассказать о них, кроме церкви), но лучше и густонаселеннее; их церкви, некоторые большие и красивые, некоторые маленькие и необычные, но все заставлены алтарями и мебелью, пестрят картинами и орнаментом; множество религиозных домов с их великолепной архитектурой; красивые усадьбы, некоторые из которых когда-то были замками, а также пережитки более раннего периода; некоторые новые и изящные; некоторые непропорционально малы для важности своих лордов. Как странно было бы для нас, если бы мы могли высадиться в Англии четырнадцатого века; если бы мы не увидели гребень какого-нибудь знакомого холма, похожего на тот, на котором еще сохранился символ английского племени и с которого, глядя вниз на равнину, где родился Альфред, я когда-то много раз размышлял о подобном, мы бы не знали, в какую страну мира мы прибыли: название осталось, почти ничего другого.

И когда я думаю об этом, во мне пробуждается надежда на то, что может случиться: именно так будет и с нами в будущем; все изменится, и здесь, в Англии, будут жить другие люди, которые, хотя они могут быть нашей крови и носить наше имя, будут задаваться вопросом, как мы жили в девятнадцатом веке.

Что ж, под всем этим жестко упорядоченным кастовым обществом четырнадцатого века, с его грубым недостатком, его разгульной жизнью, его хладнокровным принятием грубости и насилия, происходила острая борьба классов, которая несла с собой надежду на прогресс тех дней: крепостные постепенно освобождались и становились частью городского населения, первыми подмастерьями, или так называемыми “вольными рабочими”, некоторые из них были правообладателями сельскохозяйственных земель: корпорации городов набирали силу, ремесленные мастерские достигали совершенства и коррупции, власть ремесленников росла. Корона росла, сопровождаемая зарождающейся бюрократией; короче говоря, средний класс формировался под внешней маской все еще нетронутого феодализма: и все готовилось к

началу великой коммерческой эпохи, *впоследние* дни которой, я бы хотел надеяться, мы живем. Эта эпоха началась со знаменательного изменения сельского хозяйства, которое означало возделывание ради прибыли, а не ради средств к существованию, и которое повлекло за собой экспроприацию *людей* с земли, вымирание йоменов и возвышение фермеров-капиталистов; и рост городского населения, которое, увеличиваясь за счет оттока безземельных бродяг и людей без хозяев, выросло в определенный пролетариат, или класс свободных рабочих; и их существование сделало возможным также существование зародыша капиталиста-производителя; и господство коммерческих контрактов и наличных платежей начало приобретать все большее значение. место старой феодальной иерархии с ее многозвенной цепочкой личных обязанностей. Во второй половине семнадцатого века, в царствование Карла II, был нанесен последний удар по этой феодальной системе, когда военная служба землевладельцев была отменена, и они стали простыми владельцами собственности, с которой не было связано никаких обязанностей, кроме уплаты земельного налога.

Надежды начала коммерческого периода можно прочесть почти в каждой книге того времени, выраженные в разной степени скучного или забавного педантизма и демонстрирующие наивное высокомерие и презрение к только что прошедшим временам, до которых не могло прийти ничего, кроме предельной простоты невежества. Но времена были волнующие, и они породили самые сильные индивидуальности во многих областях литературы, и многое другое, и Кампанелла, по крайней мере, в разгар буйного триумфа молодого коммерциализма, подарил миру пророческие надежды на грядущие времена, когда сам этот коммерциализм должен был уступить место обществу, которое, как мы надеемся, станет следующим преобразованием цивилизации во что-то другое; в новую социальную жизнь.

Этот период ранних и буйных надежд перешел в следующую стадию трезвого воплощения многих из них, поскольку торговля росла и совершенствовалась и формировала все общество в соответствии с его потребностями: рабочий шестнадцатого века по-прежнему работал как отдельный человек с небольшим сотрудничеством и почти без какого-либо разделения труда: к концу семнадцатого он стал лишь частью группы, которая к тому времени была в ремесле реальной единицей производства; разделение труда даже в тот период полностью уничтожило его индивидуальность, и рабочий был всего лишь частью машины: на протяжении всего восемнадцатого века эта система работала как продвигаясь к совершенству, пока для большинства людей того периода, для большинства тех, кто был хоть как-то способен выражать свои мысли, цивилизация уже не достигла высокой ступени совершенства и, несомненно, не будет переходить от лучшего к лучшему.

Эти надежды были не на поверхности очень революционный вид, но тем не менее классовая борьба все еще продолжалась, и довольно открыто, и на остатки *feudality*, опираясь лишь маски и гримасы религии, которая некогда была частью феодальной системы, препятствует развитию торговли катастрофически, и, казалось, в тысячу раз более мощный, чем на самом деле; ведь, несмотря на классовую борьбу там был действительно тайного альянса междумощного среднего класса, которые были детьми коммерции и их старых мастеров аристократии; бессознательное понимание между ними, скорее всего, в разгар их борьбы, что некоторые вопросы должны были быть соблюдены даже в передовой группе: конкурс и гражданской войне между королем и Палата общин в Англии в семнадцатом веке иллюстрирует это так: осторожность, с которой привилегий был атакован в самом начале борьбы, нежелание все

лидеры сэкономить несколько энтузиастов нести вопросов до логического последствия, даже когда ход событий был разработан антагонизм между аристократическими привилегиями и среднего класса свободе договора (так называемый); наконец, кристаллизации нового порядка завоевана мечом пашебу было построено в убудочное состояние вещей между честью и буржуазной свободы, поражение и горе пурист республиканцы, и с ужасом и стремительное вымирание Левеллеров, пионеры социализма в тот день, все это указывает на то, что “Партия прогресса,” как мы должны это сейчас называют, был определен после всего, что привилегия не должен быть отменен больше, чем своего собственного суждения.

Семнадцатый век закончился великой революцией вигов в Англии, и, как я уже говорил, торговля процветала и росла неимоверно, и власть средних классов возрастала пропорционально, и все, казалось, шло у них гладко, пока, наконец, во Франции кульминационное разложение общества, все еще номинально существующего в интересах привилегированной аристократии, не заставило их действовать: старый порядок вещей, поддерживаемый властью исполнительной власти, тем подобием подавляющей физической силы, которое является реальным и единственным цементом общества, основанного на рабстве многих — аристократическое власть казалась сильной и почти непреодолимой: а поскольку для того, чтобы побить собаку, годится любая палка, средние классы Франции были вынуждены взяться за первую попавшуюся под руку палку, если они не хотели уступить дорогу аристократам, что, действительно, запрещала им делать вся эволюция истории. Поэтому, как и в Англии в семнадцатом веке, средних классов, объединяются в религиозные и республиканские, и даже коммунистических энтузиастов, с намерением, фирма хоть и невысказанное, чтобы держать их вниз, когда они были установлены к власти при посредстве их, поэтому во Франции им пришлось объединиться с пролетариатом, который, постыдно угнетенных и ухудшаться, как это было, сейчас впервые в истории начали чувствовать его силу, мощь чисел: с помощью этой справки они одержали победу над аристократические привилегии, но, с другой стороны, хотя пролетариат был быстро сокращаются снова, чтобы положение не намного лучше, чем, что у нее было до революции, часть он играл в нем дало новый и ужасный характер этой революции, и с того времени вперед классовая борьба вступила в новую фазу; средних классов одержали полную победу, которой во Франции несло в себе все внешние признаки победы, хотя в Англии они решили рассмотреть определенную часть себя аристократия, кто действительно мало признаков аристократизма о них добра или зла, будучи в очень редких случаях затяжного спуска, и, находясь в их нравы и идеи, безошибочнобуржуа.

Так был совершен второй акт великой классовой борьбы, с первого акта которой началась эра коммерции; что касается надежд этого периода революции, то мы все знаем, насколько экстравагантными они были; ожидалось, что полное перерождение мира произойдет в результате отмены самой грубой формы привилегий; и я должен сказать, что, прежде чем мы будем насмехаться над экстравагантностью этих надежд, мы должны попытаться поставить себя на место тех, кто их поддерживал, и попытаться понять, как привилегии старой знати, должно быть, раздражали респектабельных зажиточных людей того времени. время. Что ж, разумная часть этих надежд была реализована революцией; другими словами, она достигла того, к чему действительно стремилась, - освобождения торговли от оков фиктивного феодализма; или, другими словами, уничтожения аристократических привилегий. Более экстравагантная часть надежд, выраженных революцией восемнадцатого века, была достаточно расплывчатой и склонялась к предположению, что рабочие классы получают пользу от того, что отвечало интересам среднего класса каким-то совершенно необъяснимым образом

— можно сказать, с помощью некоего волшебства, — благо рабочих, поскольку оно никогда не было направлено прямо, а лишь предполагалось между прочим, также не достигалось никакими подобными волшебными средствами, и на торжествующие средние классы начали постепенно смотреть уже не как на мятежных слуг, а как на деспотичных хозяев.

Средний класс освободил торговлю от оков привилегий и освободил мысль от оков теологии, по крайней мере частично; но он не освободил и не пытался освободить труд от его оков. Лидеры Французской революции, даже среди страхов, подозрений и резни Террора, отстаивали права так называемой “собственности”, хотя во Франции появился новый пионер или пророк, аналогичный в некоторых отношениях уравнителям времен Кромвеля, но, как и следовало ожидать, гораздо более продвинутый и разумный, чем они. С Гракхом Бабефом и его товарищами обращались как с преступниками, и они умерли или подверглись тюремным пыткам за попытку претворить в жизнь слова, которые Республика все еще носила на своих знаменах, а Свобода, Братство и Равенство интерпретировались в буржуазном или, если угодно, иезуитском смысле как награда за успех для тех, кто смог пробиться в элитный класс; и в конце концов собственность пришлось защищать военному авантюристу, и Революция, казалось, закончилась наполеонизмом.

Тем не менее, Революция не умерла, и невозможно было сказать, что происходит до сих пор и что будет дальше с нарастающей волной. Коммерции, которая создала неимущий пролетариат во всей цивилизации, предстояло сыграть еще одну роль, которая еще не сыграна; она должна была научить рабочих знать, кто они такие; дать им образование, консолидировать их и не только вселить в них стремление к их продвижению как класса, но и предоставить им средства для реализации этих стремлений. Все это она делала, но и не задерживалась в своей работе; с начала девятнадцатого века история цивилизации на самом деле является историей последней классовой борьбы, начало которой положила Французская революция; и Англия, которая на протяжении всех времен Революции и последовавшего за ней цезаризма казалась непримиримым врагом революции, на самом деле столь же неуклонно продвигала ее; ее природные условия, ее запасы угля и минералов, ее умеренный климат, обширное морское сообщение и множество гаваней, и, наконец, ее положение форпоста Европы, смотрящего в Америку через Океан. океан, обрекший ее быть, по крайней мере, на какое-то время, хозяйкой торговли цивилизованного мира и его агентом с варварскими и полуварварскими странами. Необходимость этой судьбы толкнула ее на непримиримую войну с Францией, войну, которая, номинально ведущаяся во имя монархических принципов, на самом деле, хотя, несомненно, и бессознательно, велась за обладание иностранными и колониальными рынками. Она вышла победительницей из той войны и была полностью готова воспользоваться преимуществами промышленной революции, которая происходила в то время и на которую я сейчас прошу вас обратить внимание.

Я уже говорил, что восемнадцатый век усовершенствовал систему труда, пришедшую на смену средневековой системе, при которой рабочий индивидуально выполнял свою работу на всех ее различных этапах от первого до последнего.

Эта новая система, первое изменение в промышленном производстве со времен средневековья, известна как система разделения труда, в которой, как я уже сказал, единицей труда является группа, а не человек; отдельный рабочий в этой системе всю жизнь занят выполнением какой-либо задачи, довольно мелкой самой по себе, с которой он вскоре

справляется, и, освоив ее, ему больше ничего не остается, как продолжать увеличивать скорость своих рук под влиянием конкуренции со своими товарищами, пока он не станет совершенной машиной, стать которой является его конечной обязанностью, поскольку, не достигнув этой цели, он должен уми или стать нищим. Вы можете хорошо себе представить, как это славное изобретение разделения труда, это полное уничтожение индивидуальности в рабочем и его очевидное безнадежное порабощение своим жадным до прибыли хозяином пробудили надежды цивилизации; вероятно, было спето больше гимнов в честь разделения труда, произнесено больше проповедей о нем, чем было отдано должное заповеди “поступайте с другими так, как вы хотели бы, чтобы они поступали с вами”.

Отбросив всякую иронию, несомненно, это была одна из тех стадий цивилизации, на которой вполне можно сказать, что, если уж на этом останавливаться, жаль, что она вообще зашла так далеко. Мне пришлось много изучать книги и методы работы восемнадцатого века, главным образом французские; и я должен сказать, что это изучение произвело на меня впечатление, что ремесленник восемнадцатого века, должно быть, был ужасным продуктом цивилизации и вполне в состоянии породить *надежды*— на факел, пику и гильотину.

Однако цивилизация не собиралась останавливаться на достигнутом; превратив человека в машину, следующим этапом, к которому должна была стремиться коммерция, было создание машин, которые широко обходились бы без человеческого труда; и эта цель не была полностью достигнута.

Итак, на первый взгляд может показаться, что после того, как рабочий оказался в таком тяжелом положении, в каком он находился, как раб разделения труда, это новое изобретение машин, которое должно было освободить его по крайней мере от части его труда, могло быть для него ничем иным, как несомненным благословением. Несомненно, в конце концов, так оно и оказалось, когда были сметены определенные институты, которые большинство людей сейчас считают вечными; но прошло немало времени, в течение которого надежды рабочих на цивилизацию были обмануты, ибо те, кто изобрел машины, или, скорее, те, кто извлек выгоду из их изобретения, не стремились к экономии труда в смысле сокращения труда, который должен был выполнять каждый человек, но, сначала приняв как должное, что каждый рабочий должен был работать до тех пор, пока он мог это выдержать, стремились при тех условиях труда производить как можно больше продукции. товаров, которые они могли бы продать с прибылью.

Нужно ли мне останавливаться на том факте, что при таких обстоятельствах изобретение машин принесло мало пользы рабочему даже по сей день?

Более того, поначалу они сделали его положение хуже, чем оно было: ибо, обрушившись на мир очень внезапно, они явно вызвали промышленную революцию, изменив все внезапно и полностью; промышленная производительность была чрезвычайно увеличена, но рабочие не только не воспользовались этим, они были выброшены с работы в огромном количестве, в то время как те, кто все еще был занят, были низведены с положения квалифицированных ремесленников до положения неквалифицированных рабочих: целью их хозяев было, как я уже сказал, получение прибыли, они не беспокоились об этом как класс, но считали само собой разумеющимся, что с этим ничего нельзя поделать и это не повредит им; им и в голову не приходило предлагать рабочим такую компенсацию за ущемленные интересы, о которой они с тех пор так громко заявляют сами.

Таково было положение вещей, последовавшее за заключением европейского мира, и даже сам этот мир скорее ухудшил положение, чем улучшил, из-за внезапного прекращения всей военной промышленности и выброса на рынок многих тысяч солдат и матросов: короче говоря, ни в один период английской истории положение рабочих не было хуже, чем в первые годы девятнадцатого века.

Кажется, в этот период было два течения надежды, которые относились к рабочим классам: первое затронуло хозяев, второе - мужчин.

В Англии, а в том, что я говорю об этом периоде я в основном думаю из Англии, в надежде на богатые классы накопились до предела; и неудивительно, ибо Англия была к этому моменту стать хозяйкой на рынках мира, а также, как людей того времени никогда не уставал хвастаться, мастерской мира: увеличения богатства страны была огромной, даже в ранний период я и думаю сейчас—до 48, Я имею в виду—хотя он вырос намного быстрее, что раз мы все видели: но часть ликующей надежды на этот новый богач обеспокоен своим слугам, инструментам своего состояния: он надеется, что население в целом будет расти, умней, образованней, получается, более трудолюбивы, более удобный; ибо надеюсь, что, несомненно, какой-то фундамент, с человеком господства над силами природы растет ежегодно в сторону ее завершения; но вы видите эти благородные господа полагали, что эти надежды будут реализованы, возможно, по какой-то необъяснимой магии, как указано выше, или, возможно, рабочих классов, *за счет собственных средств*, путем осуществления добродетели должен быть специально предназначен, чтобы их состояние и называется, своими господами, “бережливость” и “промышленность”. Для этого последнего предположения не было никаких оснований: действительно, бедняги, которые были выброшены с работы победоносным шествием торговли, волей-неволей измучились бережливостью и вряд ли могли улучшить свои подвиги *в этом* направлении; в то время как для тех, кто работал на фабриках или кто составлял рабочую группу в других местах, трудолюбие не было новым евангелием для них, поскольку они уже работали столько, сколько могли, не умирая за ткацким станком, веретеном или мочалкой. У них, со своей стороны, были свои надежды, достаточно смутные относительно их конечной цели, но выражавшиеся в уходящий день весьма очевидной тенденцией к бунту: эта тенденция принимала различные формы, на которых я не могу здесь останавливаться, но в конце концов вылилась в чартизм, о котором я должен сказать несколько слов: но сначала я должен упомянуть, я едва ли могу сделать больше, почетное имя Роберта Оуэна, как представителя благороднейших надежд своего времени, так же как и Мор был его современником, и поднявшего факел социализма в темные дни неразберихи, вызванной безрассудной жадностью простых людей. ранний период крупной фабричной промышленности.

То, что условия, в которых живет человек, могут бесконечно влиять на его жизнь и его поступки, что не эгоистичная жадность и непрекращающийся спор, а братство и сотрудничество являются основами истинного общества, было Евангелием, которое он проповедовал и также практиковал с целеустремленностью, преданностью и пылкостью надежды, которые никогда не были превзойдены: он был воплощенной надеждой тех дней, когда прогресс знаний и страдания людей вселяли революционную надежду в тех мыслителей, которые в той или иной форме не находились на жалованье у грязных хозяев общества.

Что касается чартистской агитации, то о ней можно сказать следующее: это было чисто рабочее движение, и оно было вызвано самой простой и могущественной из всех причин — голодом.

Примечательно, что она была наиболее сильной, особенно в первые дни своего существования, в промышленных округах Северной и Центральной части Страны, то есть в местах, которые наиболее остро и непосредственно ощутили бедствия, вызванные промышленной революцией; она проявилась с особой силой в годы, последовавшие сразу за великим законопроектом о реформе; и было отмечено, что разочарование надежд, которые лелеяла эта мера, имело некоторую связь с ее горечью. По мере того, как это продолжалось, в нем развивались очевидные причины неудачи; своекорыстное руководство; бесполезное обсуждение средств осуществления изменений до того, как организация партии была доведена до совершенства; слепой страх перед конечными последствиями со стороны одних, слепое пренебрежение к немедленным последствиям со стороны других; это были поверхностные причины его неудачи; но он одержал бы победу над всем этим и совершил революцию в Англии, если бы не причины более глубокие и жизненно важные, чем эти. Чартизм отличался от простого радикализма тем, что был классовым движением; но его цель, в конце концов, была политической, а не социальной. Социализм Роберта Оуэна не достиг своей цели, потому что он не понимал, что, пока существует привилегированный класс, владеющий исполнительной властью, они будут хорошо заботиться о том, чтобы их экономическое положение, позволяющее им жить за счет неоплачиваемого труда народа, не было нарушено: надежды чартистов были обмануты, потому что они не понимали, что истинная политическая свобода невозможна для людей, находящихся в экономическом порабощении: в этих вопросах нет первого и второго, они должны идти рука об руку: мы не можем жить так, как хотим, и так, как должны, пока мы позволять *людям управлять* нами, в чьих интересах, чтобы мы жили так, как *они* захотят, а ни в коем случае не так, как следовало бы нам; также нет смысла претендовать на право управлять нашим собственным бизнесом, если мы не готовы иметь какое—то собственное дело: эти две цели в совокупности означают продолжение классовой борьбы до упразднения всех классов - отделение одного от другого фатально для любой надежды на социальный прогресс.

Следовательно, чартизм, хотя и был подлинно народным движением, был неполон в своих целях и знаниях; время еще не пришло, и оно не могло торжествовать открыто; но было бы ошибкой сказать, что оно потерпело полную неудачу: по крайней мере, оно поддерживало священный пламя недовольства; оно дало нам возможность достичь политической цели демократии и тем самым продвинуть дело народа, завоевав сцену, с которой можно было увидеть новые достижения, к которым нужно стремиться.

Я уже говорил, что время для революции тогда еще не пришло: великая волна коммерческого успеха продолжала нарастать, и хотя капиталисты, если бы осмелились, воспользовались бы всеми преимуществами, полученными таким образом за счет своих наемных рабов, чартистское восстание предупредило их, что пытаться это небезопасно. Они были *вынуждены* попытаться смягчить недовольство паллиативными мерами. Они позволяют фабрике актов, которые планируется принять регулирования продолжительности рабочего дня и условиях труда женщин и детей, а соответственно мужчины и в некоторых из наиболее важных и консолидированных отраслях промышленности; они были *вынуждены* отменить свирепые законы против сочетания среди рабочих; так что профсоюзы отвоевали для себя правовую позицию и стали властью в трудовом вопросе, и удалось с помощью забастовки и угрозы забастовок регулировать заработную плату получают работники, и поднять уровень жизни определенной части квалифицированные рабочие и рабочие, связанные с ними: хотя основная часть неквалифицированных, включая сельскохозяйственных рабочих, были не лучше, чем раньше.

Так было потушено пламя недовольства, неясного в своих целях и страстно требующего того, что, будь это разрешено, оно не смогло бы использовать: двадцать лет назад на любого, кто намекнул бы на возможность серьезного классового недовольства в этой стране, посмотрели бы как на сумасшедшего; фактически, зажиточные и культурные люди совершенно не осознавали (как и многие до сих пор), что в этой стране было какое-либо классовое различие, отличное от того, что создавали лохмотья феодализма, которые они все еще небрежно атаковали.

Двадцать лет назад в Англии не было никаких признаков революционных настроений: средний класс был настолько богат, что ему не нужно было надеяться ни на что, кроме рая, в который они не верили; зажиточные рабочие не надеялись, поскольку они не были ущемлены и не имели возможности осознать свое униженное положение; и, наконец, у тружеников пролетариата была надежда на благотворительность, больницу, рабочий дом и, наконец, добрую смерть, которую они могли предложить им.

В этом раю биржевиков давайте ненадолго оставим наших дорогих соотечественников, пока я скажу несколько слов о делах людей на европейском континенте. У тамошнего живодера дела обстояли не так гладко: социалистические мыслители и писатели возникли примерно в то же время, что и Роберт Оуэн; Сен-Симон, Прудон, Фурье и его последователи поддерживали традиции надежды посреди буржуазного мира. Среди них Фурье заслуживает наибольшего внимания, поскольку его учение о необходимости и возможности сделать труд привлекательным - это то, без чего социализм ни в коем случае не может обойтись. Франция также продолжала революционную и повстанческую традицию, результат чего-то вроде надежды, все еще бродившей среди пролетариата: она, наконец, попала в лапы второго цезаризма, разработанного самой низкой группой шулеров, мошенников и шлюх, которые когда-либо оскорбляли страну, и из которых наши собственные счастливые буржуа у себя дома делали героев и героини: отвратительная открытая коррупция парижского общества, которому, я повторяю, наши респектабельные классы искренне сочувствовали, была окончательно сметена ужасами расовой войны. поражения и позор этой войны развили, с одной стороны, деревянную неумолимость и низость французских буржуа, но, с другой стороны, дали возможность вновь зародиться революционной надежде, результатом которой стала попытка установить общество на основе свободы труда, которое мы называем Парижской коммуной 1871 года. Какие бы ошибки или неблагоразумия ни были допущены в этой попытке, а все войны изобилуют подобными ошибками, я предоставляю реакционным врагам дела народа выдвигать свои предположения: непосредственным и очевидным результатом стало убийство тысяч храбрых и честных революционеров руками респектабельных классов, фактически потеря армии ради народного дела; но мы можем быть уверены, что результаты Коммуны на этом не закончатся: всем социалистам эта героическая попытка вселит надежду и энтузиазм в дело до тех пор, пока оно должно быть выиграно; мы чувствуем, что парижский рабочий одержал победу. стремились приблизить для нас рассвет и подняли край солнца над горизонтом, чтобы никогда больше не заходить в кромешной тьме: о таких попытках нужно сказать, что, хотя те, кто погиб в них, могли бы оказаться в лучшем месте в битве, все же, в конце концов, храбрые люди никогда не умирают ни за что, когда они умирают за принцип.

Давайте перенесемся из Франции в Германию, прежде чем снова вернемся в Англию, и в заключение скажем несколько слов о наших надеждах на сегодняшний день. Германии мы обязаны школой экономистов, во главе которой стоит имя Карла Маркса, которые сделали

современный социализм таким, какой он есть: более ранние социалистические писатели и проповедники возлагали свои надежды на то, что человека научат видеть желательность сотрудничества, заменяющего конкуренцию, и добровольно и сознательно принимать изменения, и они верили в то, что были опробованы и приняты схемы, более или менее искусственные, хотя такие схемы были обязательно построены из материалов, которые предлагало капиталистическое общество: но новая школа, начав с исторического взгляда на то, что было, и увидев, что закон эволюции повлиял на все события в нем смогли указать нам на то, что эволюция все еще продолжается, и что, независимо от того, желателен социализм или нет, он, по крайней мере, неизбежен. Вот тогда, наконец, появилась надежда иного рода, чем все, что было до нее; и немецкие и австрийские рабочие не замедлили усвоить урок, основанный на этой теории; будучи одной из самых отсталых стран Европы в этом движении, до того, как Лассаль основал свою немецкую рабочую партию в 1863 году, Германия вскоре стала в ней лидером: репрессивный закон Бисмарка подействовал на общественное мнение там только так, как каток подействовал на растущую траву — сделал ее тверже и сильнее; и какими бы превратностями ни была судьба партии как таковой, в ней может быть что угодно. нет сомнения, что социалистическое мнение там прочно утвердилось и что, когда для этого созреет время, это мнение выразится в действии.

Теперь, во всем, что я говорил, я хотел, чтобы вы обратили внимание на тот факт, что с момента установления коммерциализма на руинах феодализма у рабочих росло устойчивое чувство, что они являются классом, с которым обращаются как с классом, и таким же образом обращаются с другими; и что по мере роста этого классового чувства росло и сознание антагонизма между их классом и классом, который, как говорится, их нанимает; то есть который живет своим трудом.

Сейчас именно это растущее осознание того, что пока существует в обществе имущего класса, живущих на труд *propertyless* один, там *должна* быть борьба всегда происходит между этими двумя классами—это только начало знания этого факта, который должен показать нам, что цивилизация может надеяться—а именно, превращение его в подлинного общества, в котором не будет классов с их необходимости борьбы за существование и превосходство: для антагонизм классов, который начался во всем простоту между господином и рабом краткосрочных древнего общества и было продолжено между феодалом и крепостным средневекового общества, постепенно становится яблоком раздора между капиталистической разработана с работниками последнего периода, и наемный работник: в бывшей борьба подъем ремесленного и *villanage* арендатор создал новый класс, средний класс, В то время как на месте старого крепостного заполнили *propertyless* работника, с кем среднего класса, которая вобрала в себя аристократии, теперь лицом к лицу: борьба между классами, поэтому снова просто, как во времена классических народов; но поскольку не существует более сильной расы осталось вне цивилизации, так как в момент срыва Рим, вся борьба при всей своей наивности между теми, кто имеет и теми, кто не является в цивилизации.

Более того, капиталист или современный рабовладелец был вынужден самим своим успехом, как мы видели, организовать своих рабов, наемных работников, в производственную кооперацию, настолько хорошо организованную, что для создания основы общественной жизни не требуется ничего, кроме его собственного уничтожения: также с учетом опыта прошлых эпох он был вынужден предоставить неимущим хоть какое-то образование и даже не смог полностью лишить их политических прав; его собственный рост богатства и власти породил для него того самого врага, который обречен покончить с ними. о нем.

Но появится ли какой-нибудь новый класс, который займет место нынешнего пролетариата, когда тот восторжествует, как это должно произойти, над нынешним привилегированным классом? Мы не можем предвидеть будущее, но вполне можем надеяться, что нет: по крайней мере, мы не видим никаких признаков формирования такого нового класса. Невозможно понять, как уничтожение привилегий может остановить абсолютное равенство условий; чистый коммунизм - это логический вывод из несовершенной формы нового общества, которое обычно отличается от него как социализм.

Между тем, именно эта простота и прямота растущего соперничества, прежде всего, наводит ужас на консервативный инстинкт современности. Многие представители среднего класса, искренне опечаленные и шокированные состоянием пролетариата, созданным цивилизацией, и даже встревоженные ужасающим неравенством, которое она порождает, тем не менее, с содроганием отказываются от идеи классовой борьбы и стараются закрыть глаза на тот факт, что она продолжается. Они пытаются думать, что мир не только возможен, но и естественен между двумя классами, сама суть существования которых заключается в том, что каждый может процветать только за счет того, что ему удастся заставить другого уступить ему. Они ставят перед собой невыполнимую задачу поставить низшие или эксплуатируемые классы в такое положение, при котором они перестанут бороться против высших классов, в то время как последние не перестанут их эксплуатировать. Эта абсурдная позиция толкает их на выдумывание планов улучшения положения рабочих классов за их собственный счет, некоторые из них бесполезны, некоторые просто фантастичны; или же они могут быть снова разделены на те, которые указывают на преимущества и удовольствия невольного аскетизма, и реакционные планы по переносу условий производства и жизни средневековья (между прочим, совершенно неправильно понятых ими) в нынешнюю систему капиталистического фермера, крупной промышленности и универсального мирового рынка. Некоторые видят решение социальной проблемы в фиктивной кооперации, которая является всего лишь улучшенной формой акционерного хозяйства; другие проповедуют бережливость для получения (неустойчивых) доходов в восемнадцать шиллингов в неделю и трудолюбие для людей, убивающих себя по крупицам сверхурочной работой, или для людей, которых рынок труда отверг как ненужных; третьи умоляют пролетариев не размножаться так быстро; предписание, соблюдение которого могло бы поначалу принести пользу самим пролетариям в их нынешнем состоянии, но, несомненно, погубило бы капиталистов, если бы оно было доведено до конца, и привело бы к тому, что они перестали плодиться. Это привело бы через разорение и нищету к насильственной вспышке той самой революции, от которой эти робкие люди так стремятся отказаться.

Затем есть другие, которые, оглядываясь на прошлое и понимая, что рабочие средневековья жили в большем комфорте и самоуважении, чем наши, даже несмотря на то, что они были подчинены классовому правлению людей, на которых смотрели как на существ другого порядка, чем на них, думают, что если бы эти условия жизни можно было воспроизвести при наших лучших политических условиях, вопрос был бы решен по крайней мере на время. Их схемы можно свести к попыткам, более или менее абсурдно тщетным, привить класс независимых крестьян к нашей системе заработной платы и капитала. Они не понимают, что эта система независимых рабочих, производящих почти исключительно для потребления самих себя и своих соседей и эксплуатируемых высшими классами путем очевидных налогов на их труд, которая не была организована иным образом и в которую эксплуататоры не вмешивались, была тем, что в прошлые времена заменило нашу систему, при которой рабочие продают свой

труд на конкурентном рынке хозяевам, которые держат в своих руках всю организацию рынков, и что эти две системы взаимно разрушительны.

Другие снова верят в возможность начать с нашей нынешней системы рабочих домов, чтобы поднять низшую часть работающего населения до лучших условий, но не беспокоятся о положении рабочих, которые находятся выше состояния пауперизма, или о том, какую роль они будут играть в борьбе за лучшие средства к существованию. И, наконец, довольно большое количество благонамеренных людей, принадлежащих к более богатым классам, верят, что в обществе, которое усиливает конкуренцию за средства к существованию и дает рабочим в качестве стимула проявлять надежду на их превращение в класс производителей-монополистов, все же возможно “морализировать” капитал (используя жаргонное выражение позитивистов): то есть, что чувство, заимствованное из религии, которая рассматривает другой мир как истинную сферу деятельности человечества, возьмет верх над потребностями нашей повседневной жизни в этом мире. Эта любопытная надежда основана на ощущении, что чувство, противоположное полному развитию коммерциализма, существует и набирает силу, и что это чувство является независимым ростом этики нынешней эпохи. На самом деле, признавая его существование, что, я думаю, мы должны сделать, это порождение чувства незащищенности, которое является тенью, отбрасываемой приближающимся распадом современного общества, основанного на наемном рабстве.

Большая часть этих схем направлена, хотя и редко сознательно их инициаторами, на создание нового среднего класса из класса наемных работников и за их счет, точно так же, как нынешний средний класс сформировался из крепостного населения раннего средневековья. Вполне возможно, что такое *дальнейшее* развитие среднего класса находится перед нами, но оно не будет вызвано никакими такими искусственными средствами, как вышеупомянутые схемы. Если это вообще произойдет, то должно быть вызвано событиями, которые в настоящее время мы не можем предвидеть, воздействующими на нашу коммерческую систему и, возможно, оживляющими на некоторое время то капиталистическое общество, которое сейчас кажется отвратительным к своему концу.

Ибо то, что мы видим перед собой в эти дни, - это конкурентная коммерческая система, убивающая саму себя собственной силой: прибыли уменьшаются, предприятия становятся все больше и больше, мелкий наниматель рабочей силы отстраняется от своих функций, а накопление капитала увеличивает численность низшего среднего класса скорее сверху, чем снизу, превращая мелкого производителя в простого слугу более крупного. Производительность труда также растет непропорционально способности капиталистов управлять рынком или иметь дело с предложением рабочей силы: следовательно, нехватка рабочих мест становится хронической, а вместе с ней и недовольство.

Все это с одной стороны. С другой стороны, рабочие повсюду требуют политического равенства, которое нельзя долго отрицать; и распространяется образование, так что между улучшением образования рабочего класса и сохраняющейся поразительной глупостью высших классов здесь прослеживается отчетливая тенденция к уравниванию; и, как я намекал выше, вся история показывает нам, какую опасность для общества может представлять класс, одновременно образованный и социально деградировавший: хотя, на самом деле, история еще не показала нам - то, что быстро надвигается на нас, — класс, который, хотя и достигнет знаний, будет совершенно лишен утонченности и самооценки. уважение, которое проистекает из союза

знаний с досугом и легкостью жизни. Рост такого класса вполне может повергнуть в трепет современных “культурных” людей.

Поэтому, что бы непредвиденного и непредусмотренного ни таилось в недрах будущего, перед нами не видно ничего, кроме приходящей в упадок системы, без перспектив, но со все возрастающей запутанностью и слепотой, и новой системы, социализма, надежда на который все яснее проявляется в умах людей - системы, которая не только видит, как можно освободить труд от его нынешних оков и организовать его без потерь, чтобы производить максимально возможное количество богатства для общества и для каждого его члена, но и несет с собой свою собственную этику, религию и эстетику: это надежда и обещание новой и более возвышенной жизни во всех отношениях. Так что даже если эти непредвиденные экономические события, о которых говорилось выше, произойдут и на некоторое время отложат конец нашей капиталистической системы, последняя будет тянуться как аномалия, проклинаемая всеми, просто препятствующая устремлениям человечества.

Маловероятно, что до этого дойдет: по всей вероятности, логический исход последних дней капитализма шаг за шагом будет соответствовать его реальной истории: в то время как все люди, даже его объявленные враги, будут работать над установлением социализма, цели тех, кто научился верить в несомненность и благотворность его прихода, станут яснее, а их методы для его реализации также станут яснее и, наконец, будут готовы к использованию. Тогда наступит то открытое признание необходимости перемен (признание, исходящее от разума цивилизации), которое обычно называют Революцией. Бесполезно предсказывать события, которые будут сопровождать эту революцию, но здравомыслящему человеку кажется до крайности маловероятным, или, лучше сказать, невозможным, что моральное чувство побудит собственнические классы — тех, кто живет за счет *владения* средствами производства, которые непривилегированные классы должны *использовать*— отказаться от этой привилегии без принуждения; все, на что можно надеяться, это на то, что они увидят скрытую угрозу принуждения в событиях дня и таким образом благосклонно уступят ужасной необходимости стать частью мира, в котором все, включая самих себя, будут честно работать и жить легко.

ЦЕЛИ СТАТЬИ.

Размышляя о Целях искусства, то есть о том, почему люди так усердно лелеют Искусство и занимаются им, я нахожу себя вынужденным делать обобщения на основе единственного представителя человечества, о котором я что-либо знаю, а именно на себе самом. Теперь, когда я думаю о том, чего я желаю, я обнаруживаю, что не могу дать этому другого названия, кроме счастья. Я хочу быть счастливым, пока жив; ибо что касается смерти, то я нахожу, что, никогда не испытав ее, я не имею ни малейшего представления о том, что это значит, и поэтому даже не могу заставить свой разум задуматься о ней. Я знаю, что значит жить; я даже не могу догадаться, что значит быть мертвым. Что ж, тогда я хочу быть счастливым и даже иногда, скажем вообще, веселым; и мне трудно поверить, что это не всеобщее желание: так что все, что ведет к этой цели, я лелею изо всех сил. Теперь, когда я продолжаю рассматривать свою жизнь, я обнаруживаю, или мне кажется, что она находится под влиянием двух доминирующих настроений, которые за неимением лучших слов я должен назвать настроением энергии и настроением праздности: эти два настроения, то одно, то другое, всегда вызывают во мне к удовлетворению. Когда мной овладевает настроение энергии, я должен что-то делать, иначе я становлюсь унылым и несчастным; когда мной овладевает настроение праздности, мне

действительно тяжело, если я не могу отдохнуть и позволить своему уму блуждать по различным картинам, приятным или ужасным, которые сформировал в нем мой собственный опыт или общение с мыслями других людей, мертвых или живых; и если обстоятельства не позволяют мне культивировать это настроение праздности, я обнаруживаю, что в лучшем случае мне придется пройти через период боли, пока я не смогу стимулировать свое настроение энергии, чтобы оно заняло свое место. и сделай меня снова счастливой. И если у меня нет средств, с помощью которых я мог бы пробудить это настроение энергии для выполнения своего долга, делающего меня счастливым, и я вынужден трудиться, пока мной овладевает праздное настроение, тогда я действительно несчастен и почти желаю себе смерти, хотя и не знаю, что это значит.

Более того, я нахожу, что в состоянии праздности воспоминания забавляют меня, в состоянии энергии меня подбадривает надежда; надежда иногда большая и серьезная, а иногда тривиальная, но без нее нет счастливой энергии. Опять же, я нахожу, что, хотя иногда я могу удовлетворить это настроение, просто упражняя его в работе, которая не дает результата за истекший час, — короче говоря, в игре, — все же вскоре оно устает от этого и становится вялым, надежда на это слишком тривиальна, а иногда даже едва реальна; и что в целом, чтобы удовлетворить моего хозяина настроения, я должен либо что-то делать, либо притворяться, что делаю это.

Что ж, я полагаю, что жизнь всех людей состоит из этих двух настроений в различных пропорциях, и это объясняет, почему они всегда, с большим или меньшим трудом, лелеяли искусство и практиковали его.

Зачем им было прикасаться к чему-то другому и таким образом увеличивать труд, который они не могли не выполнять, чтобы выжить? Должно быть, это делалось для их удовольствия, поскольку только в очень развитых цивилизациях человек мог заставить других людей поддерживать его жизнь только для того, чтобы создавать произведения искусства, тогда как все люди, оставившие после себя какие-либо признаки своего существования, занимались искусством.

Я полагаю, в самом деле, что никто не будет склонен отрицать, что цель, предлагаемая производением искусства, всегда состоит в том, чтобы доставить удовольствие человеку, чьи чувства должны быть обращены к нему. Это было сделано для кого-то, кого это должно было сделать счастливее; его праздное или спокойное настроение должно было позабавить это, чтобы пустота, которая является основным злом этого настроения, могла уступить место приятному созерцанию, мечтам или чему угодно еще; и таким образом он не так скоро впал бы в рабочее или энергичное настроение: у него было бы больше удовольствия и лучше.

Таким образом, обуздание беспокойства, несомненно, является одной из основных целей искусства, и мало что может добавить к жизни большего удовольствия, чем это. Насколько мне известно, сейчас живы одаренные люди, у которых нет другого порока, кроме беспокойства, и, по-видимому, в их жизни нет другого проклятия, делающего их несчастными; но этого достаточно; это “маленькая трещина внутри лютни”. Беспокойство делает их несчастными людьми и плохими гражданами.

Но если допустить, как, я полагаю, вы все согласитесь, что это важнейшая функция искусства, то возникает следующий вопрос: какой ценой мы ее получаем? Я признал, что занятия искусством увеличили труд человечества, хотя я верю, что в долгосрочной перспективе этого не

произойдет; но, увеличивая труд человека, увеличивало ли это до сих пор его страдания? Всегда находились люди, которые сразу же ответили бы "да" на этот вопрос; так что были и остаются две группы людей, которые не любят искусство и презирают его как постыдную глупость. Помимо благочестивых аскетов, которые смотрят на искусство как на мирскую путаницу, мешающую людям сосредоточиться на шансах на их личное счастье или несчастье в загробном мире; которые, короче говоря, ненавидят искусство, потому что думают, что оно увеличивает земное счастье человека, — помимо них, есть также люди, которые, рассматривая жизненную борьбу с самой разумной точки зрения, какую они знают, презирают искусства, потому что думают, что они усиливают рабство человека, увеличивая объем его мучительного труда: если бы это было так, это все равно, на мой взгляд, было бы вопросом не стоит ли какое-то время терпеть дополнительную боль труда ради дополнительного удовольствия, добавляемого к отдыху, предполагая, на данный момент, равенство условий среди людей? Но мне кажется, что это не тот случай, когда занятия искусством усугубляют мучительный труд; более того, я полагаю, что, если бы это было так, искусство вообще никогда бы не возникло, и уж точно не было бы заметно среди народов, в которых существуют только зачатки цивилизации. Другими словами, я верю, что искусство не может быть результатом внешнего принуждения; труд, который затрачивается на его создание, является добровольным и частично предпринимается ради самого труда, частично в надежде создать что-то, что, будучи выполнено, доставит удовольствие тому, кто этим пользуется. Или, опять же, этот дополнительный труд, когда он является дополнительным, предпринимается с целью удовлетворения этого настроения энергии путем использования ее для производства чего-то стоящего, что, следовательно, будет поддерживать у работника живую надежду, пока он работает; а также путем предоставления ему работы, выполнение которой приносит абсолютное немедленное удовольствие. Возможно, человеку, не склонному к искусству, трудно объяснить, что это определенное чувственное удовольствие всегда присутствует в работе искусного мастера, когда он успешно работает, и что оно возрастает пропорционально свободе и индивидуальности работы. Также вы должны понимать, что это производство искусства и, как следствие, удовольствие от работы не ограничивается производством предметов, являющихся только произведениями искусства, таких как картины, статуи и так далее, но было и должно быть частью любого труда в той или иной форме: только так будут удовлетворены требования энергетического настроения.

Следовательно, цель искусства - увеличить счастье людей, наделяя их красотой и интересными происшествиями, чтобы развлечь их досуг и не дать им утомиться даже от отдыха, и давая им надежду и телесное удовольствие от их работы; или, короче говоря, сделать работу человека счастливой, а его отдых плодотворным. Следовательно, подлинное искусство - это несомненное благословение для человечества.

Но поскольку слово "подлинный" - это большая оговорка, я должен попросить разрешения попытаться сделать некоторые практические выводы из этого утверждения Целей искусства, которые, я полагаю, или даже надеюсь, приведут нас к некоторым спорам по этому вопросу; потому что действительно бесполезно ожидать, что кто-либо будет говорить об искусстве иначе, как самым поверхностным образом, не затрагивая тех социальных проблем, о которых думают все серьезные люди; поскольку искусство есть и должно быть, либо в своем изобилии, либо в своей скудости, либо в своей искренности, либо в своей пустоте, выражением общества, среди которого оно существует.

Итак, во-первых, мне ясно, что в настоящее время те, кто смотрит на вещи шире и проникает в них глубже, весьма недовольны нынешним состоянием искусства, равно как и нынешним состоянием общества. Это я говорю в связи с предполагаемым возрождением искусства, которое произошло в последние годы: на самом деле, само это возбуждение по поводу искусства среди части современных культурных людей лишь показывает, на какой прочной основе покоится вышеупомянутое недовольство. Сорок лет назад об искусстве говорили гораздо меньше, им занимались гораздо меньше, чем сейчас; и это особенно верно в отношении архитектурного искусства, о котором мне сейчас в основном придется говорить. С тех пор люди сознательно стремились воскрешать мертвых в искусстве, и с некоторым поверхностным успехом. Тем не менее, несмотря на это сознательное усилие, я должен сказать вам, что Англия для человека, способного чувствовать и понимать красоту, была тогда менее тяжелым местом для жизни, чем сейчас; и мы, чувствующие, что значит искусство, хорошо знаем, хотя и не часто осмеливаемся сказать об этом, что через сорок лет это будет для нас более тяжелым местом, чем сейчас, если мы все еще будем следовать тем путем, по которому идем. Менее сорока лет назад — около тридцати — я впервые увидел город Руан, тогда еще внешне являвшийся образцом средневековья: нет слов, чтобы передать вам, как его красота, история и романтика захватили меня; я могу только сказать, что, оглядываясь назад на свою прошлую жизнь, я нахожу, что это было величайшим удовольствием, которое я когда-либо испытывал; и теперь это удовольствие, которого никто никогда не сможет испытать снова: оно потеряно для мира навсегда. В то время я был студентом Оксфорда. Хотя Оксфорд в те дни и не был таким поразительным, таким романтическим или, на первый взгляд, таким средневековым, как нормандский город, он все же сохранил большую часть своей прежней красоты: и воспоминание о его серых улицах, какими они были тогда, оказало постоянное влияние и доставило удовольствие в моей жизни, и было бы еще больше, если бы я только мог забыть, какими они являются сейчас — дело гораздо более важное, чем так называемое изучение этого места, которое могло бы быть для меня в любом случае, но которому, как это было, никто не пытался научить меня, а я не пытался учиться. С тех пор хранители этой красоты и романтики, столь плодотворной для образования, хотя и заявляют, что занимаются “высшим образованием” (так прозвана бесполезная система компромиссов, которой они следуют), совершенно игнорируют его, заставили его сохранение уступить давлению коммерческих требований и, по-видимому, полны решимости полностью уничтожить его. Есть еще одно удовольствие для мира, унесенное ветром; здесь, опять же, красота и романтика были бесполезно, беспричинно, самым глупым образом выброшены на ветер.

Эти два случая приведены просто потому, что они запечатлелись в моем сознании; это всего лишь прообраз того, что происходит повсюду, на протяжении всей цивилизации: мир повсюду становится уродливее и банальнее, несмотря на сознательные и очень напряженные усилия небольшой группы людей по возрождению искусства, которые настолько явно расходятся с тенденциями эпохи, что, хотя некультурные люди даже не слышали о них, основная масса культурных людей смотрит на них как на шутку, и даже от этого они сейчас начинают уставать.

Итак, если верно, как я утверждал, что подлинное искусство является неоспоримым благословением для мира, то это серьезный вопрос; ибо на первый взгляд кажется, что скоро в мире вообще не останется искусства, которое, таким образом, лишится неоспоримого благословения; я думаю, оно вряд ли может себе это позволить.

Ибо искусство, если ему суждено умереть, исчерпало себя, и его цель будет забыта; а его целью было сделать работу счастливой, а отдых плодотворным. Значит, вся работа должна быть несчастливой, весь отдых - бесплодным? Действительно, если искусству суждено погибнуть, так оно и будет, если только что—то не займет его место - что-то в настоящее время безымянное, о чем даже не мечтали.

Я не думаю, что что-либо заменит искусство; не то чтобы я сомневался в изобретательности человека, которая, кажется, безгранична в том, что касается того, как сделать себя несчастным, но потому, что я верю, что источники искусства в человеческом разуме бессмертны, а также потому, что мне кажется, легко увидеть причины нынешнего уничтожения искусств.

Ибо мы, цивилизованные люди, отказались от них не сознательно и не по своей свободной воле; мы были *вынуждены* отказаться от них. Возможно, я смогу проиллюстрировать это подробностями применения машин для производства вещей, в которых возможна своего рода художественная форма. Почему разумный человек использует машину? Конечно, для экономии своего труда. Есть некоторые вещи, которые машина может выполнять так же хорошо, как и рука человека, *плюс* инструмент. Ему не нужно, например, перемалывать зерно в ручной квершлаг; небольшая струйка воды, колесо и несколько простых приспособлений прекрасно справятся со всем этим и позволят ему свободно курить трубку и думать или вырезать черенок своего ножа. Пока что это несомненный выигрыш от использования машины — всегда, заметьте, при условии равенства условий среди людей; ни одно искусство не теряется, приобретается досуг или время для более приятной работы. Возможно, совершенно разумный и свободный человек остановился бы на этом в своих отношениях с машинами; но такого разума и свободы ожидать слишком сложно, поэтому давайте последуем за нашим изобретателем машины на шаг дальше. Ему приходится ткать простую ткань, и, с одной стороны, он находит это занятие скучным, а с другой - что механический ткацкий станок соткет ткань почти так же хорошо, как ручной: поэтому, чтобы получить больше досуга или времени для более приятной работы, он использует механический ткацкий станок и отказывается от небольшого дополнительного искусства в изготовлении ткани. Но, поступая таким образом, в том, что касается искусства, он не получал чистой выгоды; он заключил сделку между искусством и трудом и, как следствие, получил импровизацию. Я не говорю, что он, возможно, был не прав, поступая таким образом, но что он не только приобрел, но и потерял. Итак, это все, на что способен человек, ценящий искусство и разумный в вопросах техники, *пока он был свободен*, то есть не был *вынужден* работать ради прибыли другого человека; пока он жил в обществе, *признающем равенство условий*. Продвиньте машину, используемую для искусства, еще на шаг дальше, и он станет неразумным человеком, если он ценит искусство и свободен. Чтобы избежать недоразумений, я должен сказать, что я имею в виду современную машину, которая как бы живая и по отношению к которой человек является вспомогательным средством, а не старую машину, усовершенствованный инструмент, который является вспомогательным для человека и работает только до тех пор, пока его рука думает; хотя я замечу, что даже от этой элементарной формы машины приходится отказаться, когда мы переходим к более высоким и сложным формам искусства. Что ж, что касается собственно машины, используемой для искусства, то, когда она доходит до стадии выше, связанной с необходимым производством, в котором случайно есть какая-то красота, разумный человек с чувством к искусству будет использовать ее только тогда, когда его вынудят. Если он думает, что ему понравилось бы украшение, например, и знает, что машина не может сделать это должным образом, и не хочет тратить время на то, чтобы сделать это должным образом, зачем ему

вообще это делать? Он не станет сокращать свой досуг ради изготовления чего-то, чего ему не хочется, если только какой-нибудь человек или группа людей не вынудят его к этому; поэтому он либо обойдется без украшения, либо пожертвует частью своего досуга, чтобы оно было подлинным. Это будет признаком того, что он очень хочет этого и что это будет стоить его усилий: в этом случае, опять же, его работа над этим не будет просто проблемой, но заинтересует и доставит удовольствие ему, удовлетворяя потребности его энергетического настроения.

Я говорю, что именно так поступил бы разумный человек, если бы он был свободен от человеческого принуждения; не будучи свободным, он действует совсем по-другому. Он давно миновал стадию, на которой машины используются только для выполнения работы, отталкивающей среднего человека, или для выполнения того, что машина могла бы выполнять с таким же успехом, как и человек, и он инстинктивно ожидает, что машина будет изобретена всякий раз, когда какой-либо продукт промышленности станет востребованным. Он раб техники; новая машина *должна* быть изобретена, и когда она будет изобретена, он *должен* — я не буду говорить, использовать ее, но быть использованным ею, нравится ему это или нет.

Но почему он раб машин? Потому что он раб системы, для существования которой было необходимо изобретение машин.

А теперь я должен отбросить, или, скорее, уже отбросил, предположение о равенстве условий и напомнить вам, что, хотя в некотором смысле мы все рабы машин, все же некоторые люди действуют так прямолинейно, вообще без всякой метафоры, и что это как раз те, от кого зависит большая часть искусств — рабочие. Системе, которая удерживает их в положении низшего класса, необходимо, чтобы они либо сами были машинами, либо служили машинам, ни в коем случае не проявляя никакого интереса к работе, которую они выполняют. Для своих работодателей они, поскольку они рабочие, являются частью механизмов мастерской или фабрики; для самих себя они пролетарии, люди, работающие, чтобы жить, чтобы они могли жить, чтобы работать: их роль ремесленников, создателей вещей по своей собственной воле выполнена.

Рискуя быть обвиненным в сентиментальности, я скажу, что поскольку это так, поскольку работа, производящая то, что должно быть предметом искусства, является всего лишь бременем и рабством, я радуюсь, по крайней мере, тому, что она не может создавать искусство; что все, на что она способна, лежит между абсолютным утилитаризмом и идиотским притворством.

Или это действительно просто сентиментальность? Скорее, я думаю, мы, научившиеся видеть связь между промышленным рабством и деградацией искусств, научились также надеяться на будущее для этих искусств; поскольку, несомненно, наступит день, когда люди сбросят ярмо и откажутся принимать простое искусственное принуждение азартного рынка тратить свои жизни на непрерывный и безнадежный труд; и когда это наступит, их инстинкты красоты и воображение, освобожденные вместе с ними, создадут такое искусство, в котором они нуждаются; и кто может сказать, что оно не превзойдет искусство прошлых веков так же сильно, как это делают жалкие реликвии из того, что осталось от нас в эпоху коммерции?

Пару слов по поводу возражения, которое мне часто высказывали, когда я говорил на эту тему. Можно сказать, и это часто бывает, что вы сожалеете об искусстве Средневековья (как,

впрочем, и я), но те, кто создавал его, не были свободны; они были крепостными или мастерами-позолотчиками, окруженными наглыми стенами торговых ограничений; у них не было политических прав, и их жестоко эксплуатировали их хозяева, благородная каста. Что ж, я вполне допускаю, что угнетение и насилие Средневековья оказали свое влияние на искусство тех дней, с ними связаны его недостатки; они подавляли искусство в определенных направлениях, я в этом не сомневаюсь; и по этой причине я говорю, что когда мы избавимся от нынешнего угнетения, как мы избавились от старого, мы можем ожидать, что искусство дней настоящей свободы поднимется над искусством тех давних жестоких дней. Но я действительно говорю, что тогда было возможно иметь социальное, органичное, обнадеживающее прогрессивное искусство; тогда как сейчас те жалкие его остатки, которые остались, являются результатом индивидуальной и расточительной борьбы, ретроспективны и пессимистичны. И это обнадеживающее искусство было возможно среди всего угнетения тех дней, потому что инструменты этого угнетения были совершенно очевидны и находились вне работы мастера. Это были законы и обычаи, явно направленные на то, чтобы ограбить его, и открытое насилие типа разбоя на большой дороге. Короче говоря, промышленное производство не было инструментом, используемым для ограбления “низших классов”; теперь оно является основным инструментом, используемым в этой почетной профессии. Средневековый ремесленник был свободен в своей работе, поэтому он делал ее настолько забавной для себя, насколько мог; и именно его удовольствие, а не боль, делало все созданные вещи прекрасными и расточало сокровища человеческих надежд и мыслей на все, что создал человек, от собора до котелка с кашей. Давайте сформулируем это наименее уважительно по отношению к средневековому мастеру, наиболее вежливо по отношению к современному “почерку”: бедняга четырнадцатого века, его работа имела такую малую ценность, что ему позволялось тратить ее часами, ублажая себя — и других; но наш взвинченный механик, его минуты слишком обременены бременем постоянной прибыли, чтобы ему было позволено тратить их на искусство; нынешняя система не позволит ему — не может позволить ему — создавать произведения искусства.

Таким образом, возник этот странный феномен, что сейчас существует класс леди и джентльменов, действительно очень утонченных, хотя, возможно, и не столь хорошо информированных, как принято считать, и среди этого утонченного класса есть много тех, кто действительно любит красоту и случайности, то есть искусство, и готов пойти на жертвы, чтобы заполучить его; и ими руководят художники с большим физическим мастерством и высоким интеллектом, что в целом формирует большой спрос на изделия. И все же снабжение не приходит. Да, и более того, эта огромная группа восторженных требовательниц - не просто бедные и беспомощные люди, невежественные крестьяне-рыбаки, полусумасшедшие монахи, легкомысленные санкюлоты — короче говоря, никто из тех, выражение чьих потребностей так часто сотрясало мир раньше и будет сотрясать снова. Нет, они принадлежат к правящим классам, хозяева людей, которые могут жить без труда и имеют в изобилии досуг, чтобы планировать исполнение своих желаний; и все же я говорю, что у них не может быть искусства, которого они так жаждут, хотя они так усердно ищут его по всему миру, сентиментально изображая грязную жизнь несчастных крестьян Италии и голодающих пролетариев ее городов, теперь, когда вся живописность покинула бедняг нашей собственной сельской местности и наших собственных трущоб. В самом деле, от реальности в них почти ничего не осталось, и это немного быстро исчезает перед нуждами фабриканта и его оборванного полка рабочих и перед энтузиазмом археологического реставратора мертвого прошлого. Скоро не останется ничего, кроме лживых снов истории, жалких обломков наших музеев и картинных галерей и

тщательно охраняемых интерьеров наших эстетических гостиных, нереальных и глупых, подходящих свидетелей порочной жизни, которая там протекает, такой зажатой, скудной и трусливой, с ее сокрытием и игнорированием, а не сдерживанием естественных стремлений; что не запрещает жадному потворству им, если только это можно прилично скрыть.

Таким образом, искусство исчезло и не может быть “восстановлено” в прежнем виде, как не может быть восстановлено средневековое здание. Богатые и утонченные люди не могут получить это, хотя они хотели бы, и хотя мы верим, что многие из них получили бы. И почему? Потому что те, кто мог бы дать это богатым, не имеют на это права со стороны богатых. Одним словом, рабство лежит между нами и искусством.

Я уже говорил, что целью искусства было разрушить проклятие труда, превратив работу в приятное удовлетворение нашего стремления к энергии и дав этой энергии надежду произвести что-то стоящее ее применения.

Теперь, следовательно, я говорю, что, поскольку мы не можем достичь искусства, стремясь к его простому поверхностному проявлению, поскольку, поступая таким образом, мы не можем получить ничего, кроме его притворства, нам все же остается увидеть, что было бы, если бы мы позволили тени позаботиться о себе самой и попытались, если сможем, овладеть субстанцией. Со своей стороны, я верю, что если мы попытаемся реализовать цели искусства, не особо заботясь о том, каким должен быть аспект самого искусства, мы обнаружим, что в конце концов получим то, чего хотим: называть это искусством или нет, это, по крайней мере, будет *жизнь*; и, в конце концов, это именно то, чего мы хотим. Это может привести нас к новому великолепию видимого искусства; к архитектуре с многогранным великолепием, свободной от любопытной незавершенности и недостатков того, что породили прежние времена — к живописи, соединяющей красоту, которой достигло средневековое искусство, с реализмом, к которому стремится современное искусство; к скульптуре, соединяющей красоту греческую и экспрессию Ренессанса с каким-то третьим качеством, еще не открытым, чтобы дать нам образы мужчин и женщин, великолепно живых, но не лишенных права создавать, как и подобает всякой настоящей скульптуре, архитектурный орнамент. Все это оно может сделать; или, с другой стороны, оно может завести нас в пустыню, и искусство может показаться мертвым среди нас; или мы слабо и неуверенно ведем борьбу в мире, который совершенно забыл свое бывшее величие.

Что касается меня, то при нынешнем состоянии искусства я не могу заставить себя думать, что так уж важно, какая из этих частей его ожидает, пока каждая несет с собой некоторую надежду на то, что должно произойти; поскольку здесь, как и в других вопросах, нет никакой надежды, кроме Революции. Старое искусство уже не плодородная, не дает нам ничего, кроме изысканно поэтические сожаления; была бесплодна, но чтобы умереть, и вопрос о моменте сейчас, как она умрет, то лис надеждой или без нее.

Что, например, разрушило Руан, Оксфорд моего изящного поэтического сожаления? Погибла ли она на благо народа, либо медленно уступая место росту разумных перемен и новому счастью? или оно было, так сказать, поражено трагедией, которая чаще всего сопровождает какое-нибудь великое новое рождение? Это не так. Ни фалангисты, ни динамит не уничтожили его красоту, его разрушители не были ни филантропами, ни социалистами, ни кооператорами, ни анархистами. Оно было продано, и действительно по дешевой цене: растеряно жадностью и некомпетентностью дураков, которые не знают, что такое жизнь и удовольствия, которые ни

сами не возьмут их, ни позволят другим. Вот почему смерть этой красоты так ранит нас: ни один здравомыслящий человек не осмелился бы сожалеть о таких потерях, если бы они были оплачены новой жизнью и счастьем для людей. Но есть люди, которые все еще остаются такими же, как это было раньше, все еще сталкиваясь, со своей стороны, с чудовищем, которое разрушило всю эту красоту и имя которому - Коммерческая выгода.

Я повторяю, что каждый осколок подлинного искусства попадет в те же руки, если дело только продлится достаточно долго, хотя на его месте может остаться фальшивое искусство, которым вполне могут заниматься *дилетанты*, прекрасные джентльмены и леди без какой-либо помощи снизу; и, говоря откровенно, я боюсь, что этот невнятный призрак настоящего удовлетворил бы очень многих из тех, кто сейчас считает себя любителями искусства; хотя нетрудно увидеть долгую перспективу его деградации, пока оно, наконец, не станет просто посмешищем; то есть, если оно будет уничтожено. Дело должно было продолжаться: я имею в виду, если бы искусство всегда было развлечением тех, кого мы сейчас называем леди и джентльменами.

Но, со своей стороны, я не думаю, что это продлится достаточно долго, чтобы достичь таких глубин; и все же я был бы лицемером, если бы сказал, что я думал, что изменение в основе общества, которое предоставит трудовым правам и сделает людей практически равными в условиях, приведет нас короткой дорогой к великолепному новому рождению искусства, о котором я упоминал, хотя я совершенно уверен, что это не оставит нетронутым то, что мы сейчас называем искусством, поскольку цели той революции действительно включают в себя цели искусства, а именно, отмену проклятия труда.

Я полагаю, что именно это, вероятно, и произойдет; что машины будут продолжать развиваться с целью экономии человеческого труда до тех пор, пока масса людей не достигнет реального досуга, достаточного для того, чтобы быть способными ценить удовольствие от жизни; до тех пор, фактически, пока они не достигнут такого господства над природой, что они больше не будут бояться голодной смерти как наказания за то, что работают недостаточно. Когда они дойдут до этой точки, они, несомненно, изменят себя и начнут выяснять, что же они на самом деле хотят делать. Вскоре они обнаружили бы, что чем меньше работы они выполняли (я имею в виду, чем меньше работы, не сопровождаемой искусством), тем более желанным местом обитания была бы земля; соответственно, они выполняли бы все меньше и меньше работы, пока настроение энергии, о котором я начал говорить, не подтолкнуло бы их к новому действию; но к тому времени Природа, успокоенная ослаблением труда человека, восстановила бы свою древнюю красоту и научила людей древней истории искусства. И поскольку Искусственный голод, вызванный людьми, работающими на прибыль мастера, и на который мы сейчас смотрим как на нечто само собой разумеющееся, давно бы исчез, они были бы вольны делать все, что им заблагорассудится, и они откладывали бы свои машины во всех случаях, когда работа казалась приятной или желательной для ручной работы; пока во всех ремеслах, где требовалось создание красоты, не была бы налажена самая прямая связь между рукой человека и его мозгом. И было бы также много занятий, таких как сельское хозяйство, в которых добровольное проявление энергии считалось бы настолько восхитительным, что люди и не мечтали бы передать это удовольствие в руки машины.

Короче говоря, люди обнаружат, что люди наших дней были неправы, сначала увеличив свои потребности, а затем пытаясь, каждый из них, уклониться от всякого участия в средствах и

процессах, посредством которых удовлетворяются эти потребности; что такого рода разделение труда на самом деле является лишь новой и преднамеренной формой высокомерного и ленивого невежества, гораздо более вредного для счастья и удовлетворенности жизнью, чем незнание процессов Природы, того, что мы иногда называем *наукой*, в котором люди прежних дней невольно жили.

Они обнаружат, или, скорее, откроют заново, что истинный секрет счастья заключается в проявлении неподдельного интереса ко всем деталям повседневной жизни, в возвышении их с помощью искусства, вместо того чтобы поручать их выполнение никем не замеченным рутинерам и игнорировать их; и что в случаях, когда было невозможно либо таким образом улучшить их и сделать интересными, либо облегчить их с помощью использования механизмов, чтобы сделать работу над ними пустяковой, это следует воспринимать как знак того, что предполагаемые преимущества, полученные с их помощью, не стоили усилий и от них лучше отказаться. Все это, на мой взгляд, было бы результатом того, что люди сбросили с себя бремя Искусственного Голода, предположив, как я не могу не предположить, что импульсы, которые с первых проблесков истории побуждали людей заниматься искусством, все еще действовали в них.

Так и только так *может* произойти новое рождение Искусства, и я думаю, что это *произойдет* именно так. Вы можете сказать, что это долгий процесс, и так оно и есть; но я могу представить себе более длительный. Я изложил вам социалистический или оптимистический взгляд на этот вопрос. Теперь перейдем к пессимистическому взгляду.

Я могу предположить, что восстание против искусственного голода или капитализма, которое сейчас набирает обороты, может быть подавлено. Результатом будет то, что рабочий класс — рабы общества — будут все больше и больше деградировать; что они не будут бороться против подавляющей силы, но, побуждаемые той любовью к жизни, которую Природа, всегда заботящаяся об увековечении рода, привила нам, научатся переносить все — голод, непосильный труд, грязь, невежество, жестокость. Все это они перенесут, как, увы! они слишком хорошо переносят их даже сейчас; все это лучше, чем рисковать сладкой жизнью и скудными средствами к существованию, и все искры надежды и мужества в них погаснут.

И их хозяевам не станет намного лучше: поверхность земли повсюду будет отвратительной, за исключением необитаемой пустыни; Искусство полностью погибнет, как в ручном искусстве, так и в литературе, которая превратится, как это действительно быстро происходит, в простую череду упорядоченных и рассчитанных неумелостей и бесстрастной изобретательности; Наука будет становиться все более и более односторонней, все более неполной, все более многословной и бесполезной, пока, наконец, она не нагромодится в такую массу суеверий, что рядом с ней теологии прежних времен будут казаться простым разумом и просвещением. Все будет опускаться все ниже и ниже, пока героическая борьба прошлого за осуществление надежды из года в год, из века в век не будет полностью забыта, и человек не станет неопишуемым существом — безнадежным, лишенным желаний, безжизненным.

И будет ли избавление даже от этого? Возможно: человек может после какого-нибудь ужасного катаклизма научиться стремиться к здоровому анимализму, может вырасти из сносного животного в дикаря, из дикаря в варвара и так далее; и через несколько тысяч лет он, возможно, снова займется теми искусствами, которые мы сейчас утратили, и будет вырезать переплетения,

как новозеландцы, или выцарапывать формы животных на их очищенных лопаточных костях, как доисторические люди дрейфа.

Но в любом случае, согласно пессимистической точке зрения, которая считает восстание против Искусственного голода невозможным, мы снова будем устало тащиться по кругу, пока какой-нибудь несчастный случай, какое-нибудь непредвиденное следствие договоренности не положит нам конец.

Я не верю в этот пессимизм и, с другой стороны, не предполагаю, что это полностью вопрос нашей воли относительно того, будем ли мы способствовать человеческому прогрессу или человеческой деградации; и все же, поскольку есть те, кто склонен к социалистической или оптимистической стороне вещей, я должен заключить, что есть некоторая надежда на его преобладание, что напряженные усилия многих людей подразумевают силу, которая толкает их вперед. Так что я верю, что “Цели искусства” будут реализованы, хотя я знаю, что этого не может быть, пока мы стонем под тиранией Искусственного голода. Я еще раз предостерегаю вас от предположений, вас, кто, возможно, особенно любит искусство, что вы принесете какую-либо пользу, попытаюсь оживить искусство, имея дело с его мертвой внешностью. Я говорю, что вы должны искать *aims of art* цели искусства, а не само искусство; и в этом поиске мы можем оказаться в мире пустых и оголенных, в результате того, что мы заботимся об искусстве по крайней мере настолько сильно, что не станем терпеть его притворство.. .. .

В любом случае, я прошу вас подумать вместе со мной, что худшее, что может случиться с нами, - это смиренно переносить зло, которое мы видим; что никакие неприятности или потрясения не страшнее этого; что необходимое разрушение, которое влечет за собой восстановление, нужно воспринимать спокойно; что везде — в государстве, в Церкви, в семье — мы должны быть полны решимости не терпеть тирании, не принимать лжи, не трепетать перед страхом, хотя он может предстать перед нами под маской благочестия, долга или привязанности, под видом полезной возможности и добродушия, под видом благоразумия или доброты. Грубость, фальшь и несправедливость мира приведут к своим естественным последствиям, и мы и наши жизни являемся частью этих последствий; но поскольку мы также наследуем последствия старого сопротивления этим проклятиям, давайте каждый из нас постараемся получить свою справедливую долю этого наследия, которое, если из этого ничего другого не выйдет, по крайней мере, принесет нам мужество и надежду; то есть жажду жизни, пока мы живы, что является прежде всего целью Искусства.

ПОЛЕЗНАЯ РАБОТА ПРОТИВ БЕСПОЛЕЗНОГО ТРУДА.

Приведенное выше название может показаться некоторым моим читателям странным. В наши дни большинство людей считают, что любая работа полезна, а большинство состоятельных людей считают, что любая работа желательна. Большинство людей, состоятельных или нет, верят, что, даже когда человек выполняет работу, которая кажется бесполезной, он зарабатывает этим себе на жизнь — он “занят”, как говорится; и большинство состоятельных людей подбадривают счастливого работника поздравлениями и похвалами, если только он достаточно “трудолюбив” и лишает себя всех удовольствий и праздников ради священного дела труда. Короче говоря, в кредо современной морали вошло утверждение, что любой труд хорош сам по себе — удобное убеждение для тех, кто живет за счет труда других. Но что

касается тех, за счет кого они живут, я рекомендую им не принимать это на веру, а разобраться в этом вопросе немного глубже.

Допустим, во-первых, что раса человеческая должна либо трудиться, либо погибнуть. Природа не дает нам средства к существованию даром; мы должны добывать их тем или иным трудом. Давайте посмотрим, тогда, не дает ли она нам некоторую компенсацию за это принуждение к труду, поскольку, несомненно, в других вопросах она заботится о том, чтобы действия, необходимые для продолжения жизни индивида и расы, были не только терпимыми, но даже доставляли удовольствие.

Вы можете быть уверены, что она так и делает, что это в природе человека, когда он не болен, получать удовольствие от своей работы при определенных условиях. И все же мы должны сказать вопреки лицемерному восхвалению всякого труда, каким бы он ни был, о котором я упоминал, что есть труд, который настолько далек от того, чтобы быть благословением, что является проклятием; что было бы лучше для общества и для рабочего, если бы последний сложил руки и отказался работать, и либо умер, либо позволил нам отправить его в рабочий дом или тюрьму — как вам будет угодно.

Здесь, как вы видите, есть два вида работы — одна хорошая, другая плохая; одна недалеко от благословения, облегчения жизни; другая - просто проклятие, бремя жизни.

Тогда в чем разница между ними? Вот в чем: у одного есть надежда, у другого - нет. Мужественно выполнять один вид работы, и мужественно также отказываться выполнять другой.

Какова природа надежды, которая, когда она присутствует в работе, делает ее стоящей того, чтобы ее выполнять?

Я думаю, что это тройственно — надежда на отдых, надежда на результат, надежда на удовольствие от самой работы; и надежда на это также в некотором изобилии и хорошего качества; отдых, достаточный и достаточно хороший, чтобы его стоило иметь; продукт, достойный того, чтобы им обладал тот, кто не дурак и не аскет; удовольствие, достаточное для всех, чтобы мы осознавали это во время работы; не просто привычка, потерю которой мы почувствуем, как беспокойный человек чувствует потерю веревочки, за которую он теребит.

Я поставил надежду на покой на первое место, потому что это самая простая и естественная часть нашей надежды. Какое бы удовольствие ни было в какой-то работе, во всякой работе, безусловно, есть доля боли, звериной боли пробуждения нашей дремлющей энергии к действию, звериного страха перемен, когда у нас все довольно хорошо; и компенсацией за эту животную боль является животный отдых. Работая, мы должны чувствовать, что придет время, когда нам не придется работать. Также отдых, когда он наступает, должен быть достаточно долгим, чтобы позволить нам наслаждаться им; он должен быть дольше, чем просто необходимо нам для восстановления сил, которые мы потратили на работу, и это должен быть животный отдых еще и в том смысле, что его не должно нарушать беспокойство, иначе мы не сможем наслаждаться им. Если у нас будет такое количество и такой вид отдыха, мы пока будем жить не хуже зверей.

Что касается надежды на получение продукта, я уже говорил, что Природа заставляет нас работать ради этого. *Нам* остается позаботиться о том, чтобы мы *действительно* производили что-то, а не ничего, или, по крайней мере, ничего из того, что мы хотим или можем

использовать. Если мы обратимся к этому и воспользуемся своей волей, то пока что будем лучше машин.

Надежда на удовольствие от самой работы: какой странной эта надежда, должно быть, кажется некоторым моим читателям — большинству из них! И все же я думаю, что всем живым существам доставляет удовольствие упражнять свою энергию, и что даже звери радуются тому, что они гибкие, быстрые и сильные. Но человек за работой, создавая что-то, что, как он чувствует, будет существовать, потому что он работает над этим и желает этого, упражняет энергию своего ума и души, а также своего тела. Память и воображение помогают ему в работе. Не только его собственные мысли, но и мысли людей прошлых эпох направляют его руки; и, как часть человеческой расы, он творит. Если мы будем работать таким образом, мы станем мужчинами, и наши дни будут счастливыми и полными событий.

Таким образом, достойная работа несет с собой надежду на удовольствие от отдыха, надежду на удовольствие от использования того, что она создает, и надежду на удовольствие от нашего повседневного творческого мастерства.

Всякая другая работа, кроме этой, ничего не стоит; это работа рабов — простой труд ради жизни, чтобы мы могли жить, чтобы трудиться.

Поэтому, поскольку у нас есть, так сказать, пара весов, на которых можно взвесить работу, проделанную сейчас в мире, давайте воспользуемся ими. Давайте оценим ценность работы, которую мы выполняем после стольких тысячелетий тяжелого труда, стольких отложенных обещаний надежды, такого безграничного ликования по поводу прогресса цивилизации и завоевания свободы.

Итак, первое, что касается работы, выполняемой в цивилизации, и это легче всего заметить, - это то, что она распределена очень неравномерно между различными классами общества. Во-первых, есть люди — и их немало, — которые не работают и не притворяются, что делают что-либо. Далее, есть люди, и их очень много, которые работают довольно усердно, хотя и с обильными льготами и отпусками, заявленными и разрешенными; и, наконец, есть люди, которые работают так усердно, что, можно сказать, ничем другим, кроме работы, не занимаются, и соответственно называются “рабочими классами”, в отличие от средних классов и богатых, или аристократии, о которых я упоминал выше.

Ясно, что это неравенство тяжело давит на “рабочий” класс и должно явно иметь тенденцию разрушать их надежду по крайней мере на отдых, и, таким образом, в этом конкретном случае они оказываются в худшем положении, чем простые полевые животные; но это не итог и не конец нашей глупости превращать полезную работу в бесполезный труд, а только ее начало.

Во-первых, что касается класса богатых людей, которые не работают, то все мы знаем, что они много потребляют, в то время как ничего не производят. Следовательно, очевидно, что они должны содержаться за счет тех, кто работает, точно так же, как это делают бедняки, и являются простым бременем для общества. В наши дни есть много тех, кто научился видеть это, хотя они не могут дальше видеть пороки нашей нынешней системы и не имеют представления о какой-либо схеме избавления от этого бремени; хотя, возможно, у них есть смутная надежда, что изменения в системе голосования за членов Палаты общин могут, как по волшебству, привести в этом направлении. С такими надеждами или суевериями нам не нужно утруждать себя. Более того, этот класс, аристократия, когда-то считавшийся наиболее необходимым государству,

малочислен и теперь не имеет собственной власти, а зависит от поддержки следующего за ним класса — среднего класса. На самом деле, она действительно состоит либо из самых успешных людей этого класса, либо из их непосредственных потомков.

Что касается среднего класса, включая представителей торговли, производства и профессионалов нашего общества, то они, как правило, работают достаточно усердно, и поэтому на первый взгляд может показаться, что они помогают обществу, а не обременяют его. Но гораздо большая их часть, хотя и работает, не производит, и даже когда они производят, как в случае с теми, кто занят (действительно расточительно) распределением товаров, или врачами, или (настоящими) художниками и литераторами, они потребляют сверх всякой пропорции к причитающейся им доле. Коммерческие и производственные часть из них, наиболее мощная часть, тратит свою жизнь и энергию на борьбу между собой за соответствующую долю богатства, которую они *силой* подлинного работники, чтобы обеспечить для них; остальные же практически полностью прихлебателей из них; они не работают на публику, но привилегированному сословию: они являются паразитами собственности, иногда, как в случае с юристами, непосредственно-так; иногда, как врачи и другие вышеперечисленные, исповедуя, чтобы быть полезным, но слишком часто использовать "сохранить как" сторонники системы глупости, подтасовки и произвол которого они являются. И все они, как мы должны помнить, преследуют, как правило, одну цель: не производство коммунальных услуг, а завоевание положения для себя или своих детей, при котором им вообще не придется работать. Их честолюбие и цель всей их жизни - добиться, если не для себя, то, по крайней мере, для своих детей, гордого положения очевидного бремени для общества. О самой своей работе, несмотря на притворное достоинство, которым они ее окружают, им нет дела: за исключением нескольких энтузиастов, людей науки, искусства или литераторов, которые, если и не являются солью земли, то, по крайней мере (и о, какая жалость!), являются солью жалкой системы, рабами которой они являются, которая мешает им на каждом шагу и даже иногда развращает их.

Итак, вот еще один класс, на этот раз очень многочисленный и всемогущий, который производит очень мало и потребляет чрезвычайно, и поэтому в основном поддерживается, как и нищие, настоящими производителями. Класс, который остается рассматривать, производит все, что производится, и поддерживает как себя, так и другие классы, хотя и находится в положении неполноценности по отношению к ним; заметьте, настоящей неполноценности, предполагающей деградацию как разума, так и тела. Но неизбежным следствием этой тирании и безрассудства является то, что опять же многие из этих рабочих не являются производителями. Огромное количество из них снова являются просто паразитами на собственности, некоторые из них открыто являются таковыми, как солдаты на суше и на море, которых держат в пешем строю для увековечения национального соперничества и вражды, а также в целях национальной борьбы за долю продукта неоплачиваемого труда. Но помимо этого очевидного бремени для производителей и едва ли менее очевидного бремени для домашней прислуги, существует, во-первых, армия клерков, продавцов и так далее, которые заняты на службе частной войны за богатство, которая, как было сказано выше, является настоящим занятием зажиточного среднего класса. Это более многочисленная группа работников, чем можно было бы предположить, поскольку в нее входят, среди прочего, все те, кто занимается тем, что я бы назвал конкурентным умением продавать, или, если использовать менее достойное слово, раздуванием изделий, которое сейчас достигло такого уровня, что многие вещи продаются гораздо дороже, чем их производят.

Далее идет масса людей, занятых изготовлением всех тех предметов безумия и роскоши, спрос на которые является результатом существования богатых непроеизводящих классов; вещей, о которых люди, ведущие мужественную и неиспорченную жизнь, не просили бы и не мечтали. Эти вещи, кто бы ни возразил мне, я навсегда откажусь называть богатством: это не богатство, а расточительство. Богатство - это то, что дает нам Природа и что разумный человек может извлечь из даров Природы для своего разумного использования. Солнечный свет, свежий воздух, нетронутое лицо земли, необходимая и приличная пища, одежда и жилище; накопление знаний всех видов и способность их распространения; средства свободного общения между людьми; произведения искусства, красота, которую человек создает, когда он наиболее мужчина, наиболее устремленный и вдумчивый — все то, что служит удовольствию людей, свободных, мужественных и неиспорченных. Это и есть богатство. Я также не могу представить себе ничего стоящего, что не подпадало бы под ту или иную из этих категорий. Но подумайте, умоляю вас, о продуктах Англии, мастерской мира, и разве вы не будете сбиты с толку, как и я, при мысли о массе вещей, которых не пожелал бы ни один здравомыслящий человек, но которые производит — и продает - наш бесполезный труд?

Далее, есть еще более печальная отрасль, которая навязана многим, очень многим нашим рабочим — изготовление изделий, необходимых им и их собратьям, *потому что они относятся к низшему классу*. Ибо, если многие люди живут, не производя, более того, вынуждены вести жизнь настолько пустую и глупую, что они *заставляют* большую часть рабочих производить товары, которые никому не нужны, даже богатым, из этого следует, что большинство людей должно быть бедными; и, живя так, как они живут на заработную плату тех, кого они содержат, они не могут получить для своего использования *товары*, которые люди естественно желают, но должны мириться с жалкими приспособлениями для них, с грубой пищей, которая не насыщает, с гнилой одеждой, которая не дает укрытия, с убогими домами, которые вполне могут сделать городского жителя в эпоху цивилизации с сожалением оглядывайтесь на палатку кочевого племени или пещеру доисторического дикаря. Более того, рабочие должны даже приложить руку к великому промышленному изобретению века — фальсификации и с ее помощью производить для собственного использования подделки и пародии на роскошь богатых; ибо наемные работники всегда должны жить так, как им велят наемные плательщики, и сам их образ жизни *навязан* им их хозяевами.

Но пытаться выразить словами должное презрение к произведениям хваленной дешевизны нашей эпохи - пустая трата времени. Должно быть, достаточно сказать, что эта дешевизна необходима для системы эксплуатации, на которой зиждется современное производство. Другими словами, наше общество включает в себя огромную массу рабов, которых нужно кормить, одевать, содержать и развлекать как рабов, и что их повседневная необходимость вынуждает их производить рабские товары, использование которых является продолжением их рабства.

Итак, подводя итог относительно способа работы в цивилизованных государствах, можно сказать, что эти государства состоят из трех классов: класса, который даже не делает вид, что работает, класса, который делает вид, что работает, но ничего не производит, и класса, который работает, но вынужден двумя другими классами выполнять работу, которая часто непроеизводительна.

Следовательно, цивилизация растрчивает свои собственные ресурсы впустую и будет делать это до тех пор, пока существует нынешняя система. Это холодные слова, с помощью которых можно описать тиранию, от которой мы страдаем; тогда попытайтесь понять, что они означают.

В мире существует определенное количество природного материала и природных сил, а также определенное количество рабочей силы, присущей личностям людей, его населяющих. Люди, побуждаемые своими потребностями и желаниями, на протяжении многих тысяч лет трудились над тем, чтобы подчинить себе силы Природы и сделать природный материал полезным для себя. На наш взгляд, поскольку мы не можем заглянуть в будущее, эта борьба с Природой кажется близкой к завершению, а победа человеческого рода над ней - почти полной. И, оглядываясь назад, на то время, когда история только начиналась, мы отмечаем, что прогресс этой победы за последние двести лет был гораздо более быстрым и поразительным, чем когда-либо прежде. Следовательно, несомненно, мы, современные люди, должны быть во всех отношениях значительно богаче тех, кто жил до нас. Несомненно, мы должны, все до единого, быть богатыми, быть хорошо обеспеченными теми благами, которые принесла нам наша победа над Природой.

Но каков реальный факт? Кто осмелится отрицать, что огромная масса цивилизованных людей бедна? Они настолько бедны, что было бы просто ребячеством утруждать себя рассуждениями о том, могут ли они в каком-то смысле быть немного богаче своих предков. Они бедны; и их бедность не может быть измерена бедностью лишенного ресурсов дикаря, ибо он не знает ничего другого, кроме своей бедности; что ему холодно, голодно, бездомно, грязно, невежественно - все это для него так же естественно, как иметь кожу. Но для нас, для большинства из нас, цивилизация породила желания, которые она запрещает нам удовлетворять, и поэтому она не просто скупердяй, но и мучитель.

Таким образом, плоды нашей победы над Природой были украдены у нас, таким образом, принуждение Природы к труду в надежде на отдых, выгоду и удовольствие превратилось в принуждение человека к труду в надежде — жить для труда!

Что же нам тогда делать, можем ли мы это исправить?

Что ж, вспомним еще раз, что победы над Природой добились не наши далекие предки, а наши отцы, нет, сами мы. Для нас сидеть тогда безнадежными и беспомощными было бы поистине странной глупостью: быть уверенными, что мы можем это исправить. Что же тогда нужно сделать в первую очередь?

Мы видели, что современное общество разделено на два класса, один из которых имеет *привилегию* содержаться трудом другого, то есть он заставляет другого работать на себя и забирает у этого низшего класса все, что он *может* у него отнять, и использует отнятое таким образом богатство, чтобы сохранить за своими членами более высокое положение, сделать их существами более высокого порядка, чем другие: более долгоживущими, более красивыми, более почитаемыми, более утонченными, чем представители другого класса. Я не говорю, что оно заботится о том, чтобы его члены были положительно долгоживущими, красивыми или утонченными, но просто настаивает на том, что они должны быть такими по отношению к низшему классу. Поскольку он также не может справедливо использовать рабочую силу низшего класса для производства реального богатства, он растрчивает ее оптом на производство мусора.

Именно этот грабеж и расточительство со стороны меньшинства держит большинство в бедности; если бы можно было показать, что для сохранения общества необходимо смириться с этим, мало что можно было бы сказать по этому вопросу, за исключением того, что отчаяние угнетенного большинства, вероятно, в тот или иной момент разрушило бы Общество. Но, напротив, даже такими неполными экспериментами, например, как Кооперация (так называемая), было показано, что существование привилегированного класса ни в коем случае не необходимо для производства богатства, а скорее для “управления” производителями богатства или, другими словами, для поддержания привилегий.

Тогда первый шаг, который необходимо сделать, - это уничтожить класс людей, которым выпала привилегия уклоняться от своих мужских обязанностей, таким образом заставляя других выполнять работу, которую они отказываются выполнять. Все должны работать в соответствии со своими способностями и таким образом производить то, что они потребляют, то есть каждый человек должен работать так хорошо, как он может, для своего собственного пропитания, и его пропитание должно быть ему обеспечено; то есть все преимущества, которые общество обеспечило бы каждому из своих членов.

Так, наконец, было бы основано истинное общество. Оно покоилось бы на равенстве условий. Ни один человек не был бы подвергнут пыткам ради блага другого — более того, ни один человек не был бы подвергнут пыткам ради блага Общества. И действительно, обществом нельзя назвать тот порядок, который не поддерживается на благо каждого из его членов.

Но поскольку люди живут сейчас, как бы плохо они ни жили, когда так много людей вообще ничего не производят и когда столько труда тратится впустую, ясно, что в условиях, когда все произведенное и ни один труд не тратится впустую, каждый не только работал бы с определенной надеждой получить причитающуюся ему долю богатства своим трудом, но и не мог бы упустить причитающуюся ему долю отдыха. Итак, вот два из трех видов надежды, упомянутых выше как неотъемлемая часть достойной работы, гарантированной работнику. Когда классовый грабеж будет отменен, каждый человек будет пожинать плоды своего труда, у каждого человека будет должный отдых - то есть досуг. Некоторые социалисты могли бы сказать, что нам не нужно идти дальше этого; достаточно, чтобы рабочий получал полный результат своего труда и чтобы его отдых был обильным. Но хотя принуждение человека к тирании, таким образом, устранено, я все же требую компенсации за принуждение Природной необходимости. До тех пор, пока работа вызывает отвращение, она все равно будет бременем, которое нужно выполнять ежедневно, и даже это омрачило бы нашу жизнь, даже если бы часы труда были короткими. Что мы хотим сделать, так это приумножить наше богатство, не уменьшая при этом нашего удовольствия. Природа не будет окончательно покорена, пока наша работа не станет частью удовольствия нашей жизни.

Этот первый шаг по освобождению людей от принуждения к ненужному труду, по крайней мере, поставит нас на путь к этому счастливому концу; ибо тогда у нас будут время и возможности для его осуществления. При нынешнем положении дел, между растратой рабочей силы на простое безделье и ее растратой на непроизводительный труд, ясно, что мировая цивилизация поддерживается небольшой частью ее населения; когда все работали с пользой для ее поддержания, доля работы, которую приходилось бы выполнять каждому, была бы невелика, если бы наш уровень жизни был примерно таким, какой зажиточные и утонченные люди сейчас считают желательным. У нас будет в обрез рабочая сила, и, короче говоря, мы будем настолько

богаты, насколько захотим. Жить будет легко. Если бы мы проснулись однажды утром сейчас, при нашей нынешней системе, и обнаружили, что жить “легко”, эта система вынудила бы нас немедленно взяться за работу и усложнила бы жизнь; мы должны были бы назвать это “развитием наших ресурсов”, или каким-нибудь другим прекрасным названием. Умножение рабочей силы стало для нас необходимостью, и до тех пор, пока это продолжается, никакая изобретательность в изобретении машин не принесет нам никакой реальной пользы. Каждая новая машина будет причинять определенное количество страданий рабочим, чьей особой трудолюбивости она может помешать; многие из них превратятся из квалифицированных в неквалифицированных рабочих, а затем постепенно все войдет в свое русло, и все снова будет работать, по-видимому, гладко; и если бы все это не подготавливало революцию, для большей части людей все было бы так же, как до нового замечательного изобретения.

Но когда революция сделает жизнь “легкой”, когда все будут работать гармонично вместе и некому будет отнимать у рабочего его время, то есть его жизнь, в те грядущие дни нас не будут принуждать продолжать производить то, что нам не нужно, не будут принуждать нас трудиться даром; мы сможем спокойно и вдумчиво обдумать, что нам делать с нашим богатством рабочей силы. Теперь, со своей стороны, я думаю, что первое применение, которое мы должны сделать из этого богатства, из этой свободы, должно заключаться в том, чтобы сделать любой наш труд, даже самый обычный и необходимый, приятным для всех; ибо, тщательно обдумав этот вопрос, я вижу, что единственный путь, который, несомненно, сделает жизнь счастливой перед лицом всех случайностей и неприятностей, - это проявлять приятный интерес ко всем деталям жизни. И чтобы вы, возможно, не подумали, что утверждение слишком общепринято, чтобы его стоило делать, позвольте мне напомнить вам, насколько это запрещено современной цивилизацией; какими грязными и даже ужасными деталями она окружает жизнь бедных, какую механическую и пустую жизнь она навязывает богатым; и какой редкий праздник для любого из нас - чувствовать себя частью Природы и неторопливо, вдумчиво и радостно отмечать ход своей жизни среди всех мелких звеньев событий, которые связывают их с жизнями других и создают великое целое человечества.

Но таким праздником могла бы стать вся наша жизнь, если бы мы были полны решимости сделать весь наш труд разумным и приятным. Но мы должны быть действительно решительными, ибо никакие полумеры нам здесь не помогут. Уже говорилось, что наш нынешний безрадостный труд и наша жизнь, напуганная и тревожная, как жизнь загнанного зверя, навязаны нам нынешней системой производства ради прибыли привилегированных классов. Необходимо указать, что это означает. При нынешней системе заработной платы и капитала “фабрикант” (наиболее абсурдно называемый так, поскольку фабрикант означает человека, делающего своими руками), обладающий монополией на средства, с помощью которых способность к труду, присущая телу каждого человека, может быть использована для производства, является хозяином тех, кто не пользуется такими привилегиями; он, и только он, способен использовать эту рабочую силу, которая, с другой стороны, является единственным товаром, с помощью которого его “капитал”, то есть накопленный продукт прошлого труда, может быть сделан производительным для него. Следовательно, он покупает рабочую силу у тех, у кого нет капитала, и они могут жить, только продавая ее ему; его цель в этой сделке - увеличить свой капитал, заставить его размножиться. Ясно, что если бы он заплатил тем, с кем заключает сделку, полную стоимость их труда, то есть всего, что они произвели, он не достиг бы своей цели. Но поскольку он является монополистом средств производительного труда, он может *заставить* их заключить сделку, которая лучше для него и хуже для них самих; эта

сделка заключается в том, что после того, как они заработают себе на жизнь, оцениваемую в соответствии с достаточно высоким стандартом, обеспечивающим их мирное подчинение его власти, остальное (и, по сути, гораздо большая часть) того, что они производят, будет принадлежать ему, станет его *собственностью*, с которой он может делать все, что ему заблагорассудится, использовать или злоупотреблять по своему усмотрению; эта собственность, как мы все знаем, ревниво охраняется государством. армия и флот, полиция и тюрьмы; короче говоря, той огромной массой физической силы, которую суеверие, привычка, страх смерти от голода — Невежество, одним словом, неимущих масс позволяет имущим классам использовать для подчинения своих рабов.

Теперь, в другое время, могут быть выдвинуты другие претензии к этой системе. На что я хочу указать сейчас, так это на невозможность получения нами привлекательной рабочей силы при этой системе, и повторить, что именно этот грабёж (для него нет другого слова) растрчивает доступную рабочую силу цивилизованного мира, заставляя многих людей ничего не делать, а многих, очень многих других - не делать ничего полезного; и вынуждая тех, кто выполняет действительно полезный труд, к тяжелейшему переутомлению. Ибо поймите раз и навсегда, что "производитель" стремится в первую очередь производить с помощью труда, который он украл у других, не товары, а прибыль, то есть "богатство", которое производится сверх средств к существованию его рабочих и износа его оборудования. Является ли это "богатство" реальным или фиктивным, для него не имеет значения. Если оно продается и приносит ему "прибыль", все в порядке. Я уже говорил, что из-за того, что есть богатые люди, у которых денег больше, чем они могут потратить разумно, и которые, следовательно, покупают фиктивное богатство, на этой стороне есть расточительство; а также из-за того, что есть бедные люди, которые не могут позволить себе покупать стоящие вещи, на той стороне есть расточительство. Так что "спрос", который "удовлетворяет" капиталист, является ложным спросом. Рынок, на котором он продает, "сфальсифицирован" жалким неравенством, порожденным кражей системы капитала и заработной платы.

Следовательно, именно от этой системы мы должны решительно избавиться, если хотим достичь счастливой и полезной работы для всех. Первый шаг к тому, чтобы сделать труд привлекательным, — это передать средства, делающие труд плодотворным, капитал, включая землю, машины, фабрики и т. Д., В руки общества, который будет использоваться на благо всех в равной степени, чтобы мы все могли работать над "удовлетворением" реальных "потребностей" всех и каждого, то есть работать ради средств к существованию, вместо того, чтобы работать для удовлетворения спроса прибыльного рынка, вместо того, чтобы работать ради прибыли, то есть заставлять других людей работать против их воли.

Когда этот первый шаг будет сделан и люди начнут понимать, что Природа желает, чтобы все люди либо работали, либо голодали, и когда они больше не будут такими дураками, чтобы позволять некоторым выбирать альтернативу воровству, когда настанет этот счастливый день, мы будем освобождены от налога на расточительство и, следовательно, обнаружим, что у нас есть, как говорилось выше, масса доступной рабочей силы, которая позволит нам жить так, как нам заблагорассудится, в разумных пределах. Нас больше не будет подгонять страх голодной смерти, который в настоящее время давит на большую часть людей в цивилизованных сообществах не меньше, чем на простых дикарей. Первые и наиболее очевидные потребности будут так легко удовлетворены в обществе, в котором нет напрасной траты труда, что у нас будет время осмотреться и рассмотреть, чего мы действительно хотим, чего можно получить, не

перенапрягая наши силы; ибо часто выражаемый страх простой праздности, обрушивающийся на нас, когда сила, обеспечиваемая нынешней иерархией принуждения, будет устранена, - это страх, который порожден бременем чрезмерного и отталкивающего труда, который большинству из нас приходится нести в настоящее время.

Я еще раз говорю, что, по моему убеждению, первое, что мы сочтем настолько необходимым, что ради него стоит пожертвовать некоторым временем простоя, - это привлекательность труда. Для достижения этой цели не потребуются очень больших жертв, но некоторые *будут* необходимы. Ибо мы можем надеяться, что люди, которые только что прошли через период борьбы и революции, будут последними, кто долго мирится с жизнью простого утилитаризма, хотя невежественные люди иногда обвиняют социалистов в стремлении к такой жизни. С другой стороны, декоративная составляющая современной жизни уже прогнила насквозь и должна быть полностью уничтожена, прежде чем будет реализован новый порядок вещей. В этом нет ничего такого — из этого не могло бы получиться ничего такого, что могло бы удовлетворить чаяния людей, освободившихся от тирании коммерциализма.

Мы должны начать создавать декоративную часть жизни — ее удовольствия, телесные и умственные, научные и художественные, социальные и индивидуальные — на основе работы, выполняемой охотно и с радостью, с сознанием того, что этим приносим пользу себе и своим ближним. Такая абсолютно необходимая работа, которую нам пришлось бы выполнять, в первую очередь занимала бы лишь небольшую часть каждого дня и пока что не была бы обременительной; но это была бы задача, повторяющаяся ежедневно, и, следовательно, испортила бы удовольствие от нашего дня, если бы его не сделали хотя бы сносным, пока он длится. Другими словами, любой труд, даже самый обычный, должен быть сделан привлекательным.

Как это можно сделать? — это вопрос, ответ на который займет остальную часть этой статьи. Давая некоторые намеки по этому вопросу, я знаю, что, хотя все социалисты согласятся со многими сделанными предложениями, некоторые из них могут показаться некоторым странными и рискованными. Их следует рассматривать как данные без какого-либо намерения догматизировать и просто выражающие мое личное мнение.

Из всего уже сказанного следует, что труд, чтобы быть привлекательным, должен быть направлен на какую-то явно полезную цель, за исключением случаев, когда каждый индивид занимается им добровольно в качестве времяпрепровождения. На этот элемент очевидной полезности тем более следует рассчитывать при выполнении задач, которые в противном случае были бы утомительными, поскольку общественная мораль, ответственность человека за жизнь человека, при новом порядке вещей займет место теологической морали или ответственности человека перед какой-либо абстрактной идеей. Далее, рабочий день будет коротким. На этом не нужно настаивать. Понятно, что при неиспользованной работе она *может* быть короткой. Ясно также, что большая работа, которая сейчас является мучением, была бы легко переносима, если бы ее значительно сократили.

Разнообразие работы - это следующий момент, и самый важный. Заставлять человека изо дня в день выполнять одну и ту же задачу, без всякой надежды на побег или перемены, означает не что иное, как превратить его жизнь в тюремную пытку. Ничто, кроме тирании погони за прибылью, не делает это необходимым. Человек мог бы легко выучить и практиковать по крайней мере три ремесла, варьируя сидячий образ жизни занятиями на свежем воздухе,

требующими приложения сильной телесной энергии для работы, в которой уму было больше работы. Например, мало найдется людей, которые не пожелали бы потратить часть своей жизни на самую необходимую и приятную из всех работ — возделывание земли. Единственное, что сделает возможным такое разнообразие занятости, — это форма, которую примет образование в социально упорядоченном сообществе. В настоящее время все образование направлено на то, чтобы подготовить людей к тому, чтобы они заняли свое место в иерархии торговли — одни как хозяева, другие как рабочие. Образование мастеров носит более декоративный характер, чем образование рабочих, но оно по-прежнему носит коммерческий характер; и даже в древних университетах обучение мало ценилось, если только оно не могло в долгосрочной перспективе быть *платным*. Надлежащее образование — это совершенно иная вещь, и оно направлено на то, чтобы выяснить, для чего подходят разные люди, и помочь им на пути, по которому они склонны идти. Следовательно, в должным образом упорядоченном обществе молодых людей обучали бы таким ремеслам, к которым у них была бы очередь, как часть их образования, дисциплина их ума и тела; и взрослые также имели бы возможности учиться в тех же школах, поскольку образование было бы направлено главным образом на развитие индивидуальных способностей, а не, как сейчас, на подчинение всех способностей великой цели “зарабатывания денег” для себя — или для своего хозяина. Количество талантов и даже гениев, которые подавляет нынешняя система и которые были бы вытянуты такой системой, сделало бы нашу повседневную работу легкой и интересной.

Под этим разнообразием я отмечу один продукт промышленности, который так сильно пострадал от коммерциализма, что о нем едва ли можно сказать, что он существует, и, действительно, он настолько чужд нашей эпохе, что, боюсь, некоторым будет трудно понять то, что я должен сказать по этому вопросу, который, тем не менее, я должен сказать, поскольку он действительно чрезвычайно важен. Я имею в виду ту сторону искусства, которой занимается или должен заниматься обычный рабочий, пока он занят своей обычной работой, и которую вполне уместно назвать Народным искусством. Повторяю, этого искусства больше не существует, оно было убито коммерциализмом. Но с начала борьбы человека с природой и до возникновения нынешней капиталистической системы оно было живым и в целом процветало. Пока это продолжалось, все, что было создано человеком, было украшено человеком, точно так же, как все, созданное Природой, украшено ею. Мастер, создавая вещь, которая была у него под рукой, украшал ее так естественно и совершенно без сознательных усилий, что часто трудно отличить, где заканчивалась чисто утилитарная часть его работы и начинался орнамент. Источником этого искусства была потребность рабочего в разнообразии в своей работе, и хотя красота, создаваемая этим желанием, была великим подарком миру, все же получение разнообразия и удовольствия от работы рабочим было делом еще более важным, поскольку оно накладывало отпечаток удовольствия на любой труд. Все это теперь совершенно исчезло из работы цивилизации. Если вы хотите иметь украшение, вы должны специально платить за это, и рабочий вынужден производить украшение, как и другие изделия. Он вынужден притворяться счастливым в своей работе, так что красота, созданная руками человека, которая когда-то была утешением в его труде, теперь стала для него дополнительным бременем, а украшение — теперь всего лишь одно из безумств бесполезного труда и, возможно, не последнее из его оков.

Помимо кратковременности труда, его осознанной полезности и разнообразия, которое должно сопровождать его, есть еще одна вещь, необходимая для того, чтобы сделать его привлекательным, и это приятное окружение. Нищета и убожество, которые мы, люди цивилизации, переносим с таким самодовольством как необходимую часть производственной

системы, так же необходимы обществу в целом, как пропорциональное количество грязи было бы в доме частного богача. Если бы такой человек позволил разбрасывать золу по всей своей гостиной и устраивать уборные в каждом углу своей столовой, если бы он по привычке превращал в кучу пыли и отходов свой некогда прекрасный сад, никогда не стирал простыни и не менял скатерти и заставлял свою семью спать по пятеро в одной кровати, он наверняка оказался бы в когтях комиссии *de lunatico*. Но подобные акты скупой глупости - это как раз то, что наше нынешнее общество совершает ежедневно под давлением предполагаемой необходимости, что является не чем иным, как безумием. Я умоляю вас без дальнейших промедлений предъявить обвинение в безумии против цивилизации.

Ибо все наши перенаселенные города и приводящие в замешательство фабрики - это просто результат системы получения прибыли. Капиталистическая мануфактура, капиталистическое землевладение и капиталистический обмен загоняют людей в большие города, чтобы манипулировать ими в интересах капитала; та же тирания настолько сужает должное пространство фабрики, что (например) интерьер большого ткацкого цеха представляет собой зрелище почти столь же смешное, сколь и ужасное. Для всего этого нет никакой другой необходимости, кроме необходимости выжимать прибыль из человеческих жизней и производить дешевые товары для использования (и подчинения) рабов, которые трудятся. Вся рабочая сила еще не загнана на фабрики; часто там, где она есть, в ней нет необходимости, опять же, за исключением тирании прибыли. Людей, занятых всем этим трудом, ни в коем случае не нужно заставлять сколачивать свиней в тесных городских кварталах. Нет никаких причин, по которым они не могли бы заниматься своей профессией в тихих загородных домах, в промышленных колледжах, в маленьких городках или, короче говоря, там, где они считают свою жизнь наиболее счастливой.

Что касается той части труда, которая должна быть связана в больших масштабах, то сама эта фабричная система, при разумном порядке вещей (хотя, на мой взгляд, в ней все еще могут быть недостатки), по крайней мере, предоставила бы возможности для полноценной и энергичной социальной жизни, окруженной множеством удовольствий. Фабрики также могут быть центрами интеллектуальной деятельности, и работа на них вполне может быть очень разнообразной: обслуживание необходимого оборудования для каждого отдельного человека может составлять лишь короткую часть дневной работы. Другая работа может варьироваться от выращивания продуктов питания в окружающей стране до изучения и практики искусства и науки. Само собой разумеется, что люди, занятые такой работой и являющиеся хозяевами своей собственной жизни, не допустят, чтобы какая-либо спешка или недостаток предусмотрительности вынудили их терпеть грязь, беспорядок или нехватку места. Должным образом применяемая наука позволила бы им избавиться от мусора, свести к минимуму, если не полностью уничтожить, все неудобства, связанные в настоящее время с использованием сложных механизмов, такие как дым, вонь и шум; они также не потерпели бы, чтобы здания, в которых они работали или жили, были уродливыми пятнами на прекрасном лице земли. Начав с того, что сделали свои фабрики, здания и ангары приличными и удобными, как их дома, они безошибочно сделали бы их не только отрицательно хорошими, просто безобидными, но даже красивыми, так что великолепное искусство архитектуры, которое теперь на некоторое время погибло из-за коммерческой жадности, возродилось бы вновь и процветало.

Итак, вы видите, я утверждаю, что работа в должным образом организованном сообществе должна быть привлекательной благодаря сознанию полезности, тому, что она выполняется с

разумным интересом, благодаря разнообразию и тому, что она выполняется в приятной обстановке. Но я также утверждал, как и все мы, что рабочий день не должен быть утомительно долгим. Могут сказать: “Как вы можете согласовать это последнее утверждение с остальными? Если работа должна быть такой изысканной, не будет ли произведенный товар очень дорогим?”

Я признаю, как я уже говорил ранее, что для того, чтобы сделать труд привлекательным, потребуются определенные жертвы. Я имею в виду, что, если бы мы *могли* быть довольны в свободном сообществе тем, что работаем так же торопливо, грязно, беспорядочно, бессердечно, как мы работаем сейчас, мы могли бы сократить наш рабочий день намного больше, чем, я полагаю, мы сделаем, принимая во внимание все виды труда. Но если бы мы это сделали, это означало бы, что наша новообретенная свобода условий оставила бы нас вялыми и несчастными, если не встревоженными, как сейчас, что, на мой взгляд, просто невозможно. Мы должны быть довольны тем, что приносим жертвы, необходимые для повышения нашего положения до уровня, который считается желательным всем сообществом. И не только так. Мы, каждый в отдельности, должны стремиться пожертвовать совершенно свободно еще большей частью нашего времени и нашей непринужденности ради повышения уровня жизни. Люди, либо сами по себе, либо связанные с такими целями, могли бы свободно и из любви к своей работе и ее результатам, побуждаемые надеждой на удовольствие от созидания, производить те украшения жизни на благо всех, которые их сейчас подкупают производить (или притворяются, что производят) на благо нескольких богатых людей. Эксперимент с цивилизованным сообществом, живущим полностью без искусства или литературы, еще не был опробован. Прошлая деградация и разложение цивилизации могут навязать это отрицание удовольствия обществу, которое восстанет из пепла. Если это необходимо, мы примем уходящую фазу утилитаризма в качестве основы для искусства, которому суждено быть. Если калеки и умирающие от голода исчезнут с наших улиц, если земля будет одинаково питать всех нас, если солнце будет светить для всех нас одинаково, если всем нам великолепная драма земли — днем и ночью, летом и зимой — может быть представлена как вещь, которую нужно понимать и любить, мы можем позволить себе немного подождать, пока мы не очистимся от позора прошлой коррупции, и пока искусство снова не возникнет среди людей, освобожденных от ужаса раба и позора грабителя.

Между тем, в любом случае, утонченность, вдумчивость и обдуманность труда действительно должны оплачиваться, но не принуждением к многочасовому труду. Наша эпоха изобрела машины, которые показались бы дикими мечтами людям прошлых эпох, и этими машинами мы пока *еще не пользовались*.

Их называют “трудосберегающими” машинами - широко используемая фраза, которая подразумевает то, чего мы от них ожидаем; но мы не получаем того, чего ожидаем. Что они действительно делают, так это низводят квалифицированных рабочих до уровня неквалифицированных, увеличивают численность “резервной армии труда”, то есть повышают ненадежность жизни рабочих и интенсифицируют труд тех, кто обслуживает машины (как рабы своих хозяев). Все это они делают между прочим, в то время как они накапливают прибыли работодателей рабочей силы или заставляют их расходовать эти прибыли в ожесточенной коммерческой войне друг с другом. В настоящем обществе эти чудеса изобретательности впервые были бы использованы для сведения к минимуму количества времени, затрачиваемого на непривлекательный труд, который с их помощью можно было бы сократить настолько, чтобы он стал лишь очень легким бременем для каждого человека. Тем более что эти машины,

несомненно, были бы значительно усовершенствованы, когда вопрос больше не стоял бы о том, “окупит” ли их усовершенствование отдельного человека, а скорее о том, принесет ли это пользу обществу.

Вот и все об обычном использовании машин, которое, вероятно, через некоторое время было бы несколько ограничено, когда люди узнали бы, что нет необходимости беспокоиться о простом пропитании, и научились проявлять интерес и получать удовольствие от ручной работы, которую, если выполнять ее намеренно и вдумчиво, можно было бы сделать более привлекательной, чем машинный труд.

Опять же, когда люди, освобожденные от ежедневного ужаса голодной смерти, узнают, чего они на самом деле хотят, и их больше ничто не принуждает, кроме собственных потребностей, они откажутся производить пустяки, которые сейчас называются предметами роскоши, или яд и мусор, которые теперь называются дешевыми товарами. Никто не стал бы шить плюшевые бриджи, если бы их не носили лакеи, и никто не стал бы тратить свое время на приготовление олеомаргарина, если бы никто не был *вынужден* воздерживаться от употребления настоящего сливочного масла. Законы о фальсификации нужны только в обществе воров — и в таком обществе они являются мертвой буквой.

Социалистов часто спрашивают, как можно было бы выполнять более грубую и отталкивающую работу в новых условиях. Пытаться ответить на такие вопросы полностью или авторитетно было бы попыткой доказать невозможность построения схемы нового общества из материалов старого, прежде чем мы узнаем, какие из этих материалов исчезнут, а какие сохранятся в ходе эволюции, которая ведет нас к великим переменам. И все же нетрудно представить себе некий порядок, согласно которому те, кто выполнял самую черную работу, должны работать в течение самых коротких периодов. И опять же, сказанное выше о разнообразии работы особенно применимо здесь. Я еще раз говорю, что для человека быть всю свою жизнь безнадежно вовлеченным в выполнение одной отвратительной и нескончаемой задачи - это устройство, достаточно подходящее для ада, воображаемого теологами, но вряд ли подходящее для какой-либо другой формы общества. Наконец, если бы эта более тяжелая работа была какого-либо особого рода, мы можем предположить, что для ее выполнения были бы призваны специальные добровольцы, которые, несомненно, нашлись бы, если только люди в состоянии свободы не утратили бы искры мужественности, которыми они обладали, будучи рабами.

И все же, если есть какая-либо работа, которую нельзя сделать иначе, как отталкивающей, либо из-за краткости ее продолжительности, либо из-за непостоянства ее повторения, либо из-за чувства особой полезности (и, следовательно, чести) в сознании человека, который выполняет ее свободно, — если есть какая-либо работа, которая не может быть ничем иным, как мучением для работника, что тогда? Что ж, тогда давайте посмотрим, обрушатся ли на нас небеса, если мы оставим это незавершенным, ибо было бы лучше, если бы они это сделали. Результат такой работы не может стоить того, за что ее заплатили.

Теперь мы увидели, что полубогословская догма о том, что любой труд, при любых обстоятельствах, является благословением для работника, лицемерна и ложна; что, с другой стороны, труд хорош, когда его сопровождает надлежащая надежда на отдых и удовольствие. Мы взвесили работу цивилизации на весах и пришли к выводу, что она недостаточна, поскольку в ней по большей части отсутствует надежда, и поэтому мы видим, что цивилизация породила страшное проклятие для людей. Но мы видели также, что работа мира могла бы вестись с

надеждой и удовольствием, если бы она не была растрочена впустую из-за глупости и тирании, из-за постоянной борьбы противоположных классов.

Следовательно, именно Мир нам нужен для того, чтобы мы могли жить и работать с надеждой и удовольствием. Мир, столь желанный, если мы можем доверять словам людей, но который так постоянно и неуклонно отвергался ими на деле. Но что касается нас, давайте вложим в это все наши сердца и завоюем это любой ценой.

Какой может быть цена, кто может сказать? Удастся ли завоевать мир мирным путем? Увы, как это возможно? Мы настолько окружены неправдой и безрассудством, что так или иначе всегда должны бороться с ними: в нашей собственной жизни борьбе может не быть конца, возможно, нет очевидной надежды на конец. Возможно, лучшее, что мы можем надеяться увидеть, - это то, что борьба становится все острее и ожесточеннее день ото дня, пока, наконец, она не выльется открыто в массовое убийство людей в ходе настоящей войны, а не более медленными и жестокими методами “мирной” торговли. Если мы доживем до этого, мы доживем до того, чтобы увидеть многое; ибо это будет означать, что богатые классы осознают собственную неправоту и грабеж и сознательно защищают их открытым насилием; и тогда конец будет приближаться.

Но в любом случае, какой бы ни была природа нашей борьбы за мир, если мы только будем стремиться к нему неуклонно и от всего сердца и всегда будем держать его в поле зрения, отражение этого будущего мира осветит суматоху и тревоги в нашей жизни, будут ли они кажущимися мелкими или явно трагичными; и мы, по крайней мере, в наших надеждах, будем жить жизнью людей: и настоящее время не может дать нам большей награды, чем это.

РАССВЕТ НОВОЙ ЭПОХИ.

Возможно, некоторым из моих читателей может показаться, что вышеприведенное название неверно: можно сказать, что всегда зарождается новая эпоха, всегда происходят перемены, и это происходит так постепенно, что мы не знаем, когда переходим из старой эпохи в новую. Есть правда в том, что, по крайней мере, до такой степени, что ни одна эпоха не может увидеть саму себя: мы должны отойти на некоторое расстояние, прежде чем запутанная картина с ее неровной поверхностью сможет сложиться в должный порядок и показаться чем-то, имеющим определенную цель, пронизанную всеми ее деталями. Тем не менее, когда мы оглядываемся на историю, мы действительно выделяем периоды с течением времени, которые не являются просто произвольными, мы отмечаем ранний рост идей, которые должны сформировать новый порядок вещей, мы отмечаем их развитие в переходный период, и, наконец, нам открывается новая эпоха, несущая в своем полном развитии, невидимом пока, семена еще более нового порядка, который, в свою очередь, преобразует его во что-то другое.

Более того, бывают периоды, когда даже те, кто живет в них, начинают более или менее осознавать постоянно происходящие перемены; старые идеи, которые когда-то так волновали воображение людей, теперь перестают волновать их, хотя их можно воспринимать как скучные и необходимые банальности; материальные обстоятельства жизни человека, с которыми когда-то боролись лишь в деталях и только в соответствии с неким законом, проявляющимся в их работе, в такие времена осознают перемены и принимаются с протестом только до тех пор, пока не будут найдены какие-либо средства изменить их. Старый и умирающий порядок, некогда безмолвный и всемогущий, пытается бурно выразить себя и становится одновременно шумным

и слабым. Зарождающийся орден, когда-то слишком слабый, чтобы осознавать потребность в самовыражении или быть способным на это, если бы это было так, теперь становится сознательным и обретает голос. Тихий сок прожитых лет откладывается для открытого штурма; люди собираются с оружием в руках в окопах, и безнадежная надежда готова, они больше не играют с маленькими утешениями во время утомительного ожидания, но с нетерпением ждут простой смерти или радости победы.

Теперь я думаю, и некоторые из читающих это согласятся со мной, что сейчас мы живем в одно из таких времен сознательных перемен; мы не только живем, но и чувствуем, что живем между старым и новым; мы ожидаем, что что-то произойдет, как говорится: в такие моменты нам надлежит понять, что такое старое, которое умирает, что такое новое, которое зарождается? Этот вопрос практически важен для всех нас, поскольку эти периоды сознательных изменений также, так или иначе, являются периодами серьезной борьбы, и каждый из нас, если он не обратит на это внимания и не научится понимать, что происходит, может обнаружить, что сражается не на той стороне, на стороне, которой он на самом деле не симпатизирует.

В какую битву мы сейчас вступаем — с кем в ней предстоит сражаться? Абсолютизм и демократия, возможно, кто-то ответит. Я думаю, не совсем; это соперничество было практически исчерпано великой Французской революцией; сейчас тлеют только ее угли; по крайней мере, так обстоит дело в странах, которые не запоздали, как, например, Россия. Демократия, или, по крайней мере, то, что раньше считалось демократией, теперь торжествует; и хотя это правда, что есть страны, где свобода слова подавляется помимо России, как, например, Германия и Ирландия, [176] это происходит только тогда, когда правители торжествующей демократии начинают бояться нового порядка вещей, который теперь осознает себя и готов к новым действиям. как следствие, быть втянутым в реакцию. Нет, теперь врагами являются не абсолютизм и демократия, как Французская революция понимала эти два слова: проблема глубже, чем была; теперь двумя врагами являются Господство и Товарищество. Это гораздо более серьезная ссора, чем предыдущая, и влечет за собой гораздо более полную революцию. Причины конфликта на самом деле совершенно иные. Демократия говорила и продолжает говорить: люди не должны быть хозяевами других, потому что наследственные привилегии сделали расу или семью такими, и так случилось, что они принадлежат к такой расе; они должны индивидуально стать хозяевами других путем развития определенных качеств в рамках системы власти, которая искусственно защищает богатство каждого человека, если он приобрел его в соответствии с этой искусственной системой, от вмешательства любого другого или от всех остальных, вместе взятых.

Новый порядок вещей, напротив, говорит о том, зачем вообще нужны хозяева? давайте будем *товарищами*, работающими в гармонии объединения ради общего блага, то есть ради величайшего счастья и наиболее полного развития каждого человека в сообществе.

Этот идеал и надежда на новое общество, основанное на промышленном мире и предусмотрительности, несущее с собой собственную этику, нацеленное на новую и более возвышенную жизнь для всех людей, получили общее название социализма, и я твердо убежден, что ему суждено вытеснить старый порядок вещей, основанный на промышленной войне, и стать следующим шагом в прогрессе человечества.

Теперь, поскольку я должен подробнее объяснить, каковы цели социализма, идеала новой эпохи, я считаю, что должен начать с объяснения вам, какова конституция старого порядка,

которую ему суждено вытеснить. Если я смогу разъяснить вам это, я также разъясню вам первую цель социализма: ибо я сказал, что нынешний и приходящий в упадок порядок вещей, как и те, что были до него, должен поддерживаться системой искусственного авторитета; когда этот искусственный авторитет будет сметен, гармоничное объединение будет ощущаться всеми людьми как необходимость их счастливого и безукоризненного существования на земле, и социализм станет условием, при котором мы все будем жить, и он будет развиваться естественным образом и, вероятно, без насильственных конфликтов, какая бы подробная система ни была необходима. : Я говорю, что борьба будет вестись не из-за этих деталей, которые, несомненно, будут варьироваться в зависимости от различий в неизменном природном окружении, а из-за вопроса, будет ли это мастерство или товарищество?

Давайте посмотрим, в каком состоянии находится общество при последнем развитии господства, торговой системе, пришедшей на смену феодальной системе.

Подобно всем другим системам общества, она основана на необходимости того, чтобы человек добывал средства к существованию у Природы трудом, а также, подобно большинству других систем, о которых мы знаем, она предполагает неравное распределение труда между различными классами общества и неравное распределение результатов этого труда: в этом отношении она не отличается от системы, которую она заменила; она лишь изменила метод, посредством которого должно быть организовано это неравное распределение. Среди нас все еще есть богатые и бедные люди, как это было в Средние века; более того, нет никаких сомнений в том, что, по крайней мере относительно суммы существующего богатства, богатые сейчас богаче, а бедные беднее, чем они были тогда. Как бы то ни было, в любом случае сейчас, как и тогда, есть люди, у которых много работы и мало богатства, живущие рядом с другими людьми, у которых много богатства и мало работы. Самые богатые по-прежнему остаются самыми праздными, а те, кто работает больше всех и выполняет самые болезненные задачи, получают худшее вознаграждение за свой труд.

Мне и, надеюсь, моим читателям, это кажется крайне несправедливым; и здесь я могу напомнить вам, что мир всегда ощущал свою несправедливость. Столетие за столетием, в то время как общество усиленно поддерживало эту несправедливость насильственно и искусственно, оно исповедовало веру в философии, этические кодексы и религии, которые насаждали справедливость и честные отношения между людьми: более того, некоторые из них зашли так далеко, что заставляли нас нести бремя друг друга и ставили перед людьми обязанность и, в конечном счете, удовольствие от того, что сильный работает на слабых, мудрый - на глупых, помогающий - на беспомощных; и все же эти моральные принципы отвергались на практике так же упорно, как и все остальные. они проповедовались теоретически; и это естественно, поскольку они нападают на самую основу классового общества. Я как социалист обязан проповедовать их вам еще раз, заверяя вас, что это не просто глупые мечты, призывающие нас делать то, что мы сейчас должны признать невозможным, но разумные правила действий, полезные для нашей защиты от тирании Природы. Как бы то ни было, перед честными людьми стоит выбор: либо применить эти теории на практике, либо вообще отвергнуть их. Если они захотят столкнуться с этой дилеммой, я думаю, что скоро у нас будет новый мир; однако я боюсь, что им будет трудно это сделать: теория устарела, и мы привыкли к ней и к ее форме формулировок; практика нова и предполагает ответственность, о которой мы еще не задумывались.

Итак, огромное различие между нашей нынешней системой и системой феодального периода состоит в том, что в том, что касается условий жизни, отменяются все различия между классами, за исключением различий между богатыми и бедными: общество, таким образом, упрощается; произвольное различие исчезает, реальное остается и гораздо более строгое, чем было произвольное. Когда-то все общество было грубым, реальной разницы между джентльменом и не джентльменом было мало, и вам приходилось одевать их по-разному, чтобы отличить друг от друга. Но теперь зажиточный человек - это утонченное и культурное существо, в полной мере наслаждающееся своей долей завоевания Природы, достигнутого современным миром, в то время как бедняк груб и деградировал и не имеет доли в богатстве, отвоеванном современной наукой у Природы: в материальном отношении он, конечно, не лучше средневекового крепостного, возможно, он хуже: на мой взгляд, он по крайней мере хуже дикаря, живущего в хорошем климате.

Я не думаю, что какой-либо мыслящий человек всерьез отрицает это: давайте попытаемся увидеть, что к этому приводит; давайте увидим это так же ясно, как мы все видим, что наследственные привилегии благородной касты и последующее крепостное рабство рабочих средневековья привели к возникновению особых условий того периода.

Общество в настоящее время разделено на два класса: те, кто монополизирует все средства производства богатства, кроме одного; и те, кто не обладает ничем, кроме этого одного - Рабочей силы. Эта рабочая сила бесполезна для ее обладателей и не может быть использована без помощи других средств производства; но те, у кого нет ничего, кроме рабочей силы, то есть у кого нет средств заставить других работать на себя, должны работать на себя, чтобы жить; и поэтому они должны обращаться к владельцам средств плодотворного труда, то есть земли, машин и т. Д., За разрешением работать, чтобы они могли жить. Имущий класс (так для краткости мы будем их называть) вполне готов предоставить это разрешение, и действительно, они должны предоставить его, если они хотят использовать рабочую силу неимущего класса в своих собственных интересах, что является их особой привилегией. Но эта привилегия позволяет *импринуждать* неимущий класс продавать им свою рабочую силу на условиях, которые обеспечивают сохранение их монополии. Эти термины с самого начала очень просты. Класс собственников, или хозяева, выделяют мужчинам ровно столько богатства, произведенного их трудом, сколько обеспечит им средства к существованию, которые считаются необходимыми в то время, и позволит им производить потомство и воспитывать детей до трудоспособного возраста: это простое условие "сделки", которая заключается, когда требуется рабочая сила низкого качества, так называемый неквалифицированный труд, и когда рабочие слишком слабы или невежественны, чтобы объединиться, чтобы угрожать хозяевам той или иной формой восстания. Когда требуется квалифицированная рабочая сила, и, следовательно, производство рабочего обходится дороже, и его реже можно найти, цена изделия выше: также и тогда, когда товарная рабочая сила начинает думать и вспоминать, что, в конце концов, это тоже люди, и, как говорилось выше, создает угрозы хозяевам; в этом случае они, со своей стороны, обычно считают разумным уступить, когда конкуренция на рынке позволяет им это сделать, и таким образом уровень жизни рабочих повышается.

Но, говоря откровенно, большая часть рабочих, несмотря на забастовки и профсоюзы, действительно получает немногим больше прожиточного минимума, и когда они заболевают или стареют, они бы сразу умерли, если бы не убежище, предоставляемое им работным домом,

который намеренно сделан как можно более похожим на тюрьму и убогим, чтобы помешать низкооплачиваемым рабочим найти в нем убежище до своей *производственной* смерти.

Теперь возникает вопрос о том, как хозяева могут заставить людей продавать свой товар рабочую силу так дешево, не обращаясь с ними так, как древние обращались со своими рабами, то есть с кнутом. Ну, вы, конечно, понимаете, что хозяин, заплативший своим рабочим столько, на сколько они могут прожить, и оплативший износ машин и другие расходы такого рода, имеет на свою долю все, что остается сверх того, *все это он получает от использования рабочей силы, которой обладает рабочий*: следовательно, он стремится максимально использовать эту привилегию и изо всех сил конкурирует на рынке со своими товарищами-производителями, так что распределение товаров организовано на основе азартных игр, и, как следствие, при оживленной торговле требуется гораздо больше рабочих рук, чем обычно. когда она слабеет или даже находится в обычном состоянии: также под влиянием жажды приобретения этой прибавочной стоимости труда были изобретены великие машины нашей эпохи, которые ежегодно совершенствуются, и они воздействуют на рабочую силу тройным образом: во-первых, они избавляют от большого количества рабочих рук; во-вторых, они снижают качество требуемого труда, так что квалифицированная работа требуется все меньше и меньше; в-третьих, их усовершенствование заставляет рабочих работать усерднее во время работы, как это особенно заметно в хлопкопрядильной промышленности. Кроме того, в большинстве профессий заняты женщины и дети, которым даже не полагается прожиточный минимум. В силу всех этих причин резервная армия рабочей силы, необходимая нашей нынешней системе производства для рынка азартных игр, внедрение трудосберегающих машин (труд сохраняется для хозяина, заметьте, а не для мужчины) и интенсификация труда, пока он длится, использование вспомогательного труда женщин и детей: в силу всего этого даже в обычные годы, а не только в особенно плохие годы, подобные нынешнему, ^[184] работников больше, чем для них есть работы. Следовательно, рабочие недооценивают друг друга при продаже своего единственного товара, рабочей силы, и вынуждены это делать, иначе им не разрешили бы работать, и, следовательно, им пришлось бы голодать или отправиться в тюрьму, называемую рабочим домом. Вот почему хозяева в наши дни могут обойтись без явного насилия, которое в прошлые времена они применяли по отношению к своим рабам.

Итак, это первое различие между двумя великими классами современного общества: высший класс обладает богатством, низший лишен богатства; но есть и другое различие, на которое я сейчас обращаю ваше внимание: класс, которому не хватает богатства, - это класс, который его производит, класс, который им обладает, не производит его, он только потребляет. Если бы по какой-либо случайности так называемый низший класс погиб или покинул общину, производство богатства остановилось бы до тех пор, пока владельцы богатства не научились бы производить, пока они не спустились со своего положения и не заняли место своих бывших рабов. Если бы, напротив, владельцы богатства исчезли, производство богатства в худшем случае было бы затруднено лишь на некоторое время и, вероятно, продолжалось бы примерно так же, как сейчас.

Но вы можете сказать, что, хотя несомненно, что некоторые владельцы богатства, такие как землевладельцы, держатели фондов и тому подобное, ничего не делают, все же многие из них усердно работают. Что ж, это правда, и, возможно, ничто так ясно не показывает крайнюю глупость нынешней системы, как тот факт, что в ней занято так много способных и

трудолюбивых людей, которые усердно работают ни над чем: ни над чем или еще хуже. Они работают, но не производят.

Это правда, что некоторые полезные занятия находятся в руках привилегированных классов, медицина, образование и изящные искусства, *например*, люди, работающие на этих занятиях, безусловно, работают с пользой; и все, что мы можем сказать против них, это то, что им иногда платят слишком высоко пропорционально зарплате других полезных людей, и эта высокая плата назначается им в знак признания того, что они паразиты имущих классов. Но даже с точки зрения численности это не очень большая часть обладателей богатства, а что касается богатства, которым они владеют, то оно совершенно незначительно по сравнению с тем, которым владеют те, кто ничего полезного не делает.

Некоторые из этих последних, как мы все согласны, не притворяются, что делают что-либо, кроме как развлекаются, и, вероятно, это наименее вредные из бесполезных занятий. Кроме того, есть другие, которые занимаются профессиями, которым не нашлось бы места в разумном состоянии общества, как, например, адвокаты, судьи, тюремщики, солдаты высших рангов и большинство государственных чиновников. Наконец, идет гораздо большая группа тех, кто занимается азартными играми или борется за свою личную долю дани, которую их класс вынуждает рабочий класс платить ему: это группа, которую в широком смысле называют бизнесменами, проводниками нашей коммерции, если вам угодно называть их так.

Извлечение значительной доли этой дани и сохранение как можно большей ее части, когда она добывается, для себя, является главным делом жизни для этих людей, то есть для большинства состоятельных и богатых людей; это называется, довольно неточно, “зарабатыванием денег”; и те, кто наиболее преуспел в этом занятии, несмотря на все лицемерные заявления об обратном, являются наиболее уважаемыми людьми в обществе.

Пару слов о дани, взимаемой с рабочих, как было сказано выше. Это не мелочь, а составляет по меньшей мере две трети всего, что производит рабочий; но вы должны понимать, что все это забирается непосредственно у рабочего не его непосредственным работодателем, а классом работодателей. Помимо дани или прибыли непосредственного работодателя, которая во всех случаях является максимальной, которую он может получить в условиях своей конкуренции или войны с другими работодателями, рабочий также должен платить налоги в различных формах, и большая часть вымогаемого таким образом богатства в лучшем случае просто растрачивается впустую: и помните, кто бы *никался* платящим налоги, рабочая сила в долгосрочной перспективе является единственным реальным налогоплательщиком. Затем ему приходится платить арендную плату за дом, причем гораздо большую арендную плату пропорционально его заработку, чем у состоятельных людей. Он также должен платить комиссионные посредникам, которые распространяют товары, произведенные им, таким расточительным способом, что сейчас все мыслящие люди протестуют против этого, хотя они совершенно беспомощны против этого в нашем нынешнем обществе. Наконец, ему часто приходится платить дополнительный налог в виде взноса в благотворительное общество или профсоюз, который на самом деле является налогом на ненадежность его занятости, вызванную азартными играми его хозяев на рынке. Короче говоря, помимо прибыли или результата неоплаченного труда, который он отдает своему непосредственному хозяину, он должен возвращать значительную часть своей заработной платы классу, к которому принадлежит его хозяин.

Привилегия имущего класса, следовательно, состоит в том, что они живут за счет этой дани, сами они либо не работают, либо работают непроизводительно, то есть живут за счет труда других; не иначе, как в древности хозяин жил за счет труда своего раба или как барон жил за счет труда своего крепостного. Если капитал богатого человека состоит из земли, он может заставить арендатора улучшить для него его землю и платить ему дань в виде арендной платы; и в конце сделки он снова получает свою землю, в целом улучшенную, так что он может начать все сначала и продолжать вечно, он и его наследники, ничего не делающие, вечно являющиеся простым бременем для общества, в то время как другие работают на него. Если у него есть дома на своей земле, он также получает за них арендную плату, часто получая стоимость здания во много раз больше, и в конце концов дом и земля возвращаются обратно. Нередко участок бесплодной земли или болото, ничего не стоящие сами по себе, становятся для него источником огромного состояния в результате развития города или района, и он прикарманивает результаты труда тысяч и тысяч людей и называет это своей собственностью; или оказывается, что земля под поверхностью богата углем или минералами, и снова ему приходится платить огромные суммы за то, что он позволяет другим перерабатывать их в товар, в который он ничего не вносит.

Или, опять же, если его капитал состоит из наличных денег, он выходит на рынок труда и покупает рабочую силу мужчин, женщин и детей и использует ее для производства товаров, которые принесут ему прибыль, покупая ее, конечно, по самой низкой цене, какую только может, пользуясь их потребностями, чтобы поддерживать их средства к существованию на самом низком уровне, который они смогут выдержать: что он действительно *должен* делать, иначе он сам потерпит поражение в войне со своими товарищами-капиталистами. Также и в этом случае он не выполняет никакой полезной работы, и ему не нужно делать никакого подобия этого, поскольку он может купить мозговую силу менеджеров по несколько более высокой цене, чем он покупает силу рук обычного рабочего. Но даже когда кажется, что он что-то делает и получает напыщенный титул “организатора труда”, на самом деле он организует не *труд*, а битву со своими непосредственными врагами, другими капиталистами, которые занимаются тем же бизнесом, что и он сам.

Более того, хотя верно, как я уже сказал, что рабочий класс является единственными производителями, все же лишь части из них позволено производить с пользой; ибо люди непроизводительных классов, обладающие часто гораздо большим богатством, чем они могут *использовать*, вынуждены *растрачивать* его на простую роскошь и безрассудства, которые, с одной стороны, наносят вред самим себе, а с другой - отвлекают очень большую часть рабочих от полезной работы, тем самым вынуждая тех, кто производит с пользой, работать усерднее и тяжелее: короче говоря, существенным сопровождением системы является расточительство.

Как могло быть иначе, если это система войны? Я случайно упомянул, что все работодатели находятся в состоянии войны друг с другом, и вы, вероятно, увидите, что, согласно моему описанию отношений между двумя великими классами, они тоже находятся в состоянии войны. Каждый может только выиграть за счет других: класс предпринимателей вынужден максимально использовать свои привилегии, обладание средствами для осуществления труда, и все, что он получает для себя, может быть получено только за счет рабочего класса; а этот класс, в свою очередь, может повысить свой жизненный уровень только за счет класса

собственников; он *вынужден* платить ему как можно меньше дани; поэтому между этими двумя классами всегда идет постоянная война, осознают они это или нет.

Резюмируя: в нашем современном обществе есть два класса, полезный и бесполезный класс; бесполезный класс называется высшим, полезный - низшим. Бесполезный, или высший класс, обладающий монополией на все средства производства богатства, за исключением рабочей силы, может заставлять и заставляет полезный, или низший, класс работать в ущерб себе и в пользу высшего класса; последний также не позволит полезному классу работать на каких-либо других условиях. Такое устройство неизбежно означает растущее соперничество, сначала классов друг против друга, а затем индивидов каждого класса между собой.

Большинство мыслящих людей признают истинность того, что я только что заявил, но многие из них верят, что система, хотя и очевидно несправедливая и расточительная, необходима (хотя, возможно, они не могут обосновать свою веру), и поэтому они не видят в ней ничего, кроме смягчения худших пороков системы: но, поскольку различные паллиативы, модные в то или иное время, в свою очередь, потерпели неудачу, я призываю их, во-первых, подумать, нельзя ли изменить саму систему, и, во-вторых, осмотреться и отметить признаки приближающихся перемен.

Давайте сначала вспомним, что даже дикари живут, хотя у них плохие инструменты, нет машин и нет сотрудничества в своей работе: но как только человек начинает использовать хорошие инструменты и работать с каким-либо сотрудничеством, он становится способным производить более чем достаточно для удовлетворения своих насущных потребностей, на этом факте основано все индустриальное общество, даже с тех времен, когда рабочие были простыми рабами. Какое же тогда странное у нас общество, в котором, в то время как одни люди не могут использовать свое богатство, у них его так много, но они вынуждены тратить его впустую, другие люди едва ли, если вообще могут, лучше тех несчастных дикарей, у которых нет ни инструментов, ни сотрудничества! Конечно, если это не может быть исправлено, цивилизованное человечество должно записать себя в цивилизованные дураки.

Вот рабочий сейчас, полностью организованный для производства, работающий на производство в полном сотрудничестве и с помощью чудесных машин; несомненно, если раб во времена Аристотеля мог делать больше, чем просто поддерживать свою жизнь, то нынешний рабочий может сделать гораздо больше - и мы все очень хорошо знаем, что он может. Почему же тогда он должен быть не в комфортных условиях? Просто из-за классовой системы, которая одной рукой грабит, а другой растрчивает богатство, нажитое трудом рабочего. Если бы рабочий получал все результаты своего труда, он во всех случаях был бы обеспечен, если бы работал без потерь. Но для того, чтобы работать без потерь, он должен работать ради собственного пропитания, а не для того, чтобы дать возможность другому человеку жить, не производя: если ему приходится содержать в праздности другого человека, способного работать на себя, с ним обращаются несправедливо; и, поверьте мне, он будет делать это только до тех пор, пока его заставляют подчиняться невежеству и грубая сила. Что ж, тогда он имеет право претендовать на богатство, произведенное его трудом, и, следовательно, настаивать на том, чтобы производить все, кто способен это делать; но также несомненно, что его труд должен быть организован, иначе он вскоре обнаружит, что возвращается в состояние дикаря. Но для того, чтобы его труд был организован должным образом, у него должен быть только один враг, с которым нужно бороться, а именно Природа, которая как бы подстрекает его

к борьбе с самой собой и благодарна ему за то, что он победил ее; друг в обличье врага. Не должно быть никакого соперничества человека с человеком, вместо этого должно быть *объединение*; только так труд может быть действительно организован, гармонично организован. Но гармония не может сосуществовать с борьбой за личную выгоду: люди должны работать на общую выгоду, если мы хотим избавить мир от его нынешних страданий; следовательно, это требование работника (то есть каждого способного человека) должно быть подчинено тому факту, что он всего лишь часть гармоничного целого: он ничего не стоит без сотрудничества своих братьев, которые помогают ему в меру своих способностей: он должен чувствовать и будет чувствовать, когда у него все в порядке с чувствами, что он работает в своих собственных интересах, когда он работает на благо общества.

Итак, работая, его работа всегда должна приносить прибыль, поэтому на пути его работы не должно быть никаких препятствий: средства, с помощью которых он может использовать свою рабочую силу, должны быть свободны для него. Привилегиям класса собственников должен прийти конец. Помните, что в настоящее время обычай таков, что столь привилегированное лицо находится в положении человека (с полицейским или кем-то в помощь), охраняющего ворота поля, которое обеспечит средствами к существованию всех, кто может на нем работать: толпы людей, которые не хотят умирать, приходят к этим воротам; но там стоят закон и порядок и говорят: “Заплати мне пять шиллингов, прежде чем войдешь”; и тот или та, у кого нет пяти шиллингов, должен остаться снаружи и умереть — или жить в рабочем доме. Что ж, с этим нужно покончить; поле должно быть бесплатным для всех, кто может им пользоваться. Отбросив даже эту прозрачную метафору, те средства производства труда, земля, машины, капитал, средства передвижения и т. Д., Которые сейчас монополизированы теми, кто не может ими пользоваться, но кто злоупотребляет ими, чтобы вытягивать неоплачиваемый труд из других, должны быть бесплатными для тех, кто может ими пользоваться; то есть для рабочих, должным образом организованных для производства; но вы должны помнить, что это никому не причинит вреда, потому что, поскольку все будут оказывать некоторую услугу обществу, то есть, поскольку не будет непродуцирующего класса, организованные рабочие будут всем сообществом, не будет никто не остался в стороне.

Таким образом, общество будет преобразовано, и труд будет свободен от всякого принуждения, за исключением принуждения Природы, которая ничего не дает нам даром. Было бы бесполезно пытаться подробно рассказать вам о том, каким образом это будет осуществляться, поскольку сама суть этого - свобода и отмена любой произвольной или искусственной власти; но я попрошу вас понять одну вещь: вы, несомненно, захотите знать, что станет с частной собственностью при такой системе, которая, на первый взгляд, не запрещает накопление богатства, а вместе с этим накоплением - формирование новых классов богатых и бедных.

Итак, частная собственность в современном понимании подразумевает владение богатством отдельным лицом независимо от того, может ли владелец использовать его или нет: он может накапливать капитал или накопленный труд прошлых поколений и не использовать его сам и не позволять другим использовать его; он может, и часто он это делает, поглощать первое, что необходимо для труда, землю, и не использовать ее сам и не позволять никому другому использовать ее; и хотя ясно, что в каждом случае он наносит ущерб обществу, закон строго на его стороне. В любом случае, богатый человек накапливает собственность не для собственного использования, а для того, чтобы он мог безнаказанно обходить закон Природы, который предписывает человеку трудиться ради средств к существованию, а также для того, чтобы он

мог дать возможность своим детям делать то же самое, чтобы он и они могли принадлежать к высшему или бесполезному классу: он накапливает не богатство, а благополучие, добрые дела, телесные и умственные; он скоро удовлетворяет свои реальные потребности в этом отношении, даже когда они наиболее требовательны: это власть над другими, то, что наши предки называли *богатством*, то, что он собирает; власть (как мы видели) заставлять других людей жить в его интересах беднее, чем они должны были бы жить. Поймите, что это *должно* быть результатом обладания *богатством*.

Сейчас эту силу, чтобы заставить других жить плохо социализм будет отменить полностью, и в этом смысле было бы положить конец частной собственности: не нужно принимать законы, чтобы предотвратить накопление искусственно, когда после того, как люди узнали, что они могут использовать сами, и что тем самым каждый человек мог наслаждаться результатами своего труда: за социализм основы права индивидуума к обладанию богатством в его будучи в состоянии использовать это богатство для своих личных нужд, и, труда, будучи правильно организованной, каждый человек, мужчина или женщина, не в понаге или по другой причине не от работы, будет иметь все возможности для получения богатства и тем самым удовлетворить свои личные потребности; если эти потребности поехал в любом направлении, кроме тех обывателей, ему придется пойти на личные жертвы ради того, чтобы удовлетворить их; он бы, например, работать больше часов, или отказаться от какой-роскошь, которую он не заботился для того, чтобы получить то, что он очень нужные: поступая так, он будет в худшем повредит никому: и вы ясно увидите, что другого выхода нет, между ним и его принуждать кого-нибудь другого, отказаться от *своих* особых желаний; и эта последняя исходя кстати, когда это делается без санкции самой мощной части общества, называется *воровство*; несмотря на большой масштаб и надлежащим образом санкционированы искусственным законам, то оно, как мы видели, фундамент нашей нынешней системы. Еще раз, эта система отказывает людям в разрешении производить продукцию без искусственных ограничений; при социализме каждый, кто мог бы производить, был бы свободен производить, так что цена предмета была бы просто себестоимостью его производства, и то, что мы сейчас называем прибылью, больше не существовало бы: так, например, если бы человеку понадобились стулья, он накапливал бы их до тех пор, пока у него не было бы столько, сколько он мог использовать, и тогда он остановился бы, поскольку он не смог бы купить их дешевле, чем себестоимость их производства, и не смог бы продать их дороже: другими словами, это были бы не что иное, как стулья; при нынешней системе они могут быть средством принуждения и разрушения, таким же грозным, как заряженные винтовки.

Следовательно, никто не стал бы оспаривать у человека владение тем, что он приобрел, не причиняя вреда другим, и тем, что он мог бы использовать, не причиняя им вреда, и это настолько устранило бы соблазны злоупотребления владением, что, вероятно, не потребовалось бы никаких законов, чтобы предотвратить это.

Теперь несколько слов о дифференциации вознаграждения за труд, поскольку я знаю, что мои читатели наверняка захотят услышать здесь изложение социалистических взглядов относительно тех, кто руководит трудом или обладает особенно выдающимися способностями к производству. И, во-первых, я буду рассматривать превосходного работника как предмет, предположительно необходимый обществу; а затем скажу, что, как и в случае с другими предметами, так и в случае с этим, сообщество должно оплачивать стоимость его производства: например, ему придется искать его, развивать его особые способности и

удовлетворять любые потребности, которые у него могут быть (если таковые имеются), помимо потребностей среднего человека, при условии, что удовлетворение этих потребностей не наносит ущерба обществу.

Более того, вы не можете дать ему больше, чем он может использовать, чтобы он не просил большего и не брал: это правда, что его работа может быть более особенной, чем у другого, но это не более необходимо, если вы правильно организовали труд; пахарь и рыбак так же необходимы обществу, как ученый или художник, я не буду говорить, что более необходимы: трудность производства более особенной и превосходной работы вовсе не пропорциональна ее специализации или совершенству: работник высшего звена выполняет свою работу, возможно, так же легко, как и работник низшего звена; если он не делает этого Вы должны дать ему дополнительный досуг, дополнительные средства для восполнения растраты энергии в нем, но вы не можете дать ему ничего больше. Единственная награда, которую вы можете дать отличному работнику, - это возможность развивать и тренировать его превосходные способности. Я повторяю, вы не можете дать ему больше ничего стоящего: все остальные награды либо иллюзорны, либо вредны. Я должен мимоходом сказать, что наша нынешняя система обращения с тем, что называется гениальным человеком, совершенно абсурдна: мы безжалостно морим его голодом и подавляем его способности, когда он молод; мы глупо балуем и льстим ему и снова подавляем его способности, когда он среднего или пожилого возраста: мы получаем от него наименьшее, а не наибольшее.

Эти последние слова относятся к простым редкостям в работе рабочих; но в этом отношении это всего лишь вопрос степени; суть всего этого в том, что руководитель рабочей силы находится на своем месте потому, что он пригоден для этого, а не по простой случайности; будучи пригодным для этого, он выполняет это легче, чем выполнял бы другую работу, и нуждается в компенсации за жизненный износ не больше, чем другой человек, а не нуждающийся в ней не будет требовать ее, поскольку она была бы ему бесполезна; его особая награда за его особый труд, повторяю, заключается в том, что он может выполнять это легко, и поэтому он не чувствует себя обремененным; более того, поскольку он может делать это *хорошо*, ему нравится это делать, поскольку, действительно, главное удовольствие в жизни - это использование энергии для развития наших особых способностей. Опять же, что касается рабочих, находящихся под его руководством, то он не нуждается в особом достоинстве или авторитете; они достаточно хорошо знают, что до тех пор, пока он выполняет свои функции и действительно руководит ими, если они не будут прислушиваться к нему, это будет происходить ценой того, что их труд станет более утомительным и тяжелым. Все это, вкратце, и есть то, что подразумевается под организацией труда, которая, другими словами, заключается в том, чтобы выяснить, для какой работы такие-то люди наиболее приспособлены, и предоставить им свободу делать это: мы не станем утруждать себя этим сейчас, в результате чего лучшие способности людей будут растрчены впустую, и эта работа станет для них тяжелым бременем, от которого они, естественно, увиливают, насколько могут; это должно доставлять им скорее удовольствие; и я прямо говорю, что, если мы не найдем каких-либо средств сделать всю работу более или менее приятной, мы никогда не избавимся от великой тирании о современном мире.

Упомянув разницу между идеями конкуренции и коммерции по поводу индивидуального владения богатством и относительного положения различных групп работников, я очень кратко скажу кое-что о том, что за неимением лучшего слова я должен назвать политической позицией, которую мы занимаем, или, по крайней мере, о том, чего мы ожидаем в долгосрочной

перспективе. Замена конкуренции ассоциацией является основой социализма и будет пронизывать все действия, совершаемые при нем, и это должно действовать как между нациями, так и между отдельными людьми: когда прибыль больше не сможет быть получена, отпадет необходимость в объединении масс людей для получения наибольшей доли прибыли в их местности или в реальном или воображаемом союзе людей и корпораций, который сейчас называется нацией. То, что мы сейчас называем нацией, - это организм, функция которого заключается в обеспечении особого благосостояния своих объединенных членов за счет всех других подобных органов: прекращение конкуренции лишит его этой функции; поскольку не будет нападения, не нужно будет и защиты, и мне кажется, что, поскольку у нации отнята эта функция, у нее не может быть другой, и поэтому она должна прекратить свое существование как политическое образование. Мнение об этой стороне движения неуклонно растет. Ясно, что, совершенно независимо от социализма, идея местной администрации вытесняет идею централизованного правительства: возьмем замечательный пример: во Французской революции 1793 года наиболее передовой партией была централистическая; в последней французской революции, революции Коммуны 1871 года, она была федералистской. Или возьмем Ирландию, успех, который сегодня сопутствует борьбе Ирландии за независимость, я совершенно уверен, обусловлен распространением этой идеи: либерально настроенным англичанам больше не кажется чудовищным предположение, что страна должна управлять своими делами самостоятельно: ощущение, что это не только справедливо, но и очень удобно для всех сторон, когда это делается, уничтожает предрассудки, возвращенные веками деспотичного и расточительного правления. И я верю, что Ирландия покажет, что ее требование о самоуправлении исходит не из национального соперничества, а скорее из соображений подлинной независимости; учета, с одной стороны, потребностей ее собственного населения, а с другой - доброй воли по отношению к другим населенным пунктам. Что ж, распространение этой идеи облегчит нашу политическую работу как социалистов; люди, наконец, поймут, что единственный способ избежать тирании и расточительства бюрократии — это Федерация независимых сообществ: их федерация преследует определенные цели: способствовать организации труда, выясняя реальный спрос на товары и, таким образом, избегая расточительства: для организации распределения товаров, миграции людей - короче говоря, дружеского общения людей, чьи интересы совпадают, хотя обстоятельства их естественного окружения сделали необходимыми различия в образе жизни и манерах между ними.

Таким образом, я набросал кое-что о социализме, показав, что его целью является, во-первых, избавление от монополии на средства приносящего плоды труда, чтобы труд мог быть бесплатным для всех, а получаемое в результате богатство не могло быть присвоено немногими и, таким образом, вызывать нищету и деградацию многих; и, во-вторых, что он направлен на организацию труда таким образом, чтобы ничто из него не пропадало даром, используя в качестве средства свободное развитие способностей каждого человека; и, в-третьих, что он направлен на устранение национального соперничества, которое с точки зрения факта означает состояние постоянной войны, иногда с денежным мешком, иногда с пулей, и замену этого изношенного суеверия системой свободных сообществ, живущих в гармоничной федерации друг с другом, управляющих своими собственными делами по свободному согласию своих членов; при этом признавая некий центр, функцией которого было бы защищать принципы, практику которых должны осуществлять сообщества; пока, наконец, эти принципы не были бы признаны всеми всегда и интуитивно, когда последние остатки централизации исчезли бы.

Я хорошо осознаю, что этот полный социализм, который иногда называют коммунизмом, не может быть реализован полностью сразу; общество изменится с самого начала, когда мы сделаем невозможной форму грабежа, называемую прибылью, предоставив трудящимся полный и свободный доступ к средствам его производства, то есть к сырью. Требование этого освобождения труда является основой, на которой могут объединиться все социалисты. По более неопределенным причинам они не могут встречаться с другими группами политиков; они могут только радоваться, видя, что почва очищена от противоречий, которые на самом деле мертвы, чтобы можно было урегулировать последнее противоречие, которое мы можем в настоящее время предвидеть, и решить вопрос о том, необходимо ли, как думают некоторые люди, чтобы общество состояло из двух групп нечестных людей: рабов, соглашающихся быть рабами, но постоянно пытающихся обмануть своих хозяев, и хозяев, сознающих, что у них нет поддержки их нечестности, заключающейся в том, что они питаются общим достоянием, не добавляя к нему ничего, кроме простой организации грубой силы. , которые они должны постоянно отстаивать во всех деталях жизни вопреки естественному желанию человека быть свободным.

Можно надеяться, что мы, представители нынешнего поколения, сможем доказать, что в этом нет необходимости; но, без сомнения, потребуется еще много поколений, чтобы доказать, что такая деградация необходима для того, чтобы продолжаться так долго, как это происходит с человечеством; и когда это будет окончательно доказано, у нас останется по крайней мере одна надежда — что человечество долго не протянет.

СНОСКИ.

[13] Ложно; потому что привилегированные классы имеют за спиной силу исполнительной власти, с помощью которой они заставляют непривилегированных принимать их условия; если это “свободная конкуренция”, то в словах нет смысла.

[37a] Прочитано на конференции, созванной Фабианским обществом в Институте Саут-Плейс, 11 июня 1886г.

[37b] Вы можете сказать, что они *были* “довольно грубы” и сделали больше, чем просто придерживались своей сентиментальной позиции. Что ж, я все еще говорю (февраль 1888 г.), что нынешняя открытая тирания, которая отправляет политических оппонентов в тюрьму, как в Англии, так и в Ирландии, и проламывает головы радикалам на улице за попытку посетить политические собрания, принадлежит не тори, а вигам; не старое Тори “божественное право королей”, а новое Тори, *то есть*, окрашенное в тори вигское “божественное право собственности” сделало возможным Кровавое воскресенье. Признаюсь, в 1886 году я не ожидал, что в 1887 и 1888 годах мы увидим такой блестящий пример тирании парламентского большинства; фактически, я не рассчитывал на силу непробиваемой глупости педантов в союзе с вигами, марширующих под довольно потрепанным знаменем шаманизма.

[43] Так же верно сейчас (февраль 1888 г.), как и тогда: убийство чикагских анархистов, а именно.

[87] Я полагаю, он говорил о каркасных домах в Кенте.

[176] И, кажется, провинциальный Лондон (февраль 1888 г.).

[184]1886, а именно.